

И. СОТНИКОВ

**ХРОНИКИ ОДНОГО
ЗАСЕДАНИЯ**

И. Сотников

**Из найденных хроник
одного заседания**

«Издательские решения»

Сотников И.

Из найденных хроник одного заседания / И. Сотников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931610-3

Сделанный выбор ещё не значит, что ты получишь именно то, что ты ждёшь. Разворачивающиеся в книге события временами стеснены стенами замка, где проводятся заседания одного избранного клуба, а временами стеснены только обстоятельствами, которые сопровождают героев повествования, которые всегда в пути и ищут для себя свой выбор. А вот к чему он приведёт — это мало кто знает.

ISBN 978-5-44-931610-3

© Сотников И.
© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	6
Не ищите прямых ответов	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	42
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Из найденных хроник одного заседания

И. Сотников

© И. Сотников, 2018

ISBN 978-5-4493-1610-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая

Не ищите прямых ответов

Глава 1

Застолье. На закуску. (Закадровый голос принадлежит автору в соавторстве с читателем).

«Правила поведения за столом, в аристократическом простонародье прозванными этикетом, много чего и зачем не понятно для обладателя наследственных земель и титулов принца Вторита, предписывают едоку, который, в общем-то сюда поесть пришёл, а не слушать циканье и тем более видеть все эти возмущённые его недолжным поведением за столом, взгляды всех этих придира, знатоков этикета, у которых кроме него в их жизни и нет ничего более значащего.

– И спрашивается, да из того же принципа, – заметив рожу ворочающие взгляды на себя, не стерпел таких вызовов своей природе, и вслух озадачил окружающих вопросом, наследник практически всех грубостей своих предков, принц Вторит, – да хотя бы вот у тебя, вся рожа в белилах, – к потрясению представительного, всего в достоинствах господина Питковского, принц Вторит демонстративно тыкает в него своим указующим пальцем с нанизанным на нём перстнем с красным камнем, – С какой это стати и вообще, почему я должен придерживаться всех этих, непонятно кем надуманных правил этикета? Да и к тому же, я левша. И поэтому, как лицо представляющее меньшинство, имею право требовать для себя индивидуального подхода. – Ударив кулаком по столу, повысив голос до того предела, после которого наступает черёд кулаков, возмущается наследник обширных земель, титулов и как сейчас выясняется, и широкого, с долей апломба, взгляда на окружающий мир, принц Вторит.

В результате чего, крепкого соударения его кулака и стола, происходит дребезжание и постукивание близко друг к другу стоящей посуды, медалей на его мундире и подбрасываются вверх, со стола – столовые приборы, а со своих седалищных мест – натуры близкие к истерике.

Но всё это свои частности, и они совершенно не волнуют побелевшего от страха и недоумения за себя, – как же его так угораздило попасться на крючок указательного пальца столь сиятельного принца, – в один момент растерявшего все свои достоинства и друзей, теперь уже и не столь представительный господин Питковский. – И дёрнул же меня чёрт, выказать свою независимость взглядов на принца. – Начал судорожно соображать господин Пинковский, не сводя с принца своего полного уважения, до степени благоговения взгляда. – И попробуй сейчас не ответить на его вопрос. Так он мигом, правда уже по-другому, заставит меня ответить за моё пренебрежение им. – Ещё больше погрузился господин Питковский, постепенно сползая со стула вниз.

А ведь принц Вторит изначально, предусмотрительно стараясь избежать возможного конфуза, всех званых на свой ужин гостей, многозначительно предупредил: «Прошу не обращать на меня внимание». А они, и в том числе господин Пинковский, что за народ такой, взяли и обратили.

Правда господину Питковскому на этот раз повезло, и притом дважды. Во-первых, в том, что на месте принца оказался сам принц, а не какое-нибудь некультурное лицо, что в принципе невозможно (королева, несмотря даже на не беспочвенные подозрения короля, вне подозрений), которое не стало бы разбираться и сразу же утвердило бы его рожей в салат. И, во-вторых, в том, что принц Вторит был натурой увлекающейся, и он обнаружив перед собой новую

смену блюд, тут же и забыл как звали этого господина Питковского, тем более в его случае, это было не сложно сделать, – ведь он его и так не знал, да и слуги на что.

А из этого, самого обычного случая, которое подразумевает одно из главных правил поведения за столом, – не лезь своим говорящим взглядом под руку и, не заглядывая своим соседям в рот, – господину Питковскому, а на его примере и другим случайным людям за соседними столами, не мешало бы сделать для себя должные выводы. И даже удивительно, почему такой знаток этикета господин Питковский, об этом не знал, или же пренебрёг? Хотя последнее вполне возможно. Ведь это, как в случае с профессионалами от профессии или от своего занятия, которые время от времени пренебрегают своей безопасностью, решив по бравадить своим умением перед новичками или будет лучше, молодой особой.

И хотя опасность дальнейшего столкновения взглядов с принцем Вторитом миновала, всё же теперь перед господином Питковским стояла не менее сложная задача, – как восстановить свой статус-кво, который до потери авторитета измельчался в порошок. Где при этом ему, несмотря на то, что он находится в гуще народа, теперь приходится бодриться и бороться со своим блюдом в полном одиночестве, и всё под многочисленные, полные его осуждения, косые взгляды других званных лиц.

И вот уже казалось, что господин Питковский конченный человек, и у него остался только один выход, провалиться сквозь землю, прямо к чертям, где ему самое место, как вдруг на него что-то, скорей всего от отчаяния, находит, и господин Питковский по примеру принца Вторита, берёт, и демонстративно пренебрегает правилами этикета.

– Ну и что вы мне сейчас скажите против? – Усмехается себе в усы господин Питковский, поглядывая на своих в полной растерянности застывших соседей по столу. И они не только ничего посмотреть против не могут, но и теперь совершенно не знают, как им дальше быть, при виде того, как господин Питковский самонахально заручившись поддержкой столь могущественного покровителя, кем был принц Вторит, сейчас издевательски нервирует их психику, нанизывая мясо вилкой находящейся в неположенной по этикету правой руке.

Но господин Питковский, что за подлая натура, на этом не останавливается (и это понятно, имея-то таких покровителей), и как только он прожевал заброшенный в рот не по правилам кусок мяса, то он вместо того, чтобы прилично вытереть губы салфеткой, берёт и, не скрывая своей близкой заинтересованности к сидящей напротив него, пока что только мадмуазель Жаннетт, очень демонстративно облизывает свои губы.

Ну а такого вызова приличиям, уже никто из сидящих за этим столом гостей мимо себя пропустить не может, и заставляет их с поправкой на покровительство принца, реагировать. И первым, кто не пропускает мимо себя поднятой в запале от увиденного полной рюмки, то это самый молодой из занимающих за этим столом лиц, пока безуспешно добивающий своего признания в глазах всё той же мадмуазель Жаннетт, сэр Бритстоун. Ну а вслед за ним, а всё из-за своей возрастной рассеянности, а также из принципа не лезть на рожон (что и привело её в стан старых дев), воздержавшись от первоочерёдности, последовала реакция и со стороны герцогини Йоркской, которая впад в мысленную прострацию, умудрилась уронить свою челюсть себе в декольте.

Ну и как здесь быть без того, чтобы не упомянуть и саму мадмуазель Жаннетт, у которой между прочим, у первой дрогнуло сердце, и она к новому потрясению сэра Бритстоуна, решившему незамедлительно повторить фокус с рюмкой, вначале густо краснеет, а затем и вовсе бросает вызов, но уже другим приличиям – мадмуазель Жаннетт, не сводя своего взгляда с господина Питковского, перекладывает из левой руки в правую свою вилку, и теперь за столом наступает полный цугцванг». – Замолчал Чтец, не моргая уставившись на слушателей.

– Чего замолчал? Или на этом всё? – ожидаемо первым, нетерпимо или нетерпеливо, что и не разберёшь, задался вопросом доктор Очерк.

– А можешь не спрашивать. Я по его глазам вижу и из опыта знаю, это у него такая форма вступления, – он хочет заинтриговать и усадить за чтение потенциального читателя. Верно, я говорю? – с долей самоуверенности и с таким же взглядом, обращается с вопросом к чтецу детектив Самуэль.

– Верно, и в тоже время нет. – Слишком уверенно и значит дерзновенно для автора, таким образом отвечает детективу Автор и Чтец, пока что в одном лице.

– Как это? – с трудом скрывая неудовольствие от ответа, спрашивает детектив Самуэль.

– Продолжение есть, и оно будет озвучено, но только в своё время, в нужном месте. – Продолжает дерзить, и тем самым накалять и так не спокойную обстановку, что за странный Автор или Чтец.

– Хм. И тогда, что там дальше по плану? – почесав подбородок, спросил Автора детектив Самуэль.

– А что, разве непонятно. – Автор в ответ всё больше расходится и не только на месте, вызывая большую тревогу за него у его слушателей, которые уже начинает подозревать, что скрывается под этими его намёками – их недалёкость умственного развития. – Ваша вставка или реприза, кому как удобнее, называть. – Автор своим заявлением окончательно выводит из себя этих смиренных слушателей, которые подорвавшись с мест, начинают для начала вопить: «Как это понимать, сволочь?». Как будто такой переход на личности, уже не подразумевает их своеобразное понимание автора и всего им сказанного. Но нет, этого им недостаточно, и всем хочется услышать подтверждения их понимания, – и тут даже и не поймёшь сразу, какие они из себя люди, – дальновидные или недалёкие.

Но, пожалуй, они уже запоздали со своим возмущением, да и было поздно добиваться своими кулаками об голову автора документальности или чего другого, так как в этот кабинет при библиотеке, зашёл председатель, и всех умолчал и усадил обратно по своим местам.

Ну, а председатель между тем, производя сейчас впечатления, а ранее знания о себе, как о весьма властной и суровой натуре, ни слова не проронив, что говорит о том, как он ценит слова, излишков которых в нём не наблюдается, обходит длинный стол, стоящий посередине этого довольно-таки просторного кабинета, со стеллажами полного книг по сторонам. После чего подойдя к своему председательскому месту, на время задерживает свой взгляд на основательном председательском стуле, который определённо требует силовой приценки, – не всякому председателю, а что уж о лицах не облечённых этой властью говорить, готов поддаться (именно так, и ни как иначе) этот стул, – затем переводит свой взгляд на присутствующих в кабинете людей, и уже после этого занимает своё место на стуле.

Теперь же заняв подобающее для себя место, председатель кладёт на стол перед собой папку с бумагами, и в полной тишине и под внимательными взглядами занимающих свои места за тем же столом людей, начинает изучать содержимое папки. При этом видно, что его совершенно не смущает присутствие здесь в кабинете столько любопытных к нему людей, что либо говорит о том, что председатель никого из находящихся в кабинете людей всерьёз не принимал, либо же он таким презрительным способом самоутверждался за счёт них. Хотя может быть всё это надуманно смотрящими на него лицами людей, находящимися на другой, не председательской стороне стола, когда как на самом деле, председатель просто очень ответственно относящийся к своему председательству человек, и он совершенно не может отвлекаться на всякую мелочь вокруг.

– Хм. – Прорезает шум кабинетной тишины изданный председателем звук вопросительного удивления, заставив тем самым взволноваться присутствующих в кабинете людей. Но не успевают все эти наблюдатели, так ничего для себя осмысленного не надумав, облегчённо вздохнуть, как новое высказывание председателя и не просто высказывание, а вопрос, заставляет их по-новому заволноваться.

– Это что ещё за чепуха такая? – нервно задаётся вопросом председатель, почти яростно откидывая от себя лист бумаги, с которого на него и смотрело то, что он так туманно для всех присутствующих людей об именовал. После чего он откидывается на спинку своего стула и бросает общий взгляд на сидящих за столом людей. И хотя находящиеся за столом люди подспудно ждали того момента, когда, наконец-то, председатель обратит свой взор на них, всё же когда это случилось, то все они себя вдруг почувствовали неуютно в поле зрения этого, почти что мифического, человека ли. А ведь при этом председатель ещё ни на кого в отдельности не посмотрел, ограничившись поверхностным взглядом. И что будет тогда, когда он напрямик глаза в глаза посмотрит?

– Надо срочно понять, что может скрываться под словом «чепуха». – Судорожно зашевелились мысли у сидящих людей, а у кого и заработали головы, в попытке найти разгадку этого вопроса.

– Зная председателя, могу ответственно сказать, что для него всё чепуха. – Первым сдался детектив Самуэль, не вербально выдвинув эту версию на общее рассмотрение, – он также как и председатель откинулся на спинку только своего стула, и всем своим видом показывал независимость своего суждения председателя.

– Вздор вздором помножить, так выйдет чепуха. – Позволил себе ухмыльнуться всё переводящий на свою математическую размерность, живущий в своём разграниченном рифмами, в пока что в самой простой ямбической малометражке, поэт Свирепый.

– Нет, тут не всё так просто. – Впал в глубокую задумчивость логик Дебр. – И я не думаю, что председатель удовлетворился бы одним значением этого слова «нелепость», и не пошёл бы дальше до своих истоков, – путаницы. А вот путаница, уже не такая бессмыслица как кажется. И если найти запутавшиеся волей обстоятельств концы, и соединить их, то мы в итоге сможем получить ... – Но Дебру в очередной раз не довелось довести до своего логического конца свою умозрительную нить, и всё как всегда по вине, как будто видит его мысли, председателя. Который своим обращением к стоящему пока автору: «Вот с вас-то мы и начнём, раз вы уже стоите», – вновь возвращает всё внимание сидящих за столом людей к стоящему в сторонке, за миниатюрной трибуной для выступлений, автору.

– Давайте, не стесняйтесь. И заверните нам что-нибудь такое, чтобы все мы, и в особенности председатель, выпали в осадок. – Подбодрили автора председатель и заодно, всегда находящийся за его спиной мистер Скетч, которому ничего не надо, а только дай повод и возможность позубоскалить. Ну а какое из двух предложений сказал председатель, а какое выразительно лицевыми мышцами продемонстрировал мистер Скетч, то здесь ни у кого большого труда определить это не составит. А у кого составит, то тому даётся небольшая подсказка в виде багрово красного носа мистера Скетча, всегда готового составить вам компанию, для того чтобы совместно выпасть в осадок.

– Давай, предисловь дальше. – Под шум сворачиваемой бумаги, не смог смолчать доктор Очерк, чей полный нетерпимости взгляд в спину председателя, ни у кого не оставлял сомнений в том, что стоит только председателю обернуться, как доктор Очерк уже одумался и на него не смотрит. Что и говорить, а доктор Очерк даже для председателя мысленно неуловим.

Но председатель сегодня скорей всего не хочет давать доктору Очерку такого шанса, показать себя со своей неуловимой стороны, и он не оборачивается назад, даже несмотря на то, что этого доктор хочет, а облокотившись на подлокотник, занимает свою позицию слушателя. Ну, а автор и ттец, сейчас вновь в одном лице, и он, конечно, никого не оправдано заставлять ждать не может, и приступает к зачитыванию приготовленного:

«Несомненно, столовые приборы в руках и в особенности их положение в пространстве, что-то да значит, и даже возможно играет свою огромную роль в постижении вас человеком, либо заслуживающим своего внимания, – а он умеючи справляется с устрицами, сразу видно школу Оксфорда, – либо же одни кривотолки, – хозяева слишком либеральны, раз позволяют

себе такие демонстрации интеллекта, – но это только одна сторона и не всегда лицевая сторона медали. Или монеты?

Ладно, неважно, когда одно лишь важно, – то к чему ведут все эти ваши отношения с ножом и вилкой. Где этот ваш вид, – вы в полной растерянности, с дрожью в руках держите все эти опасные, больше для вашей репутации, нежели для предлагаемого для вашего рассмотрения блюда столовые приборы, – может разбить сердце, либо юной претендентке на ваше сердце леди Гамильтон, либо же её вздорной, и закостеневшей в условностях и возрасте миссис Гамильтона, вдовы мистера Гамильтона, которому она до сих пор ничего простить не может. А он простил.

И если насчёт его (мистера Гамильтона) изменнического поведения по отношению к некоторым миссис, то с этим миссис Гамильтон, отправив часть из них на упокой своей жизни, а наиболее живучих, под присмотр отвратительной старости, которая редко щадит пользующихся во всю катушку своей молодостью людей, более менее смирилась, то вот насчёт того, что транжир и кутила, мистер Гамильтон, её разорил, то от этого никуда не деться. Ну а раз она поклялась мистеру Гамильтону вечно его помнить, то она не собирается его забывать, и на всех публичных углах, будет и будет разоряться (что при её положении банкрота не страшно) насчёт слишком несдержанного поведения этого теперь уже и не мистера.

Так что миссис Гамильтон и её пристальное внимание к вашему поведению за столом, можно понять, правда при этом, она совершенно не хочет понимать того, что она своим демонстрирующим предвзятость поведением, сбивает вас и путает все ваши мысли, заставляя раз за разом ошибаться и делать опрометчивые поступки.

Ну так, например, под столом, где вы явно потерявшись в темноте ногами, – а там освещения никакого, – взяли и случайно натолкнулись на миниатюрную туфельку мисс Гамильтон. Из-за чего она тут же чуть не поперхнулась супом. Что вызывает у вдовы Гамильтон ярость во взгляде, с которым она смотрит на этого, не будь у него столько денег, то почти что потерянного для общества субъекта, который своими прихлебательскими действиями с ложкой, невыносимо действует на приличных людей.

Но этот субъект, до чего же не пробивной тип, и он вместо того чтобы понуро опустить глаза в тарелку, берёт и дерзновенно смотрит на вдову Гамильтон, и при этом судя по его выражению лица, что-то там про себя и возможно про вдову Гамильтон мыслит такое, что и словами не передать.

– Интересно, как бы она на меня посмотрела, если бы я действовал более иносказательно, но в тоже время, более прямолинейно. – Не сводя своего взгляда с вдовы Гамильтон, начинает её подвергать умственному сомнению этот субъект (назовём его Претендент), который ранее нацелился на руку мисс Гамильтон, а сейчас прямо-таки целится на благочестие вдовы Гамильтон. – И вместо ножки мисс Гамильтон, драматично потревожил бы ногу вдовы. – Претендент вдруг не удержался и прыснул от этих всех своих представлений потерянностей лица вдовы Гамильтон, которой так давно не делали таких волнующих предложений под столом, что она даже забыла, как это делается и как следствие, забылась, проявив на лице солянку из искреннего недоумения и надежды на осуществление её игры воображения.

И будь вдова Гамильтон менее сдержанной особой, – а она в данном воображаемом случае именно такая, – то она бы немедленно потрясла бы слух окружающих едоков вопросительностью: «Что это всё значит?», – тем самым вызвав у всех сидящих за столом невольный приступ самокритичности. Где все сидящие за столом, одновременно, вначале бросились тревожно оглядывать почему-то свои штаны или юбки, куда, по мнению вдовы Гамильтон, упала некая, только ею увиденная недопустимость в виде крошки хлеба или чего более существенного, той же капли супа. При этом никому на ум и прийти не может факт того, что вдове Гамильтон, чтобы увидеть эту их оплошность, пришлось бы предельно постараться для этого.

Да и к тому же сам факт такой приметливости, не укладывается в свод правил поведения за столом, но разве об этом сейчас, в таком-то волнении, упомнишь.

Но слава тому, кто предусмотрел использовать по своему назначению салфетки, расположив их в нужных местах, так что можно было за себя вздохнуть с облегчением, чего не скажешь о сидящих за столом других людях, которые вслед за самокритичным взглядом, подверглись критичному осмотру своих соседей. Ну а там конечно, не столь радужная картина, как у самих смотрящих, даже не смотря на всё их видимое следование установленным правилам. И это понятно, ведь только взгляд со стороны позволяет увидеть тот самодовольный субъективизм, которым льстят себя все соседи.

А ведь когда, как в этом случае, вопрос прозвучал так смело и неожиданно, то это не может, а весьма вероятно может, заставить врасплох оказавшиеся в эпицентре этих событий людей, которые сами не ожидая того, вдруг обнаружили на своих и соседних лицах выражение хоть и страха, но всё же искренности.

И вот тут-то многие, да практически все, за исключением вдовы Гамильтон, при виде может быть с самого детства знакомых лиц, начинают понимать, что они их совершенно не знают, в первый раз видя их такими... Живыми. Что заставляет их более пристально вглядываться в них. Но уже поздно, возврат в тень защитной маски непроницаемости, неизбежен. И всем приходится довольствоваться ухваченными моментами.

– И чего лыбится, сволочь. Может чего-то во мне увидел не то? – заволновалась за себя и за свою причёску леди Бенкли, при виде этой улыбочивой, переходящей в радость, уставившейся в неё как в одну точку, физиономии доктора Пинки. – А может у меня не здоровый цвет лица? – вдруг ахнула от страха леди Бенкли, обнаружив на лице доктора Пинки слишком здоровый цвет лица, в особенности в области пресмыкающегося перед рюмкой носа.

Но леди Бенкли может столь сильно не переживать за то, что ей далеко до такой лицевой здоровости доктора Пинки. Ведь его здоровый цвет лица, – а здесь в банкетном зале дворца, таким лицевым благополучием, никто кроме принца Вторита не мог бы сравниться с доктором Пинки, – был результатом его долгих усилий на поприще возлияний внутрь различного рода, вплоть до экспериментальных, лечебных средств. Среди которых были и такие, о которых и сам доктор Пинки, большой знаток всех этих средств, не был готов распространяться.

– Да на одну его рожу посмотришь, как отпадает вся охота есть. – Глядя на славящегося своим слоённым, как пирог лицом (имеется в виду, что оно было многогранно), сэра Дибенса, грубеет лицом не слишком стройная, но стремящаяся к этой идеальности, леди Интерес. Но тут вдруг, неожиданно вслед за этим, она наталкивается на невероятно показавшуюся ей интересной мысль, – а зная леди Интерес, можно предположить, что эта её мысль имела диетическую направленность, – что в один момент меняет её отношение к сэру Дибенсу, который становится перед фактом своего чрезвычайного удивления, при проявлении такой видимой симпатии к нему со стороны леди Интерес, которую он терпеть не мог и она до этого момента отвечала ему тем же.

И хотя все эти взгляды друг на друга столь различились, всё же все они были единодушны в одном, своём видении вдовы Гамильтон. – Чёрт возьми, всю эту аристократию! – Первое, что пришло в голову всем гостям, когда они вернувшись к себе, осмыслили заданный вслух вопрос вдовы Гамильтон. – И умеет же она так туманно обосновывать свои претензии на аристократизм. – Убеждающе сжали свои губы всё те же гости.

– Может оттого, что они на самом деле туманны. – Неожиданно в чьей-то, так и не выкорчеванной от плебейства душе, мелькнуло основанное на зависти сомнение. Но оно было тут же развеяно поднявшимся роем голосов кандидатов на эту претенциозность. – Не просто туманны, а очень туманны! – Лица сидящих за столом людей накрыл туман обоснованности, с которым они благоговейно посмотрели на вдову Гамильтон. И только Претендент находился в некоторой конфронтационной оппозиции к вдове Гамильтон, о чём он не собирался

умалчивать, сейчас же обратившись, а вернее сказать, слишком много себе позволив, отвечая вопросом на вопрос вдовы. А ей, между прочим, и сэра Гамильтона, оставившего после своей скоропостижной кончины столько вопросов и загадок (и главный из них, где всё состояние?), по горло хватает.

– Как будто вы, леди Гамильтон, не знаете, при ваших-то взглядах на меня. – Берёт с умышленным подтекстом слово Претендент, умело дополняя его новой атакой ноги на ногу вдовы, которая не выдерживает такого напора мысли и действий Претендента и, склонив свою голову на бок в искусственном обмороке, выдаёт себя, погружая сидящих за столом в смятение. Из которого только одно и может вывести, и выводит – прыск смеха Претендента.

Что и говорить, а прыскающее поведение Претендента (а ведь он ещё не дал возможности ответить вдове Гамильтон), к которому случайно он прибег под воздействием своего воображения, ни в какие своды правил поведения в приличном обществе за столом не входит, и вдова Гамильтон даже теряет самообладание и позволяет себе лишнее, – поинтересоваться у этого невежды, что он тут увидел смешного?

– Вы даже себе представить себе не можете, что. – Хотел было тут же расстаться с вдовой Претендент на руку её дочери, таким образом ответив ей. Но ведь эта вдова прихватит с собой и мисс Гамильтон, а это для него недопустимо и, пожалуй, скучно. И Претенденту пришлось срочно скорректировать свой ответ. – Да тут такая путаница в голове возникла. – Серьёзно проговорил претендент, глядя на вдову Гамильтон, которая судя по её проникновенному взгляду, как раз что-то подобного подозревала насчёт него. – Да и как она не могла возникнуть, – тихо произносит Претендент, опустив голову и глаза в тарелку. И, пожалуй, вдова Гамильтон готова его простить, но не успевает, как вдруг он резко поднимает вверх свою голову, отчего вдова готова вслед за своим сердцем упасть со стула, и с вызовом бросает ей в лицо практически вызов, – ведь я сию напротив вас и всё вижу.

Ну а пока вдова Гамильтон находится в прострации, у претендента есть время для того чтобы спокойно доест свой суп. К чему бы он немедленно и приступил бы, после того как подмигнул улыбающейся мисс Гамильтон, если бы всё это он в своей голове не надумал, ища для себя ответы на этот полный ярости взгляд вдовы Гамильтон.

– Совершенно не даёт сосредоточиться, одна путаница в голове. – Стиснув зубы, глядя исподлобья на вдову Гамильтон, подумал Претендент, не спеша проглатывать ту ложку супа, которая или точнее будет сказать (а здесь, в этом обеденном месте, как оказывается только такими понятиями и оперируют), сам перевалочный процесс из одного сосуда (тарелки) в другой (человека), и вызвал такой не восторг у вдовы Гамильтона.

– Хм. – Претендент вдруг натолкнулся на новую мысль, заставившую его задуматься и задержать во рту суп до первых распоряжений мозга. – А ведь иной выбор, только на первый взгляд ведёт к другому результату. И тут дело не только в том, что твой выбор подразумевает и выбор самого тебя, но и немаловажное значение имеет то, что заставляет тебя делать этот выбор. Где возможно, что цель, ради достижения которой выбирается та или иная дорога, не есть основная цель, а сама избранная для её достижения дорога, как раз и включает в себя все те достижения, которые и должен приобрести для себя идущий к своей цели человек. И он всегда делает свой выбор на основе того, что ему не хватает. При этом быстрое достижение цели, редко его не удовлетворяет. И что же тогда мне нужно? – Претендент поочередно посмотрел на вдову Гамильтон и на её дочь.

– Ну, здесь выбор очевиден и не обсуждается. – Резюмировал себя Претендент. – Но только не сам путь достижения желаемого. Где можно будет для себя отыскать то, чего так в жизни не хватает. – Поправил себя Претендент.

– И что же тебе не хватает? – задался вопросом к самому себе Претендент.

– Вот так сразу и не скажешь. – Ответил самому себе Претендент и, многозначительно посмотрев на вдову Гамильтон, задался вопросом. – Может быть опасности?

– Ты в этом уверен? – Претендент проглотил суп и, выдвинув свою ногу под столом в сторону ноги вдовы Гамильтон, тем самым дал свой ответ самому себе». – Тут вдруг вмешивается Председатель, и своим: «Вопрос услышан. Заворачивай. Следующий!», – на этом ставит свою точку.

Глава 2

Вопросы выбора. Куда?

Почему путник, как правило, в богатырском обличье, на развилке дорог своего пути, нередко встречает указательный камень (в то дикое, былинное время, практически в каменном веке, даже несмотря на умение обрабатывать железо, технические возможности дальше камня не пошли – наверное, экономически нецелесообразно было использовать другие материалы) с тремя предложениями?

По всей видимости, потому, что сторон света четыре, а с одной стороны, где ему теперь всё известно, путник как раз и пришёл сюда, чтобы ознакомиться с другими, пока неизвестными ему световыми предложениями, а это, пожалуй, с положительной стороны характеризует самого путника, с этой его тягой к знаниям, да и вообще, он разносторонний человек.

Хотя возможно, что этот камень был только фигуральный – дорога была скучная и долгая, и путник невольно задумался или вообще задремал, и когда он очнулся, в результате того, что его конь под ним остановился на развилке дорог, не решаясь за своего хозяина делать выбор, то ему спросонья и померещился или привиделся этот каменный указатель. В общем, это не столь важно (давай-те всё же оставим камень для наглядности), когда перед путником встал более насущный вопрос – куда и в каком направлении ему дальше пойти?

Правда, прежде чем обращаться с таким вопросом к себе, было бы неплохо поинтересоваться у своего коня – а куда бы ему было желательней идти? Всё же идти ему, а не путнику. Но конь скотиной был сознательной, да и его бессловесность провоцировала путника на своё понимание нужд коня, который был готов пойти хоть на край света за своим хозяином, в общем, путник не стал за зря время тратить, интересуясь нуждами своего коня (может быть он тоже есть фигуральная проекция), а приступил к изучению выбитых на камне предложений.

Ну а там, ничего нового и строго по списку:

- Налево пойдёшь – богатому быть.
- Направо пойдёшь – женатому быть.
- Прямо пойдёшь – живому не быть.

«Это значит, что прямые пути не всегда путёвые», – сразу же сделал вывод путник, после того как окинул взглядом камень.

Что ж, вставший перед этим, частично заманчивым, а отчасти не очень, выбором путник, а может и искатель приключений, что не мешает ему быть богатырём и героем в душе, быстро приняв во внимание все эти предложения, решает для начала рассмотреть ближайшие к нему предложения – женатым и богатым быть. Таким образом, он решает для себя Гамлетовский вопрос: «Быть или не быть». При этом надо заметить, что хоть времена во все времена и в эти том числе, были непростые, всё же Гамлет, даже не смотря на то, что он был принц, проявил некоторую скупость в своих предложениях, тогда как не выставляющий себя на показ стоящий за камнем герой, что говорит о природной скромности этого былинного анонима, расширил предложение «быть» до двух, включив в него своё дополнение (какое из двух, не совсем важно).

Ну а живым не быть, видимо для путника не столь актуальное, лежащее в дальней плоскости предложение, и с ним можно было повременить (видимо путник умел зреть несколько дальше обычного, в четырёхмерных плоскостях, раз он сумел увидеть, что все эти предложения лежат не в одной, а в разных плоскостях, где прямой путь находится в отдалённой от ближайших предложений плоскости видения).

При этом надо понимать, что каждый человек, даже в своих глазах предпочитает выглядеть храбрым, чем достойным храбрости. И поэтому он быстро придумывает для себя мотивацию объясняющую сделанный им выбор.

– Только глупец без должной подготовки лезет на рожон. – С вызовом и с прищуром в глазах, посмотрев на прямой путь, выразительно заявил путник. – А как говорят. То, что нас не убивает, делает сильнее. Вот и готовлюсь. – Подводит итог своему разумению предложенный путник и переводит свой взгляд в сторону указателя «женатым быть». И в этом, пожалуй, есть свой стратегический смысл. Ведь если вначале решить стать богатым, а потом женатым, то вскоре богатым, с трудом или вообще не быть. Так что такой дальновидный выбор путника говорит о том, что он был не столь экономически безграмотен и обладал природной смекалкой. И скорей всего, после того как он побудет женатым, то у него есть все шансы быть богатым, даже не следуя указаниям на камне.

И вот настал, так сказать, момент для его решительных действий – не всё же время тут стоять.

– А то так окаменеешь и превратишься в архитектурный комплекс. – Усмехнулся путник. – Ну, давай, скорей решай, распутник! – подогнав себя, ухмыльнулся путник, обнаружив переплетающуюся связь между местом его нахождения, мыслями и своим итоговым выбором – всё к одному. После чего зачем-то глубоко вздыхает – может заранее хочет пережить возможное разочарование. Говорят, что если заранее потерзать себя сомнениями, то потом не так будет разочарованно. И со словами: «С богом!», – утряся таким образом все вопросы, направился в выбранную сторону.

Правда не успел он и шага сделать, как вдруг налетевший ветер (в самые решительные моменты, возможно поднявшись из-за резкого разворота головы путника, этот ветер тут как тут) порастрепал смотрящие ему вслед такие любопытные листья деревьев. А им только дай повод (а путник видимо дал), так они своим вопрошанием: «Интересно, а чем он ему, при этом варианте выбора, поможет? А свечки подержать! И то верно. Ну а на самом деле? Для благословения. Ну, ладно», – зашуршат любому его мысли и голову. И хорошо, что путник уже ушёл, и ничего из этого недоумения не слышал.

Ну а там навстречу ему, само собой, понятно и ожидаемо, везде цветы встречаются. И так до тех пор, пока, где-то после того как путник преодолел версту, вдруг сзади до путника, с самым обычным в этих местах именем Илья, доносится зов. Да, кстати, в этих сказочных краях, – одного взгляда по столь сказочно красивым сторонам достаточно, для того чтобы утвердиться в верности этой истины, – берётся за основу и действует своя сказочная система измерений, со своими единицами измерений. Такими как, та же упомянутая верста, семимильный сапог, одна нога здесь, другая там, ну и другие измерительные вероятности.

– Эй, мил человек! Подожди. – В таких словесных выражениях до Ильи доносится чуждый ему голос. Правда, почему он ему чужд, и что это вообще значит, он совершенно не знает и даже не задумывается об этом, но, тем не менее, он (голос) ему именно таким и считается. После чего Илья оборачивается назад и видит нагоняющего его, низенького, плюгавого, всего в испарине, просто сморчка человека. И пожалуй этот сморчок, должен благодарить Илью уже за то, что он не пошёл прямо, а в этом случае ему пришлось бы давать зарок не оборачиваться назад (он должен был бы всё время смотреть в глаза опасности; и иногда по сторонам), и тогда Илье было бы бесполезно сзади кричать, и он даже на слово: «Поберегись!», – не отреагировал бы.

Ну а Илья при виде этого сморчка человека, который даже не потрудился оттенить свою вызывающую не красоту модной одеждой, уже было хочет посмеяться, – мол, куда ты со своей даже более глупой, чем до ужаса не красивой рожей (вот почему он так удивительно мило обратился – для него любой другой человек в сравнении с ним будет милым), рядом с моей, – как вдруг понимает истинный смысл и значение этого «куда». Что в одно мгновение приводит его в бледность и в растерянность вида.

Ведь этот сморчок даже не догадывается, а определённо знает, куда ведёт эта дорога и значит, может для себя сделать логический вывод насчёт его намерений. Но и это ещё не самое

страшное из того, что надумал Илья. А вот то, что этот сморчок мог подумать, что он такой видный из себя рубаха-парень, а так о себе думает каждый, даже совсем не видный парень, – но зеркало не обманешь, раз ты в него видный, значит так и есть, – как будто сам себе, без подсказок найти не может жены, то вот это-то, и вызвало нервную дрожь и пульсацию вен в висках у Ильи.

Ведь это у этого сморчка, а не у него, судя по его шокирующим и бросающим вызов красоте внешним данным, особого выбора не было. И даже совсем нет уверенности в том, что там, куда ведёт эта дорожка, хоть чем-то смогут ему помочь. И получается, что и он, Илья, не далеко от него ушёл, выбрав для себя ту же, как оказывается, достаточно скользкую дорожку. А вот этого вопроса в устах этого сморчка и его оценивающего взгляда, больше всего и боялся, глядя на него Илья.

Но скорей всего сморчок не настолько глуп, как непрезентабелен, и он, подойдя к Илье, не начинает, усмехаясь задаваться провоцирующими на смертоносность ответа вопросами типа, это понимаю, у меня свиное рыло и не свежее дыхание изо рта, – сморчок в качестве демонстрации всего этого, крепко дыхнул на Илью, чем мгновенно исказил черты его лица в гримасу отторжения и вызвал слёзы, – и поэтому я не могу найти себе супругу. Но ты то, чем таким обделён природой, раз и всех путей выбрал именно этот? – Сморчок внимательно смотрит на Илью и вдруг к потрясению Ильи задаёт ему полный иносказаний вопрос: А может ты, того самого?

Но хорошо, что сморчок уже в своё время горьким опытом был научен, и поэтому он обратился к нему по делу, без провоцирования Ильи на свою неизбежность – а она неминуемо для него настала бы, после того как Илья опустил бы на его голову свою палицу и тем самым указал бы тому на его ошибку выбора для себя пути. Ну а потом, пока вокруг никого нет, Илья по быстрому перенесёт бездыханное тело сморчка за камень, в сторону прямого пути, ведущему к небытию, где как раз тому и место.

Но так как всего этого случиться не могло по причине осмысленного поведения сморчка, то Илье без всякого бы, пришлось прислушаться к сказанному сморчком.

– Прошу прощения за беспокойство. – С уважительным поклоном обратился к Илье сморчок. – Но вы, наверное, и сами заметили, какой я в сущности не приспособленный к совместной жизни, даже и не человек, а сморчок. – Самокритичность до степени самобичевания сморчка, так точно угадавшего мысли Ильи насчёт него, заставила дрогнуть в сострадании сердце Ильи. – И я бы никогда вас не побеспокоил, если бы не огромная для меня необходимость, пойти именно по этому пути. Куда я так и не решился вступить, пока не увидел вас. – Потупив взгляд, произнёс сморчок. Затем исподлобья посмотрел на Илью и сделал необходимые дополнения. – Я там, – махнув в сторону камня, сказал сморчок, – в леску всё это время проторчал. И как только вы выдвинулись в эту сторону, то понял, что вы мой единственный шанс попасть туда, куда ведёт эта дорога. – Сморчок замолчал, уставившись на Илью.

– Так что же ты хочешь от меня? – после небольшой паузы спросил его Илья.

– Чтобы вы взяли меня с собой. – Смирненно сказал сморчок.

– Почему бы и нет, раз ты не распространяешься. – Осмотрев ещё раз внимательно сморчка, дал своё многозначительное согласие Илья. Ну а сморчок, как только Илья развернулся лицом в прежнюю сторону и выдвинулся идти, то всё точно поняв и, продемонстрировав жест «рот на замке» (только кому?), срочно присоединился к уже шагающему Илье.

Ну а путь не в одиночку, и даже хоть со сморчком, в отличие от одинокого пути, следует совсем иным путём, и иногда провоцирует стороны на разговор. И хотя правом на подобного рода провоцирование, в полной мере обладал только Илья, – а он, как и все натуры обладающие этим первоочередным правом на начало разговора, оказался не просто многословным спутником, а молчуном, – то учитывая всё это, а вернее игнорируя, а также то, что сморчку

не терпелось почесать своим языком (теперь понятно, почему он демонстрировал свою приверженность молчанию, спине Ильи), то он первым и завёл разговор.

Правда надо отдать должное его выдержке, терпению и силе воли, он, несмотря на свои падения, которые следуют неминуемо, когда ты с трудом поспеваешь за своим спутником, не сразу, вот так, на ровном месте, принялся вставлять своему спутнику фигуральные палки в колеса, то есть слова в его ход ног и временами в контролирующие этот ход его мысли, а лишь дождавшись подходящего для этого случая – Илья после долгого подъёма в гору, остановился, и сморчок сумел-таки его нагнать, и в полной дыхательной, а вслед и словесной мере, воспользоваться этой остановкой.

И вот когда сморчок нагнал Илью, то он тут же, не дожидаясь того, когда Илья хотя бы даст повод для его голосового вмешательства в окружающую обстановку, – Илья при виде открывшегося с горы прекрасного вида лежащего в долине города, удивлённо ахнет: «Ни черта себе, сколько огней!», – сам первым заговаривает, глядя вниз на почти что мегаполис.

– А город-то, большой. – Сделал свою оценку увиденного сморчок. И, пожалуй, захоти сейчас Илья, да хотя бы из принципа, оспорить это оценочное мнение сморчка, то он бы это смог, но всё же факты и очевидность упрямые вещи, и Илья так уж и быть, лишь согласно кивнул в ответ. Ну а сморчку только этого, – согласия на диалог, – и надо было. И он мгновенно расширяет возможности для диалога.

– Это потому, чтобы выбора больше было. – Предположил сморчок.

– Возможно. – Неопределённо кивнул головой Илья.

– А я слышал, что путники, избравшие для себя этот путь, все впадают в одно и то же заблуждение. Они считают, что раз они уже сделали для себя первоочередной выбор, направивший их на этот путь, то на этом всё и дальше им больше не нужно ни о чём думать, за них должен всё делать их выбор. – Сказал сморчок, чем вызвал к себе внимание со стороны Ильи. Что подстёгивает сморчка на продолжение своего мудрствования.

– Но не это меня интересует. – Выказал свою самоуверенность сморчок, начиная всё больше удивлять Илью. – Ведь этот вопрос можно сказать вторичен. А вот почему пустившиеся в свой выбранный путь люди, не задаются первоочередным вопросом: «А с какой целью и кто установил этот указательный камень?», – то вот это меня волнует невероятно. – Как-то удивительно закончил своё высказывание сморчок. И Илья изумлённый наличием столько энергетики и интересных для запоминания слов в сморчке, на этот раз не ограничился простым ответом.

– Ты что ли, за этим камнем стоишь? – оперевшись взглядом в сморчка, задался вопросом Илья. И, наверное, сморчку польстила бы такая высказанная Ильёй возможность его серого кардинальства, но в виду того, что такого рода сказочных существ в этих краях не водилось, а сам сморчок был человеком не привередливым к себе и поэтому не спешащим примеривать на себя не заслуженные им регалии, то он не стал самоутверждаться за счёт кого-то другого (а мог бы), кто там стоял за камнем, а с сожалением высказал то, что знал по этому поводу: Не я.

Но Илья не слышал этого ответа сморчка, а всё потому, что уже сам задумался над этим вопросом. – И почему я действительно, не сразу же задался этим вопросом к себе? А ведь возможно, что ответы на эти первоочередные вопросы, многое бы разъяснили и дали возможность, не заходя за пределы распутья дорог, понять, что там может ждать путника.

И первое, что нужно было сделать, то попробовать найти ответ на главный вопрос – кто и с какой целью, установил этот камень на распутье дорог? И понятно, что саму эту мифическую личность, так узнать и не удастся, да это и не нужно, а вот если понять его ход мысли, то отталкиваясь от его что-то определённое значащей фигуры, можно будет во много чём разобратся. – Илья сделал небольшую передышку от нахлынувших мыслей, и обстоятельно приступил к рассмотрению этого вопроса.

«Начнём с самого места пересечения дорог. Неизвестно, когда возникли все эти дороги, но можно предположить, что они возникли ровно тогда, когда появилось то место, куда они могли привести. – Погрузился в раздумья Илья. – Хорошо. С дорогами разобрались. Теперь рассмотрим сами места, куда эти дороги ведут. Здесь, пожалуй, вариант посложнее. И пока опытным путём не произведена проверка истинности указаний камня, то имеет смысл рассматривать все эти вариантные предложения, только с позиции верности написанных на камне утверждений. Так вот, если всё-то, что написано на камне, верно, то возникает логичный вопрос, а для чего собственно нужно было ставить этот каменный указатель? Для удобства путника? Или же для удобства того умника, а он другим и не может быть, кто установил этот указующий на недостатки пунктов назначения дорог камень?»

И точно. Ведь все эти указанные предложения, только с виду кажутся достоинствами, когда на самом деле, там завуалированно указывается на то, чего не хватает в каждом пункте направления. Налево, там, где обещается богатство, скорей всего ощущается недостаток ума и человечности. Прямо, то там смелости и отваги. Ну и на выбранном пути, направо – мужественности». – Илья в своём раздумье, взглядом остановился на сморчке, и ему в голову пришла довольно безнадёжная для сморчка мысль. Но Илья не стал сморчка смущать своим наполненным для него не самими хорошими перспективами взглядом и вернулся в свои мысли.

«Но для чего же этот умник всё-таки поставил этот камень? Неужели, для того чтобы посредством заблудившихся путников, принести в эти конечные пункты назначения то, что им так не хватает?». – И хотя Илья терпеть не мог, когда им манипулировали, всё же он теперь и не знал, что и как думать об этом злокозненном анониме, стоящим за камнем. Но вот Илья вдруг, а должен был уже давным-давно потревожен назидательным воспоминанием своего учителя Святогора, который ему всегда говорил: «Никогда не верь обещаниям, а тем более написанному на заборе», – вновь слышит всё это зудение в своих ушах.

На что в ответ Илья, уже готов возразить и разить: «Но тут нет ни какого забора!», – но вспомнив, что рука Святогора и его слово, куда весомее его, решает не умничать, как бы ему парировал в ответ Святогор.

– Всё. Надо начинать с самого начала. – Под давлением мнения Святогора, Илья мысленно вернулся на пересечение дорог. После чего осмотрелся по сторонам и, не заметив никакого указателя, начал рассуждать. – Если бы здесь не было никакого камня, а он рассчитан только для незнакомых с этой местностью путников, то их выбор дорог основывался бы на их прямолинейности видения окружающего мира. И скорей всего, основная часть путников направлялась напрямиком туда, где их и ждёт некая опасность. А вот она возможно, и появилась из-за того, что все кому ни лень, не сворачивая, прут туда к ним. А там на всех харчей не напасёшься.

Вот и было решено собрать общее собрание, которое и порешило, с помощью установки этого указующего на другие жизненные приоритеты камня, проредить бесконечный поток направляющихся к ним людей. – Илья даже улыбнулся тому, как у него всё удачно складывалось. Правда, стоило ему посмотреть на сморчка, как он вновь расстроил себя грустными мыслями. – Но тогда получается, что всё то, что написано на камне, обман. Вот же расстроится сморчок. – Сердце Ильи наполнилось жалостью к сморчку. – Хотя, наверное, он уже привык огорчаться. Правда он говорил, что это его последний шанс, и тогда вполне возможно, что это его убьёт. – И почему-то такой вариант дальнейших развитий отношений сморчка со своей жизнью, не устроил Илью, который само того не ожидая, вдруг заметил за собой склонность к привязанности. Да ещё и не просто к человеку, а к какому-то сморчку. – Да, кстати, надо бы для приличия и удобства обращения, узнать, как его зовут. – Подумал Илья и обратился к сморчку.

– Слушай, мил человек. – Обратился к сморчку Илья и сам изумился тому, в каких словах он сделал это обращение. «Интересно и откуда вы, милостивый государь, таких слов

набрались? – Илья иронически спросил сам себя про себя и ещё больше удивился таким своим широким знаниям фразеологических учтивостей. – Во я даю! – ахнул всё также про себя Илья». Но обращённый взгляд сморчка не даёт Илье времени повосторгаться собой и, он придя к выводу, что на ход его мыслей влияет окружающая обстановка со своей ассоциативностью, спрашивает сморчка. – А как тебя величать-то?

Ну, а судя по тому, что сморчок разволновался, то он подспудно давно ждал того момента, когда у него поинтересуются его именем, за которое он хоть и в ответе, но всё же только со времени своего совершеннолетия, а так он может быть даже не согласен с выбором своих родителей, которые не спросив его (хотя бы в своём представлении), только на основании своих взглядов на жизнь или же поддавшись мимолётному порыву, взяли и на всю жизнь обрекли его на этот именной крест.

– Ну, что молчишь? Забыл, что ли? – не выдержав задержки в ответе сморчка, проиронизировал Илья.

– Яли. – После короткого замешательства даёт ответ сморчок.

– Вот как. – Удивился в ответ Илья. – Что-то знакомое. – Почесав затылок, решил таким образом как-то охарактеризовать имя сморчка Яли Илья. После чего Илья ещё немного поразмышлял над тем, где он мог это имя слышать и, придя к выводу, что он из-за того, чтобы сделать приятное этому Яли, ввёл себя в это мысленное заблуждение, обратился к нему с вопросом. – Так ты что, пришлый человек? («Чем дальше, тем больше я себя не узнаю. – Илья даже внутренне вздрогнул, услышав от себя такую словесную изобретательность. – И откуда во мне столько неизвестного?»).

Ну, а Яли, по всей видимости, в таком обращении к нему Ильи ничего необычного не видит, и как ни в чём ни бывало отвечает. – Ага, иностранец.

– Как это? – спрашивает Илья, удивлённый такому злоупотреблению со стороны Яли его доверием, который использованием в своём лексиконе незнакомых для Ильи слов, решил таким образом указать на его недостаточную образованность.

– Ой, оговорился. – Очень вовремя спохватился Яли, а то бы Илья уже знал бы, что думать о нём, волоча его бездыханное тело по обычному маршруту, в сторону того прямого пути за камнем. – Я имею некоторое отношение к заморской стране. В общем, я заморчанин – Поправил себя Яли.

– И какими судьбами тебя сюда занесло?! – чуть было не воскликнул Илья, но промолчал, успев понять, что у каждого есть своя драматичная предыстория, – Заморыш (так Илья сморчка про себя прозвал, что поделать, любит Илья творческий подход к людям) о ней уже рассказал, а Илья о своей и так знал, – которая и бросает в свои крайности человека. «Так вот что меня подтолкнуло на выбор этого крайнего пути», – ахнул про себя Илья, поразившись предусмотрительности насчёт него проведения. После чего Илья вновь возвращает в поле своего осмысленного зрения Яли, и обращается к нему.

– Так бы сразу и сказал, что ты далёкий от местных разумений человек. – Облегчённо вздохнул за дальнейшую судьбу взаимоотношений с Яли Илья. – Теперь-то понятно, почему твоя рожа не столь успешна в наших краях. – По новому взглянув на Яли, Илья принялся анализировать увиденное им на лице Яли. – Ты, так сказать, не рожей не вышел, а просто твоя физиономия, – а лицо есть отражение человеческой души, – несёт в себе иные, трудно понимаемые местным населением смыслы. И теперь сам подумай, как им жить с твоим недоразумением.

И видимо такого разумного подхода к себе, судя по растерянному виду Яли, он совершенно не учитывал ранее. А это ведь даёт огромные надежды на будущее. И Яли быстро осознав это, светлеет лицом, отчего даже в нём проявляется своя некоторая привлекательность, и с надеждой и частично мольбой в глазах, обращается к Илье. – Илья. Ты меня научишь

понимать местные смыслы? (Откуда Яли узнал имя Ильи, то это загадка из загадок, которая почему-то совершенно не заинтересовала Илью, посчитавшего, что так и должно быть).

Илья же, сам не зная, почему и, не помня, где он это заметил ранее, внутренне и внешне наполняется значительностью, с оценкой во взгляде обходит вокруг Яли, останавливается напротив него и многозначно говорит. – Что ж, попробуем настроить тебя на нужный лад. – На светлом лице Яли проявляется улыбка. На что Илья немедленно сурово реагирует. – Но запомни, я тебе не нянька. И если ты сам того не захочешь, и не будешь проявлять терпения и полного внимания ко мне, то я за результат не ручаюсь.

– Я буду. – Поспешно заявил Яли.

– Тогда пошли. – Сказал Илья и, повернувшись в сторону лежащего там внизу, в долине, города, на мгновение задумался. Затем посмотрел на стоящего рядом Яли, и с хитринкой в глазах, обратился к нему. – Ну а теперь, по устоявшейся традиции, ты должен бросить вызов городу.

Ну, а у Яли, насчёт этого нет затруднений, – у него на все случаи жизни есть припасённые заготовки, – и он, потемнев лицом, с яростью в глазах, ну и для выразительности своих произнесённых слов: «Я тебя, падла, сделаю!», – резко поднимает вверх сложенную в кулак руку, и начинает ею грозить городу, потрясать.

Правда такая самоуверенность Яли, да ещё на пару с его заносчивостью, видимо приходится не по нраву и кажется преждевременной для взявшего его в ученики Ильи, чья умеренность во взглядах была основой для поддержания его здорового духа. И Илья, только сейчас поняв, какую он взял ответственность, обретя ученика, даёт тому подзатыльника, тем самым остужая его чрезмерные порывы.

И, пожалуй, такой подход к обучению Яли со стороны Ильи был оправдан ответной смиренной реакцией Яли. И Илье, как говорится, два раза не пришлось повторять, раз его учительский авторитет не подвергался сомнению – отношения ученик и учитель, даже несмотря на то, что инициатором учебного процесса явился не запыхавшийся сам ученик, не редко переживают стремления ученика оспорить учительский авторитет. Ну а ученик Яли, как натура сама по себе нетерпеливая и беспокойная, видимо и решил не оттягивать решение этого вопроса на потом, и сразу попытался заявить о себе. И вот что из всего этого вышло.

Впрочем Илья, хоть и не догадывался о такого рода сложностях учебного процесса, всё же решил не отступаться, а довести своё дело до своего логического конца. – Да и у них там, в их Замории, всё с головы на голову. – Глядя на Яли, рассудил про себя Илья. – Что для нас культурный код, для них невежество, глупость и просто уму непостижимо. Для нас наглая беспринципность, для них здравый расчётливый подход. Для нас жадность, для них стеснённые обстоятельства. Для нас мазня и головоломка, для них импрессионизм и кубизм. И только одно пока что нас объединяет – мы единодушны в своих взглядах на заморскую для каждого из нас икру. Ну а раз так и что-то всё-таки нас объединяет, то Заморыш не совсем потерянный для нас человек. – Подытожил себя Илья. Затем смотрит на всё же слегка ошеломлённое лицо Яли, и словесно добавляет. – Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

После чего Илья не дожидаясь пока Яли придёт в себя, проговорив: «Хотя поставленные тобой цели, вполне сносны. Замах всегда должен содержать в себе грандиозность», – выдвигается по направлению ведущей вниз в город дороги. Яли же в свою очередь не собирается отставать и он, нагнав Илью, занимает рядом с ним своё место, и дальше они идут скорее молча, чем как-то иначе.

И так до тех пор, пока они... Нет, конечно, не заговорили, а пока их на их пути не встретил похожий на пропускной таможенный пункт, комплекс зданий, под условным названием «Застава».

– Удивительно хитро. – Позволил себе не сдержанность на слова Ильи, и всё потому, что действительно так думал. После чего они заходят в одно из зданий, на котором висит пригла-

шающая вывеска: «Приветствуется многое, прощается не нужное» (к этой вывеске и относилось высказывание Ильи). Там же к ним много вопросов, правда только вслух, не возникает, и человек в форменном обличье, выдав каждому из них по анкете, умело уходит пить чай, переведя их в Евклидовую плоскость ответов на заданные вопросы в анкете.

«Цель вашего прибытия к нам?», – прочитав первый вопрос, Илья несказанно удивился такой постановке вопроса. – Как будто и так не ясно. – Выразительно усмехнулся Илья, посмотрев на Яли, который в отличие от него отнесся к делу серьёзно и не позволял себе подвергать сомнению людей из бюрократического аппарата, которым по долгу их службы виднее, что спрашивать, а о чём интересоваться.

– А, наверное, он прав. – Сосредоточенный на ответах вид Яли навёл Илью на мысль. – При всей нелогичности нахождения этого вопроса в анкете, да ещё на первом месте, всё же это логично (логика сложная штука, и местами разрываясь в своей цепочке, она тревожит своей логичной нелогичностью, всего лишь подразумевающие свою жизнь в этой сфере умы философов), что он присутствует здесь. Это как в загсе или в церкви, когда работник государственного учреждения обеих канцелярий, зачем-то спрашивает жениха и невесту о их намерениях, как будто и так не ясно, раз они потратились и сюда пришли. Так и здесь, может для формализма, и спрашивается о цели нашего прибытия сюда. К тому же всякое бывает, – может мы, не столь серьёзны или вообще слепы, и оказались здесь случайно, придя не по дороге, а всё больше лесом. – Покачав головой для убедительности, Илья решил проявить творческий подход к ответу и написал: «Быть серьёзным».

Но стоило ему только опустить свой взгляд чуть ниже, как следующий прописанный в анкете вопрос, ставит его перед фактом того, что он тут не один такой умник, и среди составителей анкеты тоже встречаются креативные и как сейчас выяснилось, предусмотрительные личности.

«Вы это серьёзно?», – читает Илья и на мгновение немеет в мыслях. А ведь он ещё подумал, – до чего же простачки и доверчивые здесь живут люди, которым и в голову не придёт, что анкетированный человек не совсем будет честен. – А тут такой подвох его мнению на их счёт.

– Интересно и на чём они настаивают – на моей серьёзности или наоборот? – придя в себя, задумался Илья. Затем сравнивает свой ответ на первый вопрос со вторым вопросом и, улыбнувшись над тем, что из всего этого вышло, мнёт анкету и выбрасывает её в корзину для подобного рода анкет. Где как оказывается, не было так пусто. Что наводит Илью на мысль, и он быстро посмотрев по сторонам и, не обнаружив там, ну и заодно в глубине приёмного окошка, сотрудников службы пропуска, быстро ныряет головой под стол и вытаскивает из корзины не слишком испорченные анкеты, то есть одну. После чего он прячет анкету себе в карман, а сам вслед за этим занимает своё место за пустым столом.

Взгляд же на пустоту стола наводит Илью на мысль и дальнейшие действия, которые приводят его к окошку и к недовольству вида сотрудника службы пропуска, который всегда не любит, когда его отвлекают от его чаёвничания. Но сотрудник службы контроля перебарывает себя и не посылает Илью подальше без заполненной им анкеты, а вложив всё своё недовольство в резкость подачи анкеты Илье, тем самым отправляет его на своё место заполнять анкету.

Илья же заняв своё место за столом, теперь не собирается так не обдуманно поступать – не прочитав полностью анкету, давать на неё ответы. – Кто их там знает, что они там напишут. – Начал размышлять Илья. – А может это и не анкета вовсе, а таким хитрым образом выстроенный брачный договор? И не успеешь оглянуться, как неприятная для тебя во всех отношениях даже не дама, а усатый гренадер, уже имеет все права на тебя. Так вот, как оказывается, они обделяют свои делишки. Вначале завлекут сладкими обещаниями, а затем и глазом моргнуть не успеешь, как уже развестись, нет сил как охота. А сил-то нет, и только и остаётся, как клясть судьбу, и в лучшем случае идти в разбойники на большую дорогу. –

Крепко схватив ручку, но только не для целей письма, а в качестве оружия, с которым он будет защищаться до последней капли чернил, Илья косо посмотрел по тем же сторонам. И не заметив там особо опасных движений со стороны людей в его сторону, решил всё же для начала убедиться в правоте своих подозрений, прочитав анкету до конца.

И если с первыми двумя вопросами всё по-прежнему ясно, – они находятся на своих первых местах и смотрят на читателя во всё той же интонации, – то вот третий вопрос сбивает Илью с прежнего ритма и перенаправляет его мысли в другое русло.

«Ответьте предельно честно». – Прочитал начало вопроса Илья и сразу же впал в возмущение по поводу таких слишком больших предъявляемых ему требований от не знамо кого, который весьма вероятно, да что там говорить о вероятности, когда для Ильи несомненно ясно, что этот составитель анкеты, работающий на доверии плут, лгун и его окончательная цель, вымогательство. Да и к тому же Илья всегда требовательно относился к тайне вкладов и поэтому распространяться о себе не собирался.

Но вот первая взрывная волна уходит через ноги Ильи в пол, и он приступает к чтению самого вопроса. – Вы сразу направились по указателю сюда, или вначале сходили налево? – Прочитав вопрос, Илья на мгновение застывает в размышлении над прочитанным. После чего его лицо начинает постепенно расправляться в улыбке и как итог, он, смешливо покачав головой, тихо говорит. – Да они и впрямь не так просты. И самый не простой из них, тот, кто стоит за установкой камня. Но кто этот он? – задумался Илья, глядя в глубину себя, где как он слышал, есть все ответы на мучающие тебя вопросы.

Глава 3

Техническое. Взгляд на внутреннюю кухню на того... Кто?

Но это всё (этикет, правила), в основном касается обыденно-обеденных случаев. Когда же за общим столом собираются всё сплошь требующие для себя от окружающих пристального внимания, не просто люди, а можно сказать, олицетворения и выразители идей этого мира, то эти все правила не в счёт. Тем более, о каких таких правилах может вестись речь в тех случаях, когда язвительность тона по отношению ко всем убожествам, к которым причислены и вы, как носитель брюк, не предусматривает нейтралитета, а вот ответной ненависти в глазах, спрятанной под непроницаемостью выражения лица, то это, пожалуйста, на те кушайте!

И видимо отцы основатели, и никак иначе, закладывая первый камень в фундамент этого клуба по интересам, учитывали такую возможность перераспределения интересов и внимания своих будущих соклубников, и поэтому, понимая, что здесь не корабль, где все решения любых проблем лежат на поверхности воды, а суша, в качестве базисного положения, выбрали дискриминацию по одному только им известному признаку. Хотя, наверное, это всего лишь наветы завистливых и не скрывающих своих полных ненависти лиц людей, которым путь в этот клуб заказан. Ведь как они ещё могут объяснить для себя столь явно выраженную по отношению к ним несправедливость. Да никак.

А ведь между тем, все входящие в реестр клуба, а в данный момент сидящие на своих, согласно авторитету мест за продольным столом, в главном зале средневекового замка его члены, не могут воочию похвастаться своей принадлежностью к любой социальной, и в том числе, по половому признаку группе. А всё потому, что всему этому способствует предусмотренное всё теми же отцами основателями их инкогнито прибытие сюда, по строго указанному в полученном ими приглашении времени, с их отдельным расположением за этим столом (соседей друг от друга отделяла специальная перегородка), где освещённость зала так устроена, что только сам стол и лежащие на нём руки членов клуба видны – это одно из главных условий нахождения за этим столом.

Правда непонятно чего опасались отцы основатели, – может тайных замыслов, где фигурки и другие однообразные фигуры, собственноручно созданные некоторыми умелыми членами клуба в этой тени, были не самыми страшными вызовами другим, неприятным для первых членов клуба людям, – но они, по всей видимости, очень хорошо знали, кого зовут за этот стол и поэтому так предусмотрительно подготовились.

– Но тогда как? – при виде всей этой скрывающейся в тени не освещённости тайны лиц, которую так яростно оттеняет строго по прямой направленный сверху на стол яркий свет ламп, неминуемо последует зрительский вопрос.

– А разве непонятно? – удивится в ответ очевидность. – Ведь чтобы понять, а тем более прочитать то, что несёт в себе то или иное лицо, его видеть совсем необязательно. И одного его голоса слышать будет достаточно, для того чтобы понять, с чем он пришёл и что принёс в этот мир вместе с собой. Да и к тому же в его руках находится подсказка – его ни с кем не спутаешь авторский стиль выражения своих мыслей и подчерк, который символично олицетворяют находящиеся в руках ручки.

Ну, а это, уже не просто что-то, а с большой буквы что-то. Ведь как не им (ручкам), кому доверяются все самые сокровенные мысли, не знать лучше всех того, кому они верой и всей своей, до последней капли чернильной душой служат. И не трудно догадаться, что все эти ручки, своего рода инструменты по проведению в жизнь замыслов своих хозяев, как продолжение их «Я», а у кого и по больше, но никак не меньше это «Я», насколько это было можно, отражали в себе характер и даже общественную значимость своего хозяина.

И конечно в первую очередь, прямо рябя глаза, в них же бросались инструктированные драгоценными камнями, располневшие от своей значимости и статусности, две пузатые перьевые ручки, занимающие свои почётные места строго рядом с председательским местом (с недавних пор переименованном в президентское), и так уж и быть, друг напротив друга. А иначе они, – достопочтенный сэра Паркер и не менее самоутверждающий себя в этом статусе, сэра Монблан, – передерутся или ещё того по следственно сложнее, начнут друг друга обвинять в плагиате, конъюнктуре, отходе в коммерческое русло и как итоговый результат, грозящее переходом на личности, хвастовство сэра Паркера в его сожительстве с толстой женой сэра Монблана.

А вот здесь необходимо сделать небольшое отступление, для того чтобы сделать своё разъяснение, позволяющее уразуметь, почему эти и все другие господа за этим столом, именовались под такими вымышленными именами.

А всё дело, как не трудно уже догадаться, в установленных клубом правилах анонимности. Ну, а так как членство в клубе всё же подразумевало общение между членами клуба и он не входил во франшизу анонимных молчунов, в результате недолгих наблюдений было решено, что наиболее подходящим для всех членов клуба, тем более им к псевдонимам не привыкать, будет то, если они будут носить (конечно, только в стенах этого клуба) имена соответствующие брендам их ручек или более широко сказать, их канцелярским инструментам (это расширение было необходимо в виду того, что среди членов клуба были свои оригиналы, которые жить не могут без того, чтобы не пооригинальничать и вместо ручки использовать маркер или тот же карандаш; о гусином пере даже и говорить не хочется).

Так вот, продолжим. И если со всей первой частью обвинений сэра Паркера, сэра Монблан, пожалуй, смог бы согласиться, и даже бы не стал подробничать насчёт того, где он эту паскуду, сэра Паркера видел, всё же упоминание сэром Паркером в таком невероятно удивительном для сэра Монблана ключе, его совершенно не стесняющейся своего повышенного веса миссис Монблан, его определённо интригует, и даже может стать сюжетной завязкой для его новой книги.

«Любовь зла, полюбишь и козла», – сэра Монблан на ходу придумал название для своего нового бестселлера. Да и к тому же невероятное сходство сэра Паркера с этой скотиной, о чём сэра Монблан догадывался, но до этого момента не придавал этому особого значения, теперь-то им отчётливо виделось. – Скотина он и есть скотина. – Пробубнил про себя сэра Монблан, временно отвлёкшись от сэра Паркера.

Ну а сэра Паркер, до чего же неуживчивый со всеми человек, – из-за чего он до сих пор и холост, и по этой-то причине, его хвастливые слова о близкой связи с миссис Монблан, потеряв свою основательность, могут показаться недостоверными, – и он вместо того чтобы дать возможность сэру Монблану хоть как-то успокоиться, – не часто приходится слышать такие изумительные откровенности насчёт своей супруги, которая как оказывается, не только вязать носки умеет, – всё лезет к сэру Монблану.

– И чего ты там бубнишь. Ни одного слова не разберёшь? – делает язвительное замечание сэра Паркер. – Неужели на новый сюжет для книги наткнулся? – Ржёт сэра Паркер.

– Угадал. – В одно слово разит побледневшего сэра Паркера сэра Монблан. И, пожалуй, сэра Паркера, даже несмотря на всё его паскудство и местами конформизм, вызванный жилищными неудобствами, можно пожалеть. Ведь он не так просто, из-за своей холостяцкой глупости, поддался чарам миссис Монблан, о которой он никогда плохо не думал, да и, в общем-то, никогда не думал, а просто кто-то внутри в нём, после крепкого посещения бара надумал, и она ему приснилась во всех своих, всё больше непристойных видах. Что ему поутру очень сильно помогло при выходе из него всего им вечером принятого. Ну а то, что сейчас он о ней упомянул, то это просто пришлось к его гневному слову – сэра Монблан, как факир вывел из него лишние слова.

Но сэр Монблан не собирается учитывать все эти факторы внешнего влияния на ход мыслей сэра Паркера, тем более он только сейчас понял, до чего же этот сэр неблагодарная скотина. К нему миссис Монблан, можно сказать с распостёртыми объятиями и возможно даже, что и плюшками угошала, а он тут ещё свою морду в недовольстве воротит в сторону, замечая за ней несоответствие его стройным идеалам стандарты красоты. И тогда спрашивается, какого хрена ты, паскуда, завлекал в свои любовные сети, до встречи с тобой, ничего подобного о их существовании не подозревающую миссис Монблан.

– Так он это всё сделал ради меня! – лицо потрясённого сэра Монблана даже перекосило от такой его разгадки тайны поступков сэра Паркера. Что и говорить, а сумел-таки сэр Паркер разорентировать сэра Монблана, который теперь и не знал, как ему отнестись к этому своему вечному конкуренту и сопернику. Ведь были и такие времена, когда они находили свои точки соприкосновения, но только не как в данном случае, с миссис Монблан, и когда встал вопрос выбора для себя псевдонима для членства в клубе, то они даже вместе посетили специализированный магазин, чтобы купить для себя соответствующую извоззрениям на себя ручку – да, они знали друг друга, но что поделаешь, если особу записанную в классики, трудно не узнать; им также делались некоторые поблажки.

Так с одной стороны, в этих словесных действиях сэра Паркера (сэр Монблан считал сэра Паркера хорошим новеллистом и не более того) по отношению к миссис Монблан, чётко прослеживалось, с далёким прицелом на его сэра Монблана, его злой умысел и коварство. Где миссис Монблан, испытал возможность новых ощущений, – сэр Паркер определённо ей что-то спьяну брякнул, – теперь будет требовательно на него смотреть, намекая на нечто большее, чем одни только слова. А это всегда сбивает с мысли и не даёт сосредоточиться на работе над книгой, к тому же все знают, что некоторый голод в личностных отношениях способствует передаче энергии и страсти в повествование. Да уж, этот сэр Паркер всё-таки умеет из ничего создать интригу.

С другой стороны, как бы подл и коварен не был сэр Паркер, – а без знания всех этих тонкостей такого характерного некоторым людям поведения, весьма трудно правдоподобно прописывать наделённых всё теми же качествами персонажей, – всё же то, что он никогда не забывал сэра Монблана и время от времени, хоть и с ненавистью вспоминал о нём, то это по своему грело душу.

– Подлец, одно слово. – Подытожил результат своего видения сэра Паркера сэр Монблан, так и быть, решив подумать насчёт его предложения о соавторстве в новой книге, основанной на реальной истории с любовным треугольником.

– Смотри, я не люблю халтуры. И каждому из нас придётся постараться. – Сурово посмотрев на сэра Паркера, сказал ему сэр Монблан.

– За меня можешь быть спокоен. Я не подведу. – Подмигнув самому себе, ответил сэр Паркер. Затем немного подумал, и сделал предложение. – Всё же было бы разумным, установить некоторые границы допустимости отношений с миссис Монблан, после перехода которых, наступала бы ответственность.

– Перво-наперво, запомни главное правило. Рукам волю не давать. – Почесав затылок, сказал сэр Монблан.

– А если? – предупредительно убрав руки за спину, спросил сэр Паркер.

– Ну, а если такая, совершенно не представляемая мне невероятность предложения со стороны миссис Монблан, вдруг начнёт читаться в её поступках, – а они могут проявиться, например, под воздействием приятно проводимого вечера, со своей обволакивающей сознание расслабляющей музыки, да ещё и выпитое за ужином способствует всем этим взглядам с пикантным контекстом, и всё это в контрасте со скандалом дома, – то в этом случае немедленно делай паузу в отношениях и, отлучившись хотя бы в туалет, звони мне. Понятно? – уточняющее спрашивает сэра Паркера сэр Монблан. И, конечно, такой не простой вопрос, где

в его предыстории прозвучало столько ведущих миссис Монблан в ресторан завуалированных предложений, требует от сэра Паркера обстоятельного обдумывания.

– Всё-таки сэр Монблан, расчётливый гад, раз хочет за счёт меня осуществлять такие траты на миссис Монблан. – Нехорошо задумался сэр Паркер. Но сэр Паркер, как и всякий холостяк-эгоист, недалновиден. Он совершенно не учёл того, на какие траты придётся пойти всё проклявшему, сэру Монблану, когда миссис Монблан заявит ему о своём желании сменить свой потрёпанный на диване и не сменяемый годами гардероб, без которого, как оказывается, в ресторан не пускают. Впрочем, и в этом, ух, до чего же всё-таки расчётливый сэр Монблан, он отыскал для себя плюс и повод для контрастного скандала, который ускорит желание миссис Монблан изменить ему с сэром Паркером. Отчего даже складывается такое впечатление, что сэр Монблан не совсем искренен со всеми участниками этого импровизированного любовного треугольника, и задумал чёрт знает что.

– Сэр Паркер. Вы слышите, что вам говорят? – неожиданно для сэра Паркера, разрывает его задумчивую тишину Председатель или как с недавнего времени им решено себя называть, Президент – Президент единственный из членов клуба не скрывал своего лица, сидя с торца стола на свету, что компенсировалось большим количеством привилегий (о них чуть позже).

– Что? – очнувшись от своих дум, на автомате задал вопрос сэр Паркер.

– Сэр Паркер, мы конечно учтём ваши вопросительные пожелания и в своё время зададим этот вопрос кому-нибудь из участников. Но всё же для начала, – вы, надеюсь, не забыли о том, что сегодня исполняете обязанности секретаря, – нужно выполнить все формальности и поставить свою подпись под протоколом сегодняшнего заседания. – Сказал Президент, протягивая сэру Паркеру лист бумаги со списочным составом членов клуба.

Сэр Паркер в свою очередь берёт протянутый ему лист, кладёт его перед собой на стол, затем берёт лежащую здесь же свою ручку и вместо всеми ожидаемых действий – подписания этого протокола присутствия – из-за своей, конечно, характерной подлости, решает подойти к этому делу не формально, а придирчиво и предубеждённо. Мол, я по себе знаю, на что я способен, когда мне одновременно нужно присутствовать на заседании какого-нибудь комитета по рассмотрению заявок на нобелевскую премию по литературе, и в тоже самое время, у себя дома на диване, где гораздо комфортнее и ближе. Так что пока я лично не удостоверюсь в том, что все на месте, то даже не подумаю поставить здесь свою подпись.

– Всё же для начала, я должен убедиться в присутствии на заседании всех нижеперечисленных членов клуба. – Озвучивает свою мысль вредоносный сэр Паркер и, судя по раздавшемуся с его стороны шевелению, принявшемуся к зрительному обзору присутствующих на заседании лиц, или того, что эти лица олицетворяли – лежащих перед каждым из них письменных принадлежностей.

Да, кстати, насчёт возможности того, что такая зрительная анонимность позволяла члену клуба пойти на подлог самого себя и усадить на стул другое временно замещающее его лицо. То, несмотря на то, что такая компиляционная опасность существовала, всё же за всё время существования этого клуба, эта опасность только существовала и всё. Ведь до степени понимания зная всех своих членов клуба, основатели клуба не без оснований (на то они и основатели, чтобы этими категориями мыслить) считали, что каждый член этого клуба, только запросто готов выступать под любым псевдонимом, а по сути, чужим именем, а вот своё имя для него священо, и он никому не позволит под ним писаться. И этот-то клинический факт и не давал повода усомниться в том, что на заседании присутствуют именно члены клуба, а не их временные, подставные лица.

– Что ж. Начнём по порядку. – Явно преследуя провокационную цель, – по нервировать членов клуба, – таким образом озвучил себя сэр Паркер, приступив к осмотру присутствующих на заседании лиц. И, пожалуй, судя по дрожи некоторых рук, ему удалось внести сумятицу в головы членов клуба, которые не то чтобы не привыкли, а они как натуры совершенно чув-

ствительные, не любили, когда их так пристально рассматривали, и не дай бог, ещё считали – они прекрасно догадывались о том, что под собой всякий их подсчёт подразумевал, и за кого их часто считали – Сам самовлюблённый эгоист и конченный наркоман!

– Нет, это понятно, что руки герра Ватермана дрожат – при его специализации в жанре мистического ужаса, без должного злоупотребления пробников в магазинах, зачастую никуда и не пустят, кроме как только в кромешный ад, где ему самое место. Но вот почему руки сэра Монблана дрожат, то это весьма интересно. – Задумчиво глядя на дрожь рук сэра Монблана, размыслил про себя сэр Паркер.

А ведь сэр Паркер, хоть изначально и сказал, что он сейчас начнёт свою проверку по порядку, всё же этот порядок не включал в себя, как самого себя, так и сэра Монблана, хотя бы по причине их значительного веса в литературе, которую все они здесь находящиеся, в зависимости от своего вклада в неё, постольку и представляли. И тут понятно, что величина вклада в эту дисциплину, во многом зависела от тех отпускных возможностей и вместе с ними ограничений, на которые пошла природа, выделяя и наделяя талантом то или иное лицо претендента на своё инвестиционное место в литературной дисциплине.

Ну а сэр Паркер, без ложной скромности, ну и для справедливости стоящей в его глазах, а также сэр Монблан, хоть частенько и жаловались (в основном по теме, на скудность тем для сюжета), но могли не жаловаться на то, что их природа талантом обделила, – но таков человек, ему сложно удовлетвориться имеющимся, – мог, да не только мог, но и смел самоуверенно заявлять, даже если его об этом не спрашивали, что он определённо отмечен судьбой. И стоило только кому-то усомниться в этом, как сэр Паркер, не дожидаясь пока это сомнение оформится в слова, – ему одной кислой рожи журналиста достаточно увидеть, чтобы понять как того гложет зависть к столь успешному беллетристу (так сэр Паркер, себя в минуты своей восторженности называл, а так он всегда по простому, заговорщицки подмигнув глазом, представлялся: «Да, я тот самый, сэр»), – парировал его возможный выпад.

– Знайте. – Угрожающе посмотрев на предвзятого журналиста, а они, по мнению бывшего журналиста сэра Паркера, другими быть и не могут, обратился к нему сэр Паркер. – Я никогда не прибудняюсь. Я можно сказать, щедрый. И у меня, если будет надо, для всех, даже и для врагов, слов хватит.

Ну а у этого журналиста, прямо-таки руки трясутся, держа блокнот, в котором однозначно прописано редакционное задание, найти слабое место у сэра Паркера и, засунув туда свой журналистский нос, разворошить это осиное гнездо. А если это не получится сделать, то по надуманному предлогу, хитроумно привести сэра Паркера (– Сэр Паркер, а не подскажите, где тут самое лучшее пиво подают? – умело играет на отзывчивости сэра Паркера этот журналюга) в один из баров (только здесь сэр Паркер понял истинную причину тряски журналистских рук), где и применить против него ранее обговорённую с барменом, заготовленную в редакции провокацию – выразительно вслух допустить возможность того, что сэр Паркер трезвенник и к тому же халявщик – и всё для того, чтобы выведать у сэра Паркера обо всех его скелетах в шкафу, а может и в шкафах.

Что и говорить, а не зря главреды так называются, умеют они так хитро составлять свои редакционные задания, что сэр Паркер даже сразу и не нашёлся, что на это всё можно было возразить. Ведь в этом, возможно не обоснованном предположении журналиста насчёт него, входило две взаимоисключающие для сэра Паркера утверждения – он не мог одновременно быть трезвенником и халявщиком, хотя бы потому, что первое для него было недопустимо, а быть не трезвенником и одновременно не халявщиком (такой уж ход мысли у сэра Паркера), то быть не халявщиком не даёт его склонность к первой суровой для действительности, ипостаси нахождения в себе.

Так что сэр Паркер, по себе зная, а это уже немало для него значит, что насчёт первого утверждения это точно не к нему, сразу же дал отвод этому журналюге, немедленно отправив

его к бармену. Ну а раз с первым вопросом всё так легко разрешилось, то вскоре сэра Паркера на своём... Нет уж, не на своём, а вот на кошельке этого журналиста, даст тому жестоко почувствовать, как он был не прав, пытаясь убедить сэра Паркера в отсутствие у него склонности к халяве.

Ну а потом всё так закружилось и завертелось, что и сам сэра Паркер уже и не помнит того, как был подловлен этим журналистом на слове. – Да у меня этих скелетов и не пересчитать! – вспылал праведным гневом и разъярился сэра Паркер, в ответ на неумелое подозрение журналиста его, сэра Паркера, в том, что он не полностью укомплектован в сравнении со всеми великими писателями.

– И чего же у меня нет такого, чего есть у всех великих? – крепко сжав в руке кружку, задался вопросом сэра Паркер, приготовившись продемонстрировать этому Фоме неверующему журналисту, а вернее его голове, наличие в нём экзальтированности и безудержной ярости.

– У вас нет, или по крайней мере, я не видел, своих скелетов в шкафу. – Посмел прямо в лицо сэру Паркеру утверждать такую дерзость этот Фома неверующий. И, пожалуй, это заявление Фомы неверующего, на время отсрочило встречу его головы с кружкой сэра Паркера, который определённо был озадачен этим заявлением Фомы. Хотя он сразу же хотел отреагировать, заявив, что у него есть знакомый могильщик на кладбище, и если надо, то по сходной цене, ему сколько надо доставят этих скелетов. Но потом сэра Паркер натолкнулся на несуразность их положения в пространстве, в шкафу, и вынужден был оставить без заказа своего знакомого могильщика.

При этом сэра Паркер не может смолчать, когда на него так предубеждённо смотрит этот Фома неверующий. И поэтому не терпящий всякой неправды сэра Паркер, для того чтобы хотя бы дать себе отсрочку для решения этого вопроса, и даёт этот несколько пространный, но тем не менее правдивый ответ журналюге Фоме неверующему, неверующему даже тому, что он сам же пишет в своих статейках (ну а это уже предвзятость к нему, доведённого им до этой мысли, сэра Паркера).

Сказав, сэра Паркер пристально смотрит на журналиста, и всё для того, чтобы убедиться в том, что его слова достигли своей цели, как вдруг, при виде худого состояния Фомы, приходит к пониманию, что, как оказывается, значили эти его, Фомы, обращённые к нему слова, где им чётко выделялось слово «свой».

– Ах, ты сволочь! – вдруг взрывается от негодования сэра Паркер, вгоняя в страх и чуть ли не под лавку перепуганного его импульсивностью журналиста Фому. – Сам рожу отъедает в своей редакции, а выполняющих всю работу за него журналистов, за людей не считает. – Я покажу этому дармоеду, как издеваться. – Заорал сэра Паркер и, схватив этой ходячий скелет Фому, направился с ним к его боссу, показывать тому его скелет в шкафу, а возможно, как им было заявлено ему, как нужно правильно издеваться.

Но что поделать, с сэром Паркером всегда так, вечно он отвлекается на свои мысли и тем самым выпадает из сюжета, заставляя всех его ждать. Впрочем, сэру Паркеру редко кто ставит в вину эту его рассеянность, разве что только сэра Монблан, но это и понятно, зная дружественные отношения между этими господами, ведь он не просто вписал своё имя золотыми буквами в памятную табличку членов клуба, но и был заслуженным, как и сэра Монблан, миллионщиком.

Правда, это не тот миллионщик, о котором с первых слов можно было подумать, хотя если навскидку припомнить ему все его гонорары, то и этот богатый, всем своим бедным родственникам ненавистный скупердяй в том числе, а тот, как здесь в клубе было принято называть тех членов своего сообщества, кто выпускает в свет столь богатые на слова монументальные произведения, в которых меньше миллиона слов и не может быть.

В общем, сэра Паркер, ну и сэра Монблан, за чьими плечами стоял не один полноценный, а не так просто название, том ни один раз переизданных собраний сочинений, которые непре-

менно пополнятся ещё не одним сборников мудрствований этих достопочтенных господ, имел полное неоспоримое право на глубокую мысль и задумчивость.

Но как это часто бывает в большой семье, – а клуб, это, несомненно, в некотором роде семья, но только по интересам, – то не всегда все остаются довольны своим не главным (а вот насчёт главного никто пока не жаловался) положением в этой ячейке общества. И это понятно, ведь мир не стоит на месте и кто-то растёт, развивается, а кто-то дряхлеет и становится не актуальным, что, тем не менее, не мешает этой дряхлости крепко держаться за своё главенствующее место классика – но такова природа всех основанных на конкуренции взаимоотношений, где молодому поколению везде дорога, как правило, дальше лозунгов не имеет своего продолжения.

Но жизнь, а в данном случае эту функцию берёт на себя смерть, со временем своего наступления, всё расставляет по своим местам, или вернее будет сказать, рассаживает, двигая ближе к центру внимания тех членов клуба, кто ещё совсем недавно сидел вон там, на самом краю табуреточки, придвинутой к углу стола. И даже все ещё помнят, как Президент так весело пошутил, пророчески заметив, что сидеть на углу стола плохая примета. Мол, семь лет замуж не выйдешь.

– А мне это не грозит. – Самоуверенно, как и все новички, заявил Дебютант.

– Не зарекайся. В нашем мире это последнее дело. – Последовал предупредительный ответ Президента. И Президент, как оказалось, как будто в воду смотрел. И не прошло и семи лет, как уже с этим Дебютантом никто рядом сидеть не хочет – потому что ходят слухи, что Дебютант и не Дебютант теперь вовсе, а Дебютантка.

– Тьфу, Сглазил. – Говорят, что и Президент не сдержался и, стоя в курилке, сгоряча проявил такую не объективность.

Да, кстати, раз уж была упомянута смерть, хотя это не так уж и, кстати, но всё же. Так вот, это состояние души или вернее будет сказать тела, – ведь душа бессмертна, хотя и на неё находят такого рода затмения, – настигнув в свой урочный час одного из членов клуба, тем самым чрезвычайно удивила бы его, успеет ли он это заметить. Ведь у него столько было запланировано на будущее – вот из-за этой своей самоуверенности, он и поплатился, а надо было с этой завистливой тёткой заранее скорректировать свои планы. «Никуда ты, бывший молодец, отныне без меня не пойдёшь!», – подловив теперь уже бывшего жильца на его сне, в очередной раз продемонстрировала свою суровую натуру эта завистливая тётка, прикрыв навечно глаза этой, теперь уж точно без неё никуда не пойдёт, вечно сонной тетери.

– Что ж, чему быть, тому не миновать. – Услышав известие о смерти одного из членов клуба, Жизнь устами Президента клуба высказала свою консервативную неумолимость и некоторую бессердечность взглядов на себя. Ну, а уже само это событие, повлекло за собой ряд новых, где из них главное было внеочередное собрание клуба, по поводу принятия нового кандидата на освободившееся ушедшим из жизни, теперь уже бывшим членом клуба, место. Правда всё так произошло не запланировано и не совсем ко времени, как будто бывает по другому («Бывает», – скажут близкие к детективному жанру люди, в основном те, кто ходил в наследниках, а вот кто в них до сих пор ходит, то, тот не согласится с этим утверждением), и руководству клуба пришлось организовывать новое собрание в некоторой спешке и даже поспешности.

Так руководством клуба, по причине переноса собрания, было решено совместить выборы нового члена клуба, президента и подвод итогов годовой деятельности членов клуба, с избранием среди них самого выдающегося за этот год. А ведь всё это, без должной предварительной подготовки, и не только для не желающего раньше времени расставаться со своим президентским местом президента, обременительно сделать. Правда сроки проведения заседания сдвигались на раннее время всего лишь на месяц, так что за президента можно было

сильно не переживать, чего не скажешь о членах клуба, которые всегда всё делали в последний момент.

И вот когда к ним пришло приглашение на месяц раньше, то каждый из членов клуба, почему-то заволновался на свой счёт. – Что всё это значит? – глядя на дрожащую в руках карточку в золотом обрамлении, забледнев всем телом, потрясённо обратился с вопросом к самому себе, ну хотя бы уже нам известный сэра Паркер (если уж первейшие члены клуба так себя повели, то, как себя чувствовали менее заслуживающие внимания члены клуба, то и смотреть на их истеричные лица противно). Но сэру Паркеру много времени не нужно, для того чтобы понять, что всё это козни его завистливых коллег, которые определённо были заманчиво мотивированны сэром Монбланом и, вступив с ним в сговор, решили экстренно вывести его из состава клуба.

– А на-ка, выкуси! – продемонстрировав своему отражению в зеркале эти фигуры речи и рук, сэра Паркер готов был в данный момент прибить этого подлого сэра Монблана. Но так как сэру Монблану слишком сильно сейчас повезло и его не здесь не было, – а ему не повезло в том, что он в этот момент находился у себя на кухне, где чуть не захлебнулся супом, когда увидел точно такую же карточку, которая появилась в руках его слуги, по его просьбе раскрывшего принесённый конверт, – то сэру Паркеру пришлось всю мощь ненависти на этого подлого сэра, выместить на себя, – на своё отражение в зеркале (он в это время находился в прихожей, а там как раз, всех гостей, и время от времени и хозяина, сэра Паркера, встречало и провожало во весь рост зеркало).

– Да вы, сэра, – и даже не смейте так возмущённо на меня смотреть, – всегда были трусоваты и не смелы. – Со знанием сэра Монблана, прямо себе в лицо (понятно, что сэра Паркер в этом своём порыве добиться справедливости, видел перед собой не самого себя, а сэра Монблана) бросает эту, слова из песни не выкинешь, почти что идиому, сэра Паркер. Но сэра Монблан и слушать не собирается сэра Паркера, ещё более оторопело, смотря в ответ. Что не может не покоробить сэра Паркера, который всего лишь хотел добиться справедливости через признание сэром Монбланом своей подлости. А тот как оказывается, не только не собирается смирить свою гордыню, но ещё и выдвигает полные дерзости ответные взгляды на сэра Паркера, где в них отчётливо прочерчивается его невыносимое, терпеть видеть не могу, отношение к сэру Паркеру.

– Да вы, сэра, как я вижу, слишком много себе позволяете в своих многозначительных взглядах на меня. – Ещё больше разъярился сэра Паркер, глядя на всё не унимающегося сэра Монблана, который своим неистовым поведением, даже начинает слегка пугать сэра Паркера. – Да что он себе позволяет, да ещё в гостях. – На мгновение засомневался в себе сэра Паркер, но затем бросив взгляд на развалившегося на пороге пса Роджера, почувствовал в нём поддержку для своих, но ни в коем случае для сэра Монблана штанов, вновь накинута на этого бескомпромиссного сэра.

– А я знаете, сэра, даже рад, что мы наконец-то сможем, один на один выяснить зашедшие далеко отношения между нами. – Загадочно, с таким же видом проговорил сэра Паркер. Но видимо и сэра Монблан желал того же, да и к тому же весь его вид говорил о том, что он знает о сэре Паркере такое, что тому не просто не поздоровится, а ему придётся слечь на недельку другую от паралича в кровать, от своего недалёкого сознания.

– Ах, так! – заорал в ответ сэра Паркер, потрясённый такой наглости сэра Монблана, основанной только на его самоуверенности. – Да, если ты хочешь знать, – заявил сэра Паркер, косо посмотрев на сэра Монблана, который судя по ответному косому взгляду, всё же хотел знать, что ему сейчас скажет сэра Паркер, – то твоя многотомность и трудолюбие, зиждется лишь на твоём недержании слов. – Что и говорить, а это был подлый удар со стороны сэра Паркера, ведь он был нанесён по самому больному месту, по самолюбию сэра Монблана. И даже сам сэра

Паркер разнервничался, услышав от себя такое. Но слово не воробей, вылетит, не поймаешь, и сэру Паркеру отступать некуда, – он у себя дома, – и он идёт на обострение конфликта.

– Да и вообще, я твоих книг никогда не читал, и даже не думаю об этом! – как громом среди ясного неба (это говорит о том, что у сэра Паркера хорошая акустика в прихожей), прозвучали эти невыносимые для ушей всякого писателя слова сэра Паркера. И, судя по задыхнувшемуся от возмущения виду сэра Монблана, который глазам своим поверить не может, при виде такой избранности сэра Паркера к его творчеству, и поэтому вытаращил свои глаза, выставив их напоказ, то сэр Паркер хватил лишнего сегодня за столом.

Но сэру Паркеру всё мало, и он, хлебнув из спрятанной в карман фляжки (теперь становится понятно, почему сэру Паркеру не составило большой сложности вместо себя в зеркале увидеть своего противника), идёт дальше в задирании сэра Монблана.

– А я вот сейчас, на всё вами сказанное, отвечу хуком справа. – Не принимая в расчёт или наоборот, принимая, хитрость сэра Монблана, который так красноречиво на него смотрит, угрожая сжав в кулак свою ударную правую руку, прижав подбородок к груди, исподлобья проговорил сэр Паркер, готовясь отразить готовящийся со стороны подлейшего противника сэра Монблана удар. При этом этот сэр Монблан, как вовремя замечается сэром Паркером, не только всем своим растрёпанным видом выказывает пренебрежение его дому, но и для подлого удара исподтишка, всё уже приготовил.

– А сэр Монблан, как оказывается левша. – Неприятно удивился про себя сэр Паркер, заметив левостороннюю боевую стойку сэра Монблана. – Чёрт. А может это не единственный сюрприз, который заготовил для меня этот хитроумный сэр Монблан. – Заволновался за себя сэр Паркер, решив не лезть на рожон левого апперкота сэра Монблана, а пока держать дистанцию с ним, отойдя чуть назад.

И это (отход назад) и заодно попавший под ноги сэру Паркеру развалившийся на полу пёс Роджер, решительно всё и решило. И сэр Паркер споткнувшись об Роджера, полетел с ног на голову, где на пути его головы встретился небольшой столик, который оказался не намного крепче соприкоснувшейся с ним головы сэра Паркера, которая сразу же после этой мимолётной встречи, правда уже вместе с ним, под звонкий звук треска столика и черепа сэра Паркера, в о концовке все оказались на полу.

Сколько они потом лежали без сознания уже никто и не вспомнит. Но главное то, что когда сэр Паркер пришёл в себя, то он мог смело констатировать факт того, что сэр Монблан, как он с самого начала и заявлял, трусливый против него сэр. А иначе где он?

Но и эти небольшие расстройства членов клуба, всего лишь мимолётности их столь изменчивого поведения, когда перед всеми немедленно, после осознания того, что времени до собрания совсем ничего, встала проблема другого, творческого свойства.

– Да и ладно с этим сэром Монбланом, горбатого только могила исправит. – Быстро прикрыл свой рот сэр Паркер, уловив себя на своём заговаривании. После чего открыл ящик своего рабочего стола, достал из него папку и положил её перед собой. Затем раскрыл её и заглянул в неё, где вновь чудо не привиделось, и там кроме одного, наполовину, да ещё и всего исчерканного, исписанного листа бумаги ничего не было. – И какую же ненаписанную работу представлять на рассмотрение комиссии клуба? – растерянно проговорил сэр Паркер, глядя на этот просто пустой для него клочок бумаги.

– Это вы там, для массового читателя, можете быть, на что только горазды, и даже на поповый конформизм. Но здесь, в нашем клубе, нет места лирике и отступлению от установленных его величеством вдохновением правил, на отход от которых, так часто провоцирует брэнность писательского тела. Здесь принимается в расчёт только то, что идёт от души. Надеюсь, что на небольшой опус, её для вас хватит. – Сэру Паркеру вдруг вспомнились слова Президента, которыми он напутствовал членов клуба, которые год от года принимали участие в конкурсе на соискание главной для них писательской премии «Признание».

– И что я на этот раз предложу? – переведя свой взгляд с памятливого вида Президента на лист бумаги, спросил небеса сэр Паркер. – И что у меня за натура такая. Вечно я всё откладываю на последний момент. – Завопил сэр Паркер.

Но если сэру Паркеру будет легче (не будет, и не потому о чём можно было подумать, а из-за того, что прозвучит в следующем предложении), то он ни один такой, откладывающий всё самое важное до последнего момента человек. И все другие члены клуба, как бы они друг на друга были не похожи, и даже стремились к этому, как раз в этой неустроенности и были похожи один в один. Так что можно сказать, что и на этот раз, при подаче своих работ на соискание премии «Признание», они не зная того, всё же оказались в равных условиях. Что, впрочем, им не мешало, глядя друг на друга из темноты зала для заседаний и из тех уголков своей души, где своё место занимала отвечающая за все их неблагочестивые поступки и глупости тёмная сторона души, про себя причитать. – Ладно, посмотрим, на что вы способны против моей работы написанной на коленке.

Но если с этой проблемой написания хоть что-нибудь стоящего, более-менее каждый из членов клуба для себя разобрался, то вот насчёт претендента на членство в клубе, то это вопрос требующий не только детального, но взвешенного рассмотрения. И хотя у руководства клуба на заметке, в так называемом кадровом резерве, имелось в наличие несколько подходящих имён, всё же время не стоит на месте и своей быстротечностью изменений одних низводит в небытие, а других в один момент закидывает так высоко-высоко, к самому подножию Парнаса, что их игнорировать, себя низводить.

– Сколько я повидал на своём веку выскочек, и все они были завязаны на конъюнктуре. – Огласил своё видение выдвигаемого на соискание членства в клубе претендента Президент, на собрании внутреннего круга клуба, состоящего из избранных членов всё того же клуба.

Где по прибытии сюда, на собрание внутреннего круга, в один из баров, эти избранные члены, среди которых были и известные нам сэры Монблан и Паркер, услышав настоящую, а не ими надуманную причину экстренного созыва будущего собрания, не сдержались и с облегчением проявили полное безразличие к судьбе отбывшего свой стремительный век здесь на земле, своего собрата по жизненным устремлениям и членству в одном клубе.

– Слава богу! – одновременно выдохнули эти сэры. Но тут же спохватились, посмотрели друг на друга и также одновременно интерпретировали это своё, не просто так крик души, а осмысленное выражение.

– Ты надеюсь, понимаешь, почему я так сказал? – глядя на сэра Паркера, сурово проговорил сэр Монблан.

– Я тоже рассчитываю на твою не глупость. – С тем же проникновенным взглядом посмотрел в ответ и сказал сэр Паркер. И, пожалуй, на этот раз можно было констатировать факт того, что эти господа друг друга поняли без дополнительных слов, что уже есть подвижка в их взаимоотношениях. И на этом они ограничились, вернувшись к главной теме обсуждения – выдвижения кандидатов на соискание освободившееся место члена клуба.

При этом, пока эти господа вновь друг на друга не разошлись из-за разности взглядов на нового члена клуба, надо предупредительно заметить, что у них имелась на этот счёт своя личная заинтересованность – каждый продвигал своего кандидата на это место. Что крылось в этой их заинтересованности, – соперничество, что-то личное, как например, родственные связи, или дальний прицел на место президента, которого каждый год выбирают большинством голосов и поэтому иметь своих людей в составе клуба (всё-таки анонимность членов клуба была не столь полной; по крайней мере, для части из них), никогда не помешает, – трудно сказать. Но по тому, что они больше скрытничали, так сказать действовали околичко, можно было сделать предварительный догадливый вывод – они были жарко заинтересованы в конечном итоге выбора нового члена клуба.

– Все мы немного конъюнктурщики, – заявил сэр Монблан, имеющий право совещательного голоса. На что немедленно последовала бы отповедь от сэра Паркера, имеющего такой же совещательный голос: «За всех не говори!», но сэр Монблан очень вовремя расшифровал, что он имел в виду, – без выражения духа времени, не стать близким к читателю.

В общем, после последовательных обвинений совещательных голосов друг друга в том, что каждый из них хочет быть более услышанным и нечего на меня, падла, повышать свой визгливый голос (начали заговариваться и забываться с кем имеют дело), то пока дело не дошло до кулаков, было решено пригласить обоих претендентов на собрание и там, на общем голосовании, сделать окончательный выбор.

– А что будем делать с не прошедшим фильтр отбора? – многозначительно и как многим послышалось, тревожно для этого, пока что неупомянутого претендента, спросил ещё один обладающий совещательным голосом, сеньор Феррари (будет излишним говорить о том, в каком жанре специализировался этот сеньор в тонком итальянском костюме... Хотя, нет, это слишком уж стереотипно выглядит, даже несмотря на то, что было именно так. Ну, тогда, да.).

– Я понимаю, о чём это вы, сеньор Феррари? – многозначительно сказал Президент. – И поэтому мы, предусмотрительно поручим вам организацию доставки претендентов, скажем так, на закрытое слушание «юных» талантов, по итогам которого... А это пока что для них будет огромный, с намёком на грандиозность секрет. – Пусть приготовят для нас, по их мнению, самое достойное произведение. – Так на этом слове Президента и порешили.

Но давайте вернёмся к тому, что сейчас происходило за столом, где сэр Паркер, после того как он в очередной раз для себя понял, что сэр Монблан в своей сущности податливый на настроение человек (ну, а так как в его душе, судя по стоящему пессимизму в его произведениях, стояла непогода, то и ожидать от него кроме холодных судорог от озноба ничего не стоит), почему-то нехотя, переводит свой взгляд чуть правее, на слева от него сидящего человека, как его все здесь звали, хоть и не звали, и даже видеть не хотели, товарища Гвоздя (почему с ним так, обозвав крепёжным инструментом, обошлись, то об этом чуть позже).

– А ведь с моей стороны, он сидит справа от сэра Монблана. И тогда какой ответ будет правильным? – Сэр Паркер при виде таких реалий жизни, где и иллюзий, из-за которых он посещает не редко бар, не надо, чтобы понять, что окружающий мир скрывает в себе столько не стыковок и недостроенностей, что впору делать вывод, что этот мир ещё находится в стадии своего строительства и только от вашего взгляда будет зависеть, каким будет в дальнейшем этот мир.

И конечно сэр Паркер требовательно желал, чтобы окружающий мир отражал именно его взгляды на себя и чаяния. И поэтому он, во-первых, очень сильно любил чай, даже несмотря на то, что связь между этим его времяпровождением и чаяниями была иллюзорна и, во-вторых, – он сразу же, хоть и про себя, попытался оспорить точку своего зрения на сэра Монблана.

– Если исходить из доказательства от противного. – Рассудил сэр Паркер и, посмотрев на сэра Монблана, убедился в правильности своего подхода к сэру Монблану, применяя против него столь ненавистную всем противным лицам систему доказательств. – То тогда, если товарищ Гвоздь сидит слева от сэра Монблана, как того он хочет, но не желает видеть справедливость стоящая в моих глазах, то я с закрытыми для чистоты эксперимента глазами, взяв к примеру косточку от вишни, могу кинуть её в сторону лева (а здесь в темноте моих глаз уже для манипуляций взглядов нет места), куда и призывает сэр Монблан. И она, в чём я бесконечно уверен, достигнет своей настоящей, а не той, на которой насиживал сэр Монблан цели. И это будет не товарищ Гвоздь, а... – сэр Паркер бросил косой взгляд на Президента, совершенно не подозревающего в какой он находился экспериментальной опасности.

И хорошо, что у сэра Паркера в данный момент, даже оторванной пуговицы не нашлось в кармане, а то он бы не пожалел президентского глаза и своей пуговицы, ради торжества правды и справедливости, запустив её туда, куда просит его лево, в глаз Президенту. Правда

в карманах сэра Паркера всегда что-нибудь такое метательное отыщется и, наверное, эта его отсылка к тому, что раз пуговицы нет, то и проводить эксперимент по проверке бдительности и реакции Президента не нужно, не имеет должных оснований. А всё потому, что не это главная причина того, что сэр Паркер не стал задерживаться на сэре Монблане и перевёл свой взгляд дальше, на товарища Гвоздя. А вот то, что товарищ Гвоздь начал проявлять нетерпение, пока, что только к своим рукам, принявшись грозно щёлкать костяшками своих пальцев, то такой звучный посыл сэру Паркеру, проигнорировать было крайне неразумно.

Товарищ Гвоздь.

Хотя, пожалуй, то, что сэр Паркер опасается товарища Гвоздя (об этом хоть напрямую и не говорится, но что-то такое есть в этих его жутко звучащих действиях), несколько странно слышать. И неужели сэр Паркер, для которого сам сэр Монблан ничто, а Президент говорят, даже похваливал его стиль и сзади с его костюма пылинки сдувал, скажем так, несколько опасается этого, даже не джентльмена и не господина, а какого-то товарища Гвоздя? Но на этот вопрос вот так сразу, без рассмотрения личности товарища (да и почему товарища?) Гвоздя и не ответишь.

Что ж, раз для того чтобы понять какую опасность источал для всех этот странный товарищ Гвоздь, требуется повнимательнее присмотреться к нему, то давайте так и поступим, тем более сэр Паркер, как раз перевёл свой взгляд на него. Правда сэр Паркер хотел сразу перевести свой взгляд, не собираясь его задерживать на товарище Гвозде, чтобы не выказать излишнего недоверия к нему, и способствовать непониманию друг друга, которое честно сказать, составляло основу взаимоотношений товарища Гвоздя со многими джентльменами этого клуба. Возможно это недоверие, и антагонизм взглядов на джентльменов со стороны товарища Гвоздя, и записало его в товарищи. Но так это или иначе было, товарищу Гвоздю это было не важно, как и то, что о нём за его спиной шептались, с опаской называя злодеем.

И, пожалуй, у многих членов клуба, были все основания временами опасаться беспокойного нрава товарища Гвоздя, который говорят, был близок к спецслужбам и оттого, безраздельно собою занимал всю нишу полных остросюжетности и заговоров, политических детективов.

– А как без профессионального прошлого можно столько знать и досконально разбираться в специфике работы спецслужб. – Шепотом, изменяя свой голос и, выпустив побольше дыма из сигареты для маскировки, делились своим видением товарища Гвоздя члены клуба.

– И как думаешь, – приблизившись в плотную к сеньору Феррари, тихо спросил его герр Ватерман, – он свои сюжеты до сих пор черпает оттуда. – Герр Ватерман многозначительно кивнул куда-то туда себе за спину, невольно заставив сеньора Феррари заглянуть ему за спину, где на другой стороне курилки, спиной к ним стоял мистер Сенатор. Но сеньора Феррари, который время от времени обращается к дедукции своих героев, которые между прочим, именно им наделены этой проницательностью, не провести на всю эту демонстрацию своей незаинтересованности – сеньор Феррари прекрасно видит, что уши-локаторы мистера Сенатора напряжены и значит, он не столь глух, как хочет показаться. И сеньор Феррари, прежде чем ответить герру Ватерману, решает провести отвлекающий мистера Сенатора манёвр, сделав информационный вброс.

– А ты слышал, что один из новых кандидатов в члены клуба, большой политик. И говорят, что он чуть ли ... – До этого громко говоривший сеньор Феррари специально затихает, радуясь за себя и за то, как он умело поддел и заставил следить за своим, пока что только телесным здоровьем, разнервничавшегося мистера Сенатора, который в этот момент даже выронил из рук сигарету. – А их, как ты понимаешь, бывших не бывает. – Иносказательно сказал сеньор Феррари, но герру Ватерману и этого хватило, чтобы понять, о ком так намёкливо говорит сеньор Феррари.

Что же касается самого товарища Гвоздя, то при всей разности взглядом членов клуба, тем не менее, все они были единодушны при взгляде на товарища Гвоздя, который внушал им не только опасение попасть под его строгий и критический (а такой взгляд позволял себе только он, что требовало повышенной смелости при устоявшемся здесь, в этих стенах клуба, единодушном недоверии к этой категорически неприемлемой ими категории людей – критиков) взгляд, но и подспудное уважение.

Ну и конечно, товарищ Гвоздь, за что в том числе, и не только за то, что он был для всех членов клуба этим синонимным инструментом в их ограниченном собою тыле, его так и об именовали, имея такую свою непримиримую позицию к окружающим его джентльменам, как-то должен был от них выразительно отличаться. И он отличался, выбрав для себя в качестве своего орудия для выражения мыслей, простой карандаш. Правда, по итогам первого же, несколько трагично протекшего для некоторых лиц членов клуба заседания клуба дня, где он появился с этим своим орудием отождествления себя, ему было предложено пересмотреть свои взгляды на этот свой выбор.

– А то, что после того, как вы уж слишком душевно отреагировали на реплику мистера Сенатора, в полную грудь выдохнув из себя всю прискорбность ваших взглядов на него прямо на стол, где лежали стружки от вашего карандаша, отправившийся прямо на стол к окулисту мистер Сенатор, ещё долго не сможет пересмотреть своих взглядов на вас. – Предупредительно сказал Президент товарищу Гвоздю после этого памятного для многих людей дня, где они оказались в поле поражения стружек от карандаша товарища Гвоздя, на которые он изо всех сил и дунул. И только чистая случайность (кто-то решил как раз вздремнуть) и хорошая реакция умеющих на много закрывать глаза джентльменов и в том числе Президента, чего не скажешь о не столь предусмотрительном мистере Сенаторе, спасла их от засорения их глаз.

Впрочем, мистер Сенатор, по мнению многих оказавшихся свидетелями этой возникшей ситуации членов клуба, сам виноват в случившемся – он спровоцировал товарища Гвоздя на такой демонстративный ответ.

Так этот мистер Сенатор, явно испытывая к товарищу Гвоздю предубеждение классового порядка, первым и пошёл на обострение конфликта, позволив себе утверждать, что его взгляды на товарища Гвоздя, не нуждаются в корректировке знаниями о нём, а он и так, на основании уже своих знаний жизни и опыта, видит всю неприемлемую для его шкалы ценностей сущность товарища Гвоздя, который ещё смеет требовать для себя независимости взгляда на мир. На что товарищ Гвоздь, поначалу только молчал и к тревоге наблюдающих за действием его рук членов клуба, прокручивал вставленный в точилку карандаш. И при этом, его раз за разом не устраивала острота наточенного грифеля карандаша, и он, обломав конец карандаша, начал заново его крутить в точилке.

И вот когда мистер Сенатор уже со своей стороны заострил внимание на товарище Гвозде: «И знайте, мы вас здесь не боимся. („О ком это он?“, – всполошились рядом сидящие с мистером Сенатором соклубники) А всё потому, что нас объединяют общие ценности. И если вы нас доведёте, то мы найдём средства, чтобы исключить вас из членов клуба», – то товарищ Гвоздь не сдержался, и отложил в сторону свою точилку и карандаш. После чего за столом ненадолго наступила наполненная тревогой и придыханиями тишина. Когда же этот отрезок времени выдохся, то товарищ Гвоздь обращается к мистеру Сенатору:

– До чего же вы любите, пускать пыль в глаза.

– Не понял? – удивлённо спросил в ответ мистер Сенатор.

– А что не понятно-то. За вашими словами никогда ничего нет. Одна пустота. – Отвечает товарищ Гвоздь.

– А за вашими-то, что есть? – язвительно усмехнулся в ответ мистер Сенатор.

– Смотри. – Только и сказал товарищ Гвоздь, и тут же изо всех сил дунул на стол, на эту кучку стружек. Ну а дальше вдруг выясняется, что позиция товарища Гвоздя всё также непо-

колебима, а вот позиция мистера Сенатора оказалась не просто шаткой, а мало основательной. И мистер Сенатор, ахнув из глубины темноты: «Да ты кто такой!?!», – как всем догадливо увиделось и звучно услышалось, смог удержать себя от безответственного шага, только там в самом низу, на полу под стулом.

Ну а товарищ Гвоздь, посчитав, что мистер Сенатор, пожалуй, поспешил задаваться столь для всех очевидными вопросами, ответ на который он скорей всего уже обрёл там в своём новом положении, внизу, откуда окружающий мир видится в более реальном соотношении, нежели на него смотреть из своего величавого поднебесья, решил ограничиться молчанием, пока Президент и его доверенные лица, объявив перерыв, отправляют мистера Сенатора в больницу.

Что же касается самого этого происшествия, то оно конечно же, не осталось без своих должных последствий. Так мистер Сенатор отныне держал себя более ответственно, то есть осторожно по отношению к товарищу Гвоздю, чья непредсказуемость поведения, теперь всем была очевидна. Ну, а сам товарищ Гвоздь, всё же вняв стоящим мольбам в глазах Президента, сменил простой карандаш на своего более технически подкованного собрата – механический или цанговый карандаш со сменными стержнями.

Ну а такая новинка в руках товарища Гвоздя, разве могла пройти незамеченной, и, конечно же сразу родила массу к нему претензий и язвительностей, правда только в язвительных головах его коллег по клубу, которые не преминули обвинить товарища Гвоздя в отходе от своих твёрдых принципов, которые всегда чётко были, как проставлены на контуре карандаша в виде знака «ТТ», так и слышались в отражении рваных звуков, возникающих в результате твёрдых до жёсткости, взаимоотношений бумаги с грифелем его карандаша.

– А теперь, что получается, – нервно и с долей зависти размышлял, посматривая на этот очень удобный для написания детективов карандаш товарища Гвоздя, сеньор Феррари, которому такой инструмент для зашифровки своих злодеев и разборок с летальным исходом, с боссами мафии конкурентов, был бы очень полезен, – когда он захочет, и вполне возможно, что незаметно, – а для того чтобы поставить своего собеседника в безвыходную ситуацию, – то мгновенно может сменить стержень карандаша с мягкого, и не на просто «ТМ», а на безапелляционно твёрдый «ТТ». А это заводит все дальнейшие отношения с товарищем Гвоздём в свой тупик.

– Это он всё специально так устроил с мистером Сенатором, чтобы иметь аргументированные обоснования для смены, а я однозначно считаю, что для перевооружения, с простого карандаша на его обновлённую, со сменными стержнями версию. – Сделал для себя однозначный вывод, потемнев лицом, мистер Далтон. А мистер Далтон всегда темнел лицом, когда видел опасность для своего творчества со стороны и в том числе со стороны своего потенциального противника – любого грамотного человека. К тому же полное вовлечение и даже временами погружение с головой в шпионскую жизнь своих героев, с которых мистер Далтон старался брать пример, и не только с прототипов, которые были только слабой тенью его героев шпионажа, сказалось на нём, и он редко на кого смотрел без подозрения на шпионскую деятельность, а на самых подозрительных, со своим тайным умыслом перевербовать.

А ведь между прочим, паранойя мистера Далтона, в которой он не собирался признаваться, потому что считал себя отменно здоровым, неплохо ему служила в деле поставки для него новых героев и сюжетных линий для его шпионских романов. И мистер Далтон можно сказать, всегда находился в работе, не чувствуя недостатка вдохновения. Ведь стоило ему только посмотреть по сторонам, с того же балкона на дворника или же даже ещё ближе, не вставая с постели понять, – до чего же тонкие у них в доме стены, откуда так и доносится скрип пружин, – как мистеру Далтону всё уже ясно. И он уже знает, откуда нарисовался в такую рань этот и не дворник вовсе, а работающий под прикрытием дворника агент иностранных спецслужб

(кого они хотели обмануть, с такой высокоинтеллектуальной рожей в дворники не берут). Ну и заодно, откуда все эти звуки сверху доносятся – сверху!

Ну а те, кому нужны пикантно убийственные подробности о высоковероятной связи между этим агентом спецслужб, и не запланировано для находящегося сейчас на службе в агентстве нацбезопасности, мужа живущей наверху миссис Стрейдж, возникшими звуками со стороны дивана в виде скрипа его пружин, то об этом в следующей книге мистера Далтона – размещено на правах рекламы (надо же как-то с ним знакомить) мистера Далтона.

– Коллаборационист и конъюнктурщик. – С ненавистью глядя на товарища Гвоздя через очки, в душе так и не может успокоиться, и простить остальным членам клуба их пассивного поведения по отношению к товарищу Гвоздю, мистер Сенатор.

– И как ещё этого Гвоздя терпит наш президент? – с надеждой посмотрев на Президента, подумал мистер Сенатор, и тут же понял всю глубину коварства товарища Гвоздя. – У него на него, да не только на него, а на всё руководство клуба, что-то компрометирующее их есть. Что и позволяет ему себя так по-хамски вести. – Мистеру Сенатору стало до чего же больно в руках, которые он, что есть силы сжал в кулаки. – А он, подлец, всю использует свою вседозволенность, постоянно задевая и дёргая более культурных, чем он, а значит практически всех, членов клуба. Ничего. И на него найдётся управа. И когда-нибудь появится такой человек, супергерой, который заявит: «Всё! Баста!», – и ударив ему по рукам молотком (а чем же ещё), отобьёт у него всё желание тянуть свои руки, куда не следует.

Но пока такой, более вседозволенный человек здесь не отыскался, товарищ Гвоздь продолжает третировать своих, можно сказать собратьев по оружию. Нет говорит у вас того стержня, который есть только у него. И ведь всё логично и правильно, и нечего возразить этому Гвоздю, у которого может и вправду есть какой-то свой особенный стержень, который позволяет ему себя чувствовать так нестигаемо даже тогда, когда все и всё против него. И ведь нельзя сказать, что другие члены клуба чем-то обделены, и у них в ручках нет своих стержней. А они у них есть, и даже не простые стержни, а созданные по последним технологиям стержни. Но видимо у товарища Гвоздя есть какой-то свой особенный секрет, раз даже имеющие в своих руках самые последние прогрессивные разработки члены клуба, не спешат идти на открытую конфронтацию с товарищем Гвоздём.

А и вправду, что могут или как тот же Дебютант, а с некоторых времён Дебютантка, может, если не возразить, то как-то дать отпор этому Гвоздю, который не только отлично умеет рисовать и делать, живот надорвёшь, шаржи, но и в своей изобретательности, любому здесь даст фору.

И вот в одно из самых скучных, не предвещавших особых событий заседаний клуба, где всё шло своим обычным, под монотонный голос читающего чью-то работу Президента, ходом, товарищ Гвоздь определённо уморённый всей этой нудностью времяпровождения, вместо того чтобы взять пример с других более ответственно относящихся к своему членству в клубе коллег и спокойно вздремнуть, берёт в свои руки свой карандаш и начинает всех своих коллег, среди которых были и те, кто собирался вступить в ряды дремлющих собратьев, тревожить его звучным скрипом об бумагу.

И, конечно, под такой противный звук, разве заснёшь спокойно. Вот то тоже. И коллеги товарища Гвоздя по творческому цеху и членству в клубе, постепенно начинают привлекаться вниманием к тому, что же там такого пишет или не дай бог, рисует Гвоздь. И даже сам Президент начинает сбиваться со своего чтения, пытаясь из своего далека, заглянуть под руки товарища Гвоздя, который даже отсюда видно, что-то довольно привлекательное, пикантного вида рисует.

Но вот рисунок закончен, и товарищ Гвоздь вначале откладывает свой карандаш в сторону, а затем, нажав двумя пальцами на этот с рисунком лист бумаги, поддвигает его в сторону сидящей на своём месте Дебютантке. После чего убирает свою руку и все находящиеся

за столом члены клуба, в зависимости от своего пространственного расположения за столом, могут рассмотреть то, что нарисовал товарищ Гвоздь.

– Что и говорить, а у товарища Гвоздя определённо талант, вносить смуту и беспорядок в головы членов клуба, смущая такими непристойностями своих коллег. – Со знанием дела и коллег по клубу, вынужден признать за товарищем Гвоздём его талантливость во всём, покрасневший при открывшихся видах красоты изображённой на рисунке Гвоздя, Президент.

– Глаз не оторвать. – Пробормотал мистер Сенатор, не сводя своего взгляда с покачивающейся ножки нарисованной Гвоздём красоты, которая своей безграничной, на грани допустимого смелостью, при короткой по самое хочу юбке, забросила ногу на ногу и, покачивая ею вверх вниз, тем самым растревожила все незаполненные чувственные пустоты его сердца. Ну а с этой очевидной мыслью мистера Сенатора, никто из присутствующих здесь членов клуба, не смог бы поспорить, и не потому, что они глаз своих, и заодно и мыслей не могли оторвать от рисунка, но и, наверное, потому, что они все онемели. И, пожалуй, не схвати этот листок Дебютантка, которая единственная не поддавалась чарам нарисованной красоты, то заседание бы затянулось на не определённое время.

И Дебютантке ещё повезло, что она дебютантка, а иначе бы ей потом за стенами клуба, не простили бы того, в чём, так часто набивая себе цену, они обвиняют представителей длинных и всё под себя, без предварительной договорённости, загребущих рук.

Но ладно там, какая-то Дебютантка, но как реагировать на то, что для товарища Гвоздя совершенно не существует никаких авторитетов. И он готов в любой момент попытаться их, не то чтобы оспорить, а поднять на смех. И стоило только сэру Монблану совершенно по делу, справедливо заметить товарищу Гвоздю о недопустимости его такого поведения, которое ведёт к затягиванию собрания, как он был тут же взят на заметку товарищем Гвоздём.

– И если вас, товарищ Гвоздь, дома только ветер и сорванные им обои со стен ждут, то у всех остальных членов клуба, выбор не ограничивается этим поветрием и их так сказать, ждут свои домашние обязанности, а кого и супружеский долг. – С долей патетики заявил сэр Монблан.

На что товарищ Гвоздь, с полным основанием мог бы заметить, что сэр Монблан всем известный скряга, на себя излишне много наговаривает и что такого быть не может, чтобы кто-то в здравом уме и твёрдой памяти рассчитывал бы на то, чтобы сэр Монблан вдруг надумал рассчитаться по своим долгам, но товарищ Гвоздь не стал ловить сэра Монблана на его, возможно сгоряча сказанном слове, а просто запомнил позицию этого сэра и отложил свой ответ ему до лучших времён.

Ну а эти лучшие времена для товарища Гвоздя не обязательно должны быть такими же, как и для сэра Монблана, да и скорей всего будет так – чем эти времена будут для этого сэра хуже, тем они будут признаны лучшими для товарища Гвоздя. Что и подтвердилось вскоре на одном из заседаний клуба, куда сэр Монблан прибыл не только с насморком, температурой и кашлем, но и как многими членами клуба незамедлительно было заподозрено, с умыслом отправить на больничные койки своих более здравых умом и не только нравственным здоровьем коллег.

И ведь попробуй только что-то скажи или возрази против такого нездорового поведения сэра Монблана, поинтересовавшись его здоровьем, с которым лучше бы дома в кровати оставаться, а не испытывать нервы и здоровое терпение своих коллег, чьё здоровье не железное, как этот разносчик бацилл сэр Монблан, не собираясь отмалчиваться и, не прикрывая рот платком, тут же обрушивает всю мощь своих бацилл и инфекций в виде кашля, на всего лишь бережно относящемуся к своему здоровью коллегу. И понятно, что у сэра Монблана непререкаемый авторитет и ко всему, что он скажет, стоит прислушаться, что многие и делали до этого злополучного для сэра Монблана дня, но всё же всему есть предел и носовой платок, да и сэр Мон-

блан не истина в последней инстанции, и значит, надо всему меру знать, и не чихать на всех подряд членов клуба, среди которых могут быть и классики.

И, пожалуй, на этот раз сэр Монблан, своей нездоровой и главное, не считающейся с другими членами клуба позицией, сумел не просто настроить против себя общее мнение, но и добился того, чего никогда в этих стенах не было – все с надеждой посмотрели на товарища Гвоздя, ожидая от него решительных действий по выдворению с заседания клуба этого, чихать на всех хотел, до чего же, как оказывается, авторитарного сэра Монблана. И ведь в очередной раз попробуй только сделай сэру Монблану замечание, – мол, вы сэр распространяете нездоровые, наполненные болезнетворными бактериями слова, – так он перегреется от возмущения и обвинит посмевшегося ограничить его свободное волеизъявление члена клуба, в притеснении свободы слова.

Но товарищ Гвоздь хорошо знает гибкую позицию своих коллег по клубу, и поэтому не собирается прислушиваться к их молчаливому гулу голосов, да ещё с требованием к нему, как-то повлиять на сэра Монблана. Правда при этом товарищ Гвоздь не может не прислушаться и к сэру Монблану, который не даёт никому слова сказать, раз за разом перебивая своим кашлем, а в особых подчёркнутых случаях и прямым чихом в лицо.

Что ж, раз сэр Монблан решил накалить внутреннюю обстановку, и не только помещения зала, где проводится заседание клуба, но и в самой среде членов клуба, которые уже стали хватать себя за лоб, чувствуя подъём температуры тела вместе с нервным волнением, то это не значит, даже несмотря на то, что это у него получилось, что здесь не найдётся того, кто сможет остудить пыл сэра Монблана. И как уже можно было догадаться, то в качестве противопалительного средства для нуждающегося в анальгетиках сэра Монблана, выступил товарищ Гвоздь, взявшись за карандаш и лист бумаги. На котором в скором времени, и была в уничижающем сэра Монблана хриплом виде изображена пародия на него в виде старухи Шапокляк.

И надо сказать, что рисунок товарища Гвоздя был должно всеми оценён и возымел своё целевое действие на чуть было не подавившегося своим кашлем сэра Монблана, закашлявшегося при взгляде на себя в таком вызывающем различные кривотолки виде (Как похож! Сразу видна рука мастера. А не является ли сэр Монблан пособником и продолжателем мутных дел Дебютанта-Дебютантки?), чья невыносимость была вскоре оспорена Президентом, и он был под рученьки выдворен с собрания на больничную койку.

И, наверное, товарища Гвоздя, можно было поблагодарить за содействие по отправке сэра Монблана подлечиться, но то ли природная скромность не позволила членам клуба отдать должное Гвоздю, то ли они, зная по себе насколько тщеславие штука бесполезная и опасная для нравственного здоровья человека, решили не подвергать товарища Гвоздя такому испытанию медными трубами или может потому, что дух заразы, который принёс сюда в эти стены сэр Монблан, всё же проникнул в головы членов клуба и заразил их недоверием к людям, в общем, они не посчитали нужным смущать товарища Гвоздя своим признанием.

Ну а товарищ Гвоздь, и не против и не за, а он просто знает, что каждому воздастся по его делам и заслугам, так что так и должно быть. Правда при этом он не собирается никому ничего спускать с рук и готов при случае поинтересоваться позицией своих коллег по тому или иному поводу. И видимо сегодня, как раз и настал такой случай, когда настало время спрашивать, и товарищ Гвоздь, оставив в покое свои руки, к затаённому темнотой испугу сэра Паркера, берёт свой механический карандаш, поднимает его совсем на немного над листом бумаги и, застыв его в такой недвижности, приводит всех вокруг сидящих в немое оцепенение.

– Что на этот раз? – первым, как по должности полагается, мысленно заволновавшись, спросил Президент.

– Да что я такого сделал-то? – про себя напрягся сэр Паркер, принявшись вспоминать все свои возможные, незамеченные им ранее прегрешения, которые может и не прегрешения для него, но только не для товарища Гвоздя. Ведь у товарища Гвоздя устаревшие, традиционные

взгляды на современные нормальности и значит, он вполне вероятно, не испытывает таких же благостных чувств какие испытывает сэра Паркер, при виде основанных на толерантных ценностях, обществ и партнёрств.

– А нечего было слишком высоко задирать нос и выказывать из себя того, кем не являешься на самом деле – знатока и оценщика человеческих душ. – Не удержался от того, чтобы не вставить свою шпильку во взглядах на сэра Паркера и сэра Монблан, который без этого осуждения сэра Паркера, своей жизни давно уже представить не мог.

Между тем товарищ Гвоздь, добившись всеобщего пристального внимания к своей новой акции, опускает грифель карандаша на бумагу и плавным, не без лёгкого изящества движением, размашисто обрисовывает, как он видит, сложившуюся ситуацию, где в самом конце им ставится точка, но только на бумаге и в нарисованном там знаке. Ну а что это был за знак, то это был вопрос и большой вопрос, который и был обращён, вначале ко всем, а вслед за этим рукой товарища Гвоздя, подтолкнут в сторону президентского места.

И надо сказать, что этот обращённый вопрос к Президенту, уже одной своей постановкой вопроса, сбивал с обычного хода мысли, где для ответа на вопрос всегда обращаешься к своим памятливым или другого вида памяти, когда как в данный момент, прежде всего, нужно было понять, что подразумевает этот знак вопроса, и если он есть то, что видится – вопрос, то о чём же он спрашивает?

– У товарища Гвоздя несомненно талант, озадачивать публику. – Бросив взгляд в сторону товарища Гвоздя, сделал вывод Президент, чувствуя то, как взмокшая от волнения рубашка прилипла к спине.

Глава 4

От пространства к плоскости.

«Если к вам прибывают странные люди, то почему вас удивляет то, что с ними происходят странные вещи», – из головы Антипа так и не выходит это кем-то, где-то, что даже и не упомянешь, где услышанное, очень заметливое, отражающее суть жизни некоторых людей изречение. – Прямо-таки в воду глядел. Или вернее будет сказать, в технически сложный и одновременно простой прибор смотрел тот, кто это всё заметил за этими странными людьми. – Размыслил про себя Антип, продолжая со времени отправки поезда, но ни на секунду раньше, смотреть в окно поезда, ускользящего от прошлого и в тоже время от оставшихся позади пейзажей. – И я догадываюсь, кто это мог бы быть.

И не успел Антип понять, плохо это или не очень, как ослеплённый выглянувшем из-за деревьев солнцем, вдруг осознал, что он по рядовому, так сказать обыденному счёту, скорее был бы записан в категорию этих странных людей, чем в какую другую социальную группу людей, которых между прочим исчисляется запредельным для счёта количеством – и всё это, он к тому же осознал только сейчас.

– Да и жизнь моя, и окружающие меня люди, все запредельно странные и не пойми что за люди. – Окинув мгновенно свою жизнь и всё своё, теперь-то уж уточнённо ясно, что за странное окружение, сделал вывод Антип. – Хотя, наверное, всё относительно. И для какого-то моё не вписывающееся в обычность поведение, есть странность, тогда как для меня обычность этого кого-то, уже есть его странность. – Антип для подтверждения этих своих размышлений, перевёл свой взгляд из окна и, посмотрев во внутреннее пространство вагона, быстро пробежался по находящимся в вагоне пассажирам. Среди которых, он почему-то сразу же заметил и отметил для себя двух сидящих у самого выхода из вагона типовых лица, которые, судя по их беззаботному и отрешённому виду, с которым один из них надвинув на лицо шляпу дремал, а второй увлекательно читал газету, совершенно не интересовались всеми теми вопросами, которыми сам себя от безделья озадачивал Антип. Правда почему-то Антип позволил своим глазам всему увиденному не верить, а записав этих типов в категорию странных людей, быстро отвёл от них свои глаза в сторону – Антип, будучи и сам странным человеком, отлично знал, как их тревожит и побуждает к различного рода действиям, такой приметливый за ними взгляд.

– И почему-то я не удивлён. – Поглядывая в отражение окна на этих типов, записанных Антипом в сообщество странных людей, горько усмехнулся Антип. И судя по тому, что ему отразилось сейчас в окне, то его догадки насчёт этих типов, получив свои видимые подтверждения, были верны.

И стоило Антипу только отвлечься на окно, как тот тип с газетой, тут же проявил своё резкое несогласие с автором читаемой им статьи, который прямо-таки вывел его своей позицией по вопросу места спецслужб в жизни простого люда. Что и привело этого типа к тому, что он быстро посмотрел по сторонам, всего вероятнее для того, чтобы обнаружить этого гада, автора статьи. Но так как этот тип с газетой не знал в лицо этого, теперь столь им ненавидимого автора статьи, который посмел утверждать, что агенты спецслужб не знают удержу, а с недавнего времени, и вовсе вмешиваются во всё куда их не просят и не звали, то ему пришлось полагаться на свою интуицию и проявлять придирчивость взгляда к находящимся в вагоне лицам.

– Так и должно быть. А как же иначе работать спецслужбам. – До степени закипания мозгов, потрясён узколобостью этого журналюги, тип с газетой, с самым обычным именем Сэм.

Ну и видимо этому Сэму нужно было как-то выпустить пар из-за этого некомпетентного журналиста, раз он, остановившись взглядом на Антипе, решил, что этот тип вполне подойдёт на роль ненавистного журналиста и, пожалуй, было бы не плохо за ним присмотреть. А то

если за этими журналистами не доглядишь, то они, отбившись от присмотра, уже всё несут в информационную плоскость.

– Невмешательства в личную жизнь им подавай. Да не дождётесь. И без всяких санкций, – на этом месте Сэм, впав в когнитивный диссонанс из-за привычки слышать это слово в запретительном ключе, замешкался, но потом решив не придавать большого значения всем этим формальностям, принялся отстаивать свою точку зрения, пока что только перед собой, – если захочу, то буду не только подслушивать, подсматривать, но и если объект наблюдения окажется привлекателен, то и вмешиваться в личную жизнь объекта. Понятно. – Сэм прямо-таки пригвоздил своим взглядом ненавидимого им журналиста, у которого, наверное, даже шею свело, раз он отвести своего взгляда от окна не может.

Что же насчёт второго, дремлющего рядом с Сэмом типа по имени Хайнц, то и он, что уже и не удивляет, одновременно вместе с Сэмом проявил единство взглядов на прежнюю свою занятость, переведя свой взгляд из под шляпы в сторону Антипа. И, пожалуй, трудно, вот так сразу сказать, что повлияло на взгляды Хайнца и на их направление, которое так удачно совпало с направлением взглядов Сэма, на которого он, только по чистой случайности и опрокинулся из своего сна. Возможно, что это было дружеское плечо Сэма, на которое время от времени наваливался Хайнц, а может и не устраивающий Хайнца своей оконцовкой его сон, где не он выкидывал противника под колёса поезда, а почему-то он сам оказался там под вагоном.

А ведь на стороне Хайнца было практически всё, он был главным действующим лицом сна, за которым стояло его подсознание, вносящее свои правки в сценарий разворачивающихся событий во сне, различные сверх способности, которые только в снах и снятся всякому человеку, что отвечало этой его действительности, и знание всех повадок и направлений действий своего бегущего от него противника. Но как неожиданно для Хайнца выясняется, то всего этого мало, и этот злодей, его противник, умело введя его в заблуждение, отправляет его висеть на подножке вагона.

Правда надо отдать должное Хайнцу, и он не бросается с обвинениями на того своего противника, который так подло поступил по отношению к нему, да он уже и скрылся, а Хайнц принимается методично анализировать свои ошибки. – А я сам виноват. – Подвёл итог своему мысленному расследованию Хайнц. – Я самоуверенно посчитал, что ему от меня никуда не деться, вот и расслабился. А ему единственное, что и оставалось, как только пойти на хитрость, что он и сделал. Правда, откуда он мог знать, эту мою тягу к знаниям? – Хайнц с подозрением, краем глаза посмотрел на Сэма, после чего окинул взглядом Антипа, который определённо чем-то был похож на того злодея из его сна. И это показалось Хайнцу очень подозрительным совпадением, и он решил не сводить с него своего взгляда.

– На этот раз, тебе не удастся так легко меня обмануть. – Решил быть непреклонным к наблюдаемому типу Хайнц, с болью за себя вспомнив, как тот злодей из сна, простым вопросом сбил его с толку и отправил в своё небытие.

– Я слышал, ты отличный агент и что даже во сне бодрствуешь. – Встретившись или эффектнее будет сказать, столкнувшись в тамбуре с Хайнцем, обратился к нему злодей из сна, как только сейчас понял Хайнц, один в один похожий на того типа сидящего у окна. И что мог на эти его слова ответить Хайнц, если всё это было истинной правдой? Не врать же в конце концов. Мол вы, сэр, меня с кем-то другим перепутали, и я не тот вами заявленный отличный агент и рубаха парень, а как раз наоборот, последний подлец, бездельник, и при удачном стечении обстоятельств и прохвост. Так что утвердительный ответ Хайнца, вполне был ожидаем.

– Да, это так. – Сказал Хайнц, не отменяя своей суровости взгляда на этого злодея, который может и говорит правильные вещи, но всё же это не отменяет того, что за ним нужен свой присмотр.

– Я также слышал, что в деле счёта, вам нет равных. – Продолжает удивлять Хайнца своей осведомлённостью и точностью воззрений на него этот злодей.

И с этим тоже не может не согласиться не терпящий любой неправды в свой адрес Хайнц.
– Не могу и с этим не согласиться. – Даёт ответ Хайнц.

– И неужели, вы на такой скорости можете посчитать то количество шпал, которое наш поезд преодолевает за минуту времени. – Проявляет ничем неприкрытое сомнение насчёт умственных качеств Хайнца этот злодей. И тут же вслед за этим своим, практически вызовом Хайнцу, воротит свой нос в сторону дверей ведущих на улицу. А ведь Хайнц сразу же в глубине своей души почувствовал, что тут что-то не так, какой-то прямо-таки подвох сквозит в этом заявлении злодея. Но видимо этот злодей отлично знал Хайнца, с его затмевающим его разум нетерпением ко всякой несправедливости, в особенности, если она обращена к нему, раз Хайнц не придаёт значение тому, что ему подсказывает чутьё, и в ответ решительно опровергает эти заблуждения на свой счёт со стороны злодея.

– Засекай! – яростно говорит Хайнц злодею, сам тем временем принявшись прислушиваться к стуку колёс поезда об соединительные стыки рельсов. «Вот же придурок, – улыбнулся про себя Хайнц, презрительно посмотрев на столь недалёковидного злодея, – мне нужно-то, всего лишь посчитать количество стыков и затем умножить их на количество шпал входящих в состав рельсошпальной решётки. И всё. – Хайнцу даже стало немного жаль этого злодея, который и злодеем стал лишь потому, что не образован и его никуда не берут».

А злодей тем временем, пока Хайнц слегка отвлёкся, подошёл к двери ведущей на выход из вагона и открыл её. Что вызывает удивлённый взгляд на него Хайнца. Но злодей быстро успокаивает Хайнца, убедительно аргументировав свои действия. – Так тебе будет лучше слышен стук колёс.

– И то верно. – Улыбнулся злодею Хайнц, начиная испытывать к нему недопустимые для агента симпатии. После чего Хайнц подходит к двери, смотрит на злодея, который уже приготовился следить за временем, засучив рукава своих обеих рук (—А злодей-то, совсем растерялся, – усмехнулся Хайнц, обнаружив такие ручные приготовления злодея, которому и на одной руке достаточно было бы оттянуть рукав, чтобы было лучше часы видно), затем переводит свой взгляд во внешние пределы вагона и, прикрыв глаза, начинает прислушиваться к стуку колёс.

– Даже несколько укачивает. – Делает вывод из услышанного Хайнц, после чего он собирается было повернуться к злодею, для того чтобы дать старт отчёту времени, но не успевает это сделать, так как злодей уже дал старт, но только своему отчёту времени, – он резко навалился на Хайнца сзади, и без особых затруднений, в миг вытолкнул его из вагона.

И пока Хайнц летел из вагона, – а это практически мгновение, но его всё же хватило, – то ему в голову пришла довольно неожиданная мысль: «Так это я сам его подвёл к этому!». И только мелькание перед глазами несущихся в прошлое шпал, на которые сейчас непрерывно смотрел оказавшийся в буквальной к ним близости, зацепившийся ногой за ступеньки Хайнц, не дало ему додуматься до того, что всё это значило и, вообще, почему ему в голову, в самый неподходящий для этого момент, именно это пришло.

А ведь говорят, правда непонятно кто в таком случае, что в последние мгновения жизни человека, ему в голову, как им думается, приходят самые глупые и ничего незначащие мысли. А раз так, то наверное и Хайнц имел полное право на такого рода глупость, если бы конечно, это были его последние мгновения жизни. Но так как это было не так, то это мгновение не может не вызывать вопросов, но только не у самого Хайнца, чьё желание поработать агентом под прикрытием, полностью поглощало его, – а это в его понимании, вести двойную жизнь, нарушать закон и всё под сплошной вокруг обман, и себя в том числе, – и, пожалуй это и ограничивало его доступ к этой информации (но он всё же подспудно догадывался о том, каким образом он подвёл злодея под эти действия против себя – ведь он сам руководил им и вкладывал в его уста все эти хитрые вопросы).

Но всё это осталось там, за пределами его сознания, когда сейчас Хайнц, очень для себя удачно натолкнулся на плечо Сэма, что уже хорошо, а то он бы даже и не знал, что и чем думать, разбитно упав головой прямо на пол.

Так что то, что Хайнц с некоторой предвзятостью посмотрел на Антипа, невероятно похожего на того злодея из сна, то это было вполне обосновано его сном, ну и заодно и тем, что агентам внешней разведки Сэму и Хайнцу, было поручено незаметно следовать за этим объектом туда, куда он только не пожелает направить свой ход. Ну а так как все эти объекты слежения вечно куда-то спешат, да ещё и без видимых на то причин, стараются отстаивать своё право на личную жизнь, – они специально, для того чтобы запутать и сбить со своего следа наблюдателей, перемещаются по городу неравномерно, переходя в самые неожиданные для наблюдателя моменты на бег или того хуже, запрыгивают на ходу в пойманное такси, – то нужно поистине обладать большим терпением и крепкими нервами, чтобы не вспылить и не раскрыться перед объектом наблюдения, которому уже с самого начала наблюдения за ним, так хочется дать в морду.

– Нет, чтобы спокойно идти по улице и наслаждаться прекрасным днём. А он берёт, и прётся в эту тень. – Следуя по пятам за каким-нибудь объектом, больше похожим на подозрительного субъекта, частенько размышляли агенты внешней разведки, чья работа хоть и предполагала нахождение на свежем воздухе, но всё же в тех местах, где они всё своё время проводили, – подворотнях, подъездах домов и заброшенных людскими взглядами строениях, – было недостаточно для их лиц внимания со стороны солнца. Отчего, – от недостатка солнечного света и заодно от отсутствия при их обнаружении радости на лицах их ведомых объектов, – наверное, у всех агентов разведки и были такие суровые и хмурые лица.

– Морду ему разбить мало. – Чувствуя озноб от нахождения в тени сырого навеса, сжимая кулаки, чтобы хоть так согреться, постепенно склонялся к кардинальному решению вопроса с этой мордой ведомого объекта ... Да самый обычный спец по наружному наблюдению.

Но, как говорится, каждая профессия имеет свои плюсы и минусы, и накладывает свой отпечаток на своего носителя. И вот его-то (отпечаток профессии), видимо, тотчас и заметил за этими господами Антип, стоило ему только взглянуть на них. И, наверное, не надо объяснять факт того, что не работай Антип в тех же сферах, в которых были задействованы и эти господа, то он вряд ли их заметил. А всё потому, что их ритм жизни, существенно отличался от размеренного ритма жизни обычного человека, и этого живущий в той же интенсивности движения человек (в данном случае Антип), не заметить их не мог и не имел права.

– У среднестатистического человека, его обычный ритм сердца находится в пределах 60—80 ударов в минуту, а его артериальное давление считается нормальным при 120/80 мм. рт. столба, что при нашем полном опасностей ритме жизни, совершенно недопустимо. А всё потому, что обычный человек проживает всего лишь одну свою жизнь, когда как в нашей жизни, зачастую на кону стоит, даже ни одна, ни две и не сотня жизней, а жизнь целого государства. И разве здесь обойдёшься каким-то 80-ти ударным рабочим инструментом. – Заявлял Антип, таким образом постоянно отвергая попытки врачей навязать ему свою точку зрения на его здоровье, которое по их и тонометра мнению, а это уже говорить о том, что их позиция не столь основательно крепка, никуда не годится.

– Для обычного человека! – делал необходимое уточнение Антип, сминая листок с рецептом в руке.

И теперь даже проясняется то, что имел в виду Антип, называя некоторых, явно лично ему знакомых людей, странными людьми. Хотя они, наверное, себя такими не считали, но это уже личное дело каждого.

Нам же, понимание того, что имел в виду Антип под странными людьми, даёт возможность увидеть окружающий его мир в фокусировке его взгляда, где теперь всё видится и пони-

мается иначе. К чему бы мы вслед за Антипом и приступили бы, не заяви в этот момент о себе, зазвонивший в его кармане пиджака телефон.

И ведь, что интересно в данном случае, так это реакция окружающих людей на зазвонивший телефон, как будто у них у самих не лежат в карманах точно такие и даже лучше, средства коммуникации. Так всем сидящим в вагоне людям, почему-то в тот же момент становится любопытно, по поводу того, кто там так нарушает тишину. И они, кто краем глаза, кто сразу обоими, а кто и вовсе, развернув свою голову, немедленно обратили своё внимание на источник этого мелодичного звука и его носителя, Антипа, взгляды на которого, не всегда были единодушны. И если для возрастной и мужской категории пассажиров, он показался неинтересным, то живущая мечтами и лелеющая надежду на неожиданную встречу с принцем, которые все знают, иногда ездят инкогнито в самых задрюпанных электричках, легковой публичка из особ такого же возраста, определённо заинтересовалась такой возможностью встретить в лице Антипа принца.

Ну и конечно, вслед за этим сигналом, который некоторых сонных тетерь привёл в раздражение, а кому-то (уже понятно кому) показался захватывающим дух, в растревоженных этим событием головах пассажиров, благодаря этому отвлечению от их сонных мыслей, возникло масса вопросов и размышлений.

– А я считаю, что в поездах, как и на сеансе кино, нужно ввести мораторий на использование телефона. Спать, падлы, не дают. – Первыми, само собой, мгновенно среагировали сонные тетери, которые может быть и ездят на этих поездах, чтобы отвлечься от окружающего мира и хорошо поспать.

– А у меня между прочим, тоже есть телефон. Но я с помощью его, никого не отвлекаю на себя, а мог бы. – Занервничал прыщавый, пока ещё не молодец, но стремящийся к этому, юнец Антон, возмущившись тому, что сидящая на соседнем ряде, чуть слева, лицом к нему, само для него совершенство в женском обличие, на которую у него уже были составлены далеко идущие планы, и она время от времени отвечала ему тем же, как только прозвучал этот звонок, то сразу же выказала себя во всей красе, но только не ему, а тому типу с телефоном. И теперь прыщавый юнец Антон не знал, что дальше делать, ведь она на него больше не смотрела, а вот на того типа, не отрываясь.

– Убью его, затем её, а затем себя. – Пришёл к этому самому логичному выводу для юнцов максималистов, Антон. После чего повернулся, для того чтобы ещё раз посмотреть на своего кровного противника и оценить его шансы выжить после встречи с собой, где-нибудь в тёмной подворотне. И видимо шансы у этого типа были куда предпочтительней, чем у прыщавого юнца Антона, раз он немедленно решил изменить свою схему построения отношений с этими незнакомыми для себя лицами.

– Убью её, затем убью его, а затем себя. И это не обсуждается. – Неумолим в своём новом решении Антон. Но стоило ему только посмотреть на то совершенство, ради которой он готов был на всё и даже убить её, как вдруг сердце Антона облилось кровью, воззвав его к милосердию, хотя бы к ней.

И что же мог ответить Антон, когда к нему с такой просьбой, хоть и посредством его сердца, но всё же, обращается девушка? Наверное, ответ очевиден, да и к тому же к Антону никогда ещё не обращалась ни одна девушка, и было бы совсем неразумно за это её наказывать. В общем, Антон немедленно пересмотрел свои взгляды на своё последнее решение и составил новую логическую цепочку.

– Убью себя, затем его и напоследок её. – Решил Антон. Но что-то и на этот раз, в этой его цепочке последовательных действий, подспудно напрягло его. – Ах, вот оно что! – Догадался ахнувший про себя Антон. – Так вот они чего добиваются! – Антон, воочию увидев, к чему, – их, до боли в глазах, близкому соединению, – может привести им задуманное, глазам своим поверить не может, при виде такого многоуровневого коварства девушки и этого типа.

– Они значит, хотят, чтобы я своими собственными руками, убрал единственное мешающее им соединиться препятствие в виде себя, чтобы потом никого не стесняясь, обниматься и даже целоваться. Да никогда не бывать такому! Только через мой труп! – Грозно заявил про себя Антон. Правда только стоило ему осознать, что его угрозы или вернее, те меры, которые он собирался предпринять против этого соединения их сердец, ведут к тому же, как он не понимая, как так вышло, опустил руки и решил уснуть.

Ну а кому-то, даже если и хотелось до этого момента со звонком спать, – да потому что скучно, и внушающих доверие и интерес лиц не видно, – то после того как Антип таким образом себя всем представил, этим молодым и очень симпатичным лицам, не только не спалось, а не сиделось на месте, в желании хотя бы показать этому, определённо молодчику, что он замечен и интересен.

– Надеюсь, это ему не его подружка звонит. А то я ей все её лахудры из головы повывёртываю, за такую навязчивость к моему парню. – Рассудительно про себя решила, то в глазах Антона совершенство, с прекрасным именем Елена и, прищуриив свои глазки, принялась внимательно наблюдать за ним.

И скорей всего очень повезло звонившему Антипу типу, что он оказался всего лишь суровым типом, со шрамом через весь правый глаз, а не какой-то лахудрой, которой точно бы не поздоровилось от нетерпящей конкуренции на любовном фронте Елены.

Что же касается самого Антипа, то он прежде чем ответить на этот звонок, отметил для себя самое главное – те двое сидящих в проходе у двери типа, несомненно ведут за ним наблюдение.

– Что ж, посмотрим, что из всего этого выйдет. – Хмыкнул Антип, нажимая кнопку приёма вызова.

– Заставляешь ждать. – Усмехнулся в трубку звонивший.

– Могу себе позволить. – Сгрубил в ответ Антип.

– Мне бы твою самоуверенность. – Смеётся в ответ абонент.

– Что, чужое вечно не даёт покоя. – Усмехнулся Антип. Что на этот раз не понравилось и вызвало раздражение у его оппонента, который решил прекратить все эти предисловия.

– Всё, хватит тратить моё время. У меня есть к тебе предложение. – Жёстко сказал телефонный абонент. На что Антип мог бы заметить, что именно он первым ему позвонил, а раз так, то скорее он растрчивает его время, нежели, как заявляет абонент, он, Антип, его. Но Антип, зная прижимистый характер своего оппонента, посчитав, что того бесполезно в чём-то не укладывающемся в его мировоззрение убеждать, и поэтому коротко спросил. – Какое?

Ну а тот (оппонент Антипа) в свою очередь оказался не только полной различных не вписывающихся в обычность характеристик личностью, но и натурой весьма злопамятливой и язвительной. И он, не желая забывать Антипу его выходки, а иначе авторитет бескомпромиссного и жестокого типа можно потерять, решил подловить его на слове, ответив на его вопрос язвительностью: Внятное.

Антип же не даёт возможности своему оппоненту насладиться весельем, в которое он закатился в трубку, посчитав, что его искромётный ответ того стоит, а резко перебивает его смех, заявив. – Я не слышу внятного ответа. Ты или сейчас же говори, чего хотел, или я бросаю трубку. – На что сбитый со своего смеха оппонент Антипа, бросается в другую крайность – злобу, и, отчеканивая слова, говорит. – Это тебе впору задаться вопросом: Куда тебя твоё упрямство, в конечном счёте, приведёт?

– Не знаю. Но, по крайней мере, я буду уверен в том, что я сам выбрал этот путь для себя. – Без промедления даёт ответ Антип, своим ответом неожиданно заставляя задуматься своего таинственного абонента.

– А знаешь, – после небольшой паузы заговорил оппонент Антипа, – мне, пожалуй, было бы не интересно и даже скучно, если бы всё так быстро завершилось. И я так уж и быть,

дам тебе шанс проявить себя, и отпущу тебя в свободное плавание. Всё равно тебя, как бы ты не старался изменить себя, в конечном счёте, прильёт ко всё тем же берегам, которые всегда ограничивали и ограничивают твоё умственное сознание. – Сделал паузу говоривший и, не услышав возражений от Антипа, заявив: «Тогда как всегда. С красной строки», – тем самым запустил некий, незнакомый для посторонних лиц процесс.

Чего (о таких незнакомых характеристиках) не скажешь об Антипе, который был в курсе того, что говорил тот, с несущим угрозы голосом человек из телефона, и он не испытывая к тому типу никакого доверия, в тот же момент, как закончился разговор, перевёл свой взгляд на теперь уже открыто не сводящих с него своих взглядов Сэма и Хайнца.

– Скорей всего это новички. – Подумал Антип, глядя на своих оппонентов, которые поняв, что теперь скрывать свои намерения насчёт Антипа бесполезно (ну, совершили оплошность, с каждым бывает), тоже прицельно к его лицу, не отвлекались своими взглядами, пока, что за неожиданность такая для них, но только не для Антипа, из кармана Сэма не донёсся мелодичный звук звонка телефона. И что интересно, так это, что он в точности повторял мелодию звонка телефона Антипа. И это музыкальное совпадение, даже несмотря на то, что одна марка телефонов подразумевает в них наличие одинаковых типовых мелодий для звонка, было всеми пассажирами в вагоне замечено и само собой встречено понимающими полными толерантности кивками и в зависимости от фантазии пассажиров, своими пересудами (скукота нахождения в замкнутом пространстве вдохновляет людей на безумные мысли).

– И откуда их столько развелось, что даже яблоку упасть некуда. – Первыми разнервничались всё пытающиеся уснуть бессонные тетери.

– Я так и знал, что у них ничего не выйдет. – Воспылал надеждой Антон, посмотрев на побледневшую Елену, которая определённо такого подвоха со стороны Антипа не ожидала и была застана врасплох таким поворотом событий (справедливости ради надо сказать, что и Антип был вне ведения всего этого и, наверное бы заявил, что всё это кем-то, и он даже предполагает кем, заранее спланированная, направленная против его незапятнанной толерантностью имиджа, провокация).

– Да что же это делается на белом свете. Куда это всех мужиков несёт-то? – Ахнула про себя Елена, с ненавистью посмотрев вначале на малосимпатичного и срывающего все её планы Сэма, а затем с потерянными глазами на более чем приглянувшегося ей Антипа. – Нет, не верю. И пока собственными глазами не увижу, то не поверю. – Обдав холодным взглядом уже намозолившего ей всё своей прыщавой физиономией Антона, что стоило последнему потери себя в пространстве, Елена решила идти до последнего в своих воззрениях на Антипа.

Что касается самого Антипа, то его взгляды на Сэма не предполагали все эти надуманные глупости, а как и следовало, содержали в себе одну только конкретику и мгновенный анализ всего происходящего в стороне своего вероятного противника.

– Телефон с одной стороны делает тебя уязвимым, где каждый твой шаг и действия прослеживаются, а с другой стороны он даёт широкие возможности для... – Антип вдруг оборвал себя на этой, может показаться, что довольно-таки запоздалой мысли, но только не для людей крепких задним умом (а может причиной всему было что-то совсем другое), и незаметно для ведущих за ним своё наблюдение Хайнца и Сэма, переключил своё внимание на рядом с собою сидящего потрёпанного жизнью человека.

– Вот, наверное, он обрадуется, нежданно, негаданно, обнаружив у себя в кармане телефон. – Прикинул Антип, сверяя отвлечённость от него этого незнакомца и внимательность к нему Хайнца (Сэм тем временем был занят своим телефоном). – И как не обрадуются этому факту нахождения телефона заинтересованные лица. – Краем губ улыбнулся Антип.

И видимо стоящее потрясение на лицах заинтересованных людей, когда они, запеленговав, поймали этого незнакомца на сигнал телефона Антипа, было столь велико и радостно представлять последнему, что это всё решило для него. Правда, оставалось главное, как-то

незаметно для глаз Хайнца (на счёт потрепанного жизнью человека Антип не беспокоился, исходящий от него стойкий запах его образа жизни, благодаря которому он пришёл к такому своему потрепанному состоянию, очень отчётливо подавал сигналы о том, что на его счёт можно не мучиться сомнениями) подложить свой телефон в карман этого типа. А для этого было необходимо как-то отвлечь этого Хайнца и при этом не так, чтобы при этом привлечь всеобщее внимание к себе. А это значит, что нужно применить прямое обращение к этому Хайнцу. – Но как? – задумался Антип.

И как часто бывает в таких, казалось бы, безвыходных ситуациях, то на помощь пришёл случай в виде открывшихся дверей, ведущих на выход и в другой вагон. Что на одно лишь мгновение отвлекает на себя Хайнца, которого как раз и хватает Антипу, чтобы избавиться от своего телефона. После чего можно успокоиться, и если тот гад, не решит ещё раз позвонить, то начать придумывать план того, как от этого «хвоста» избавиться. Но если с первой частью им задуманного, всё прошло без заминки, то вот с тем, чтобы успокоиться, то с этим придётся повременить.

И всё потому, что дверь в вагон открылась не просто так, лишь для того чтобы только отвлечь на себя одного Хайнца, для которого слишком жирно будет такого счастья, а через неё в вагон вступила такая носительница самой себя, особа самого, что ни на есть прекрасного пола, что просто глаз не отведёшь. Из чего даже можно сделать вывод, что Антип несколько не рисковал, вкладывая свой телефонный сюрприз тому растрёпанному типу – Хайнц там надолго завис, не сводя своего взгляда с вошедшей молодой особы, которая совсем была не подорожному одета, а прибыла сюда прямо-таки с какой-то презентации, и скорее всего, самой себя (а разве на что-то другое будет интересно смотреть, когда она рядом стоит).

Ну а стоило ей только войти в вагон, то это сразу же всем бросилось в лицо, и даже сонные тетери в миг прозрели и, глядя на неё начали поправлять свои усики и причёски, терзая себя надеждой на то, что будут замечены этим ангелом во плоти. Ангел же во плоти, тем временем носящая другое, но не менее звучное, вместе с интеллектуальным подтекстом имя Ация, остановившись в проходе, пока не спешила без предварительного изучения находящихся в вагоне пассажиров, кому-то из них отдать предпочтение, и тем самым осчастливить его в глазах других, обойдённых ею пассажиров.

И вот это-то появление в вагоне Ации, и не дало Антипу успокоиться и отвлечься от окружающего на свои полные различных планов и комбинаций мысли. К тому же Антип кроме красоты Ации, не мог не заметить за ней то, что она на него особенно как-то посмотрела и возможно даже, что он ей приглянулся. Что, пожалуй, спорное утверждение и каждый из находящихся в этом вагоне пассажиров, с не меньшим основанием мог бы заявить тоже самое, а некоторые даже и полезть в драку. И, наверное, всё это было так. И, не дай бог, случись возникнуть спор насчёт того, на кого эта фея больше всех смотрела или вообще, на один момент остановила свой взгляд, то Антипу пришлось бы довольствоваться местом в последней десятке.

Так что вполне им ожидаемо, но только не всеми остальными пассажирами, в один момент ошеломлёнными её выбором, Ация взяла и пренебрегла всеми их усиками и причёсками, и даже лысынами (вот же привередливая дамочка, ничем ей не угодишь), усевшись рядом с Антоном, потрясённым от такого её выбора и её благоухающей раем близости. А ведь она ещё к тому же, не просто так к нему подошла, а с очень впечатляющим ходом, – подиумной походкой, – для следящей за каждым её шагом публики. После чего она очень мило ему улыбнулась, отчего Антон мгновенно вспотел, и таким незабываемым голосом его спросила о чём-то, что Антон так и не понял о чём, пребывая в обездвиженном положении, в мысленном ступоре, с открытым ртом.

– Ну, тогда я присяду. – Поняв Антона без лишних слов, сказала Ация, занимая соседнее место рядом с ним. После чего Ация под наблюдением стольких глаз, о чём она не просто догадывалась, а знала (ей не в первый раз ездить в гуще народа, в поездах, а может причина

была в чём-то другом), открывает свою сумочку, и как все невольные (при виде Ации только о подчинённом ею положении и думаешь) свидетели её действий предполагали и даже убедительно считали, само собой достаёт оттуда небольшое зеркальце.

– Свет мой, зеркальце! Скажи. Да всю правду доложи: Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее? Тьфу. Видеть её никаких нет больше сил. – На этот раз первыми вознегодовали на такую податливость и тягу к красоте мужиков, пренебрегаемая ими прекрасная половина, которой конечно нет никакого дела до их взглядов, но и пренебрежения собой, они терпеть не намерены.

– У. Насмотреться всё на себя не может. Любовала. – Стиснув зубы, запричитали те, кому не то чтобы не на что было любоваться в зеркало, а скажем так, у них помимо себя было куда смотреть, отчего они даже поистерли своё зрение об эту окружающую их занятость и всегда носили очки на носу и в кровати. – Все они такие. – Нервно заявила, вздёрнув вверх свой нос, мадам Бандаж, посмотрев сверху вниз на эту «любовалу» через свои запотевшие от негодование очки.

– Кто? – не удержалась от искушения спросить свою вечную подругу мадам Бандаж, точная копия её, мадам Липьен. На что мадам Бандаж с некоторым укором в глазах смотрит на свою не слишком далёкую подругу, и так уж и быть, язвительно ей говорит. – Красотки.

– У. Терпеть их не могу. – А вот ответ мадам Липьен вполне удовлетворил мадам Бандаж, которая и сама была такого же невысокого мнения об этой особой категории дам, которым так и хочется выделиться из общей массы людей.

– И этот туда же. – Вознегодовала Елена, обнаружив, что этот прыщ Антон, как оказывается, имеет успех. А такое его демонстративное предпочтение этой красотки ей, не может ревностно не взволновать Елену, у которой тоже в сумочке есть зеркальце и в нём она всегда наблюдает прекрасное во всех отношениях личико. – Да и к тому же, кто знает эту «жердь» на ... – Елена оборвала свои размышления на полуслове, вытянув голову, чтобы разглядеть туфли этой дамы и сделать не предвзятый аргументированный вывод. – Вполне сносные туфли. – Елена поморщившись на Ацию за то, что у той всё же, что удивительно, есть вкус и даже деньги, тем не менее не сдаётся. – Это ещё ни о чём не говорит. – Надув губы, Елена решила быть начеку и если что, то поймать эту «жердь» на чём-нибудь не привлекательном.

– Умеет же надувать губы. – Поразились полученному эффекту сонные тетери, невольно потянувшись руками к своим кошелькам, чтобы как-то облегчить муки капризов этого ангела во плоти, который таким кошмарных для них образом, выразил своё недовольство ими, глядя в это своё зеркальце.

– Она в нём видит, не как можно подумать, своё совершенство, а всю нашу никчёмность в сравнении с ней. – Убирая обратно в карманы свои кошельки, с которыми они готовы были расстаться по мановению одного взгляда души этого ангела во плоти, похолодели от своих безнадежных насчёт себя мыслей сонные тетери, решив незамедлительно вернуться к своему сну, где куда проще обстоят дела со всеми этими ангелами, но только не во плоти.

– И чего она там нового для себя увидела. Ума не приложу. – Всё не успокоится, пожимая плечами мадам Бандаж, время от времени бросая свой полный презрения взгляд на Ацию.

– Наверное, у неё память плохая, вот и смотрит на себя, чтобы не забыть. – Вставила своё слово мадам Липьен, чем ни мало повеселила мадам Бандаж, удовлетворённо посчитавшей, что это её замечание насчёт «любовалы», попало в точку.

А между тем, если посмотреть на обращённый к зеркальцу взгляд Ации под правильным углом, то можно заметить одну странную особенность – он почему-то был обращён, не как все могли подумать, на саму себя, а назад, по направлению, кто бы мог подумать кроме Антипа, – на него!

При этом, несмотря на то, что Антип совершенно не обращает своего внимания на эту пренебрегаемую им, наверняка высокомерную особу, – ну, нет у него яхт и дорогостоящих

машин, и даже часы простые, хоть и командирские, – да и вообще он гордый и не собирается валяться в ногах у той, кто им первой пренебрёг, всё же возникает такое ощущение, что Антип ещё не готов только на равнодушные с ней отношения. К тому же... Но вдруг неожиданное, – без вникания в более глубокий подтекст, да и хотя бы потому, что не ждали, – появление в дверях незнакомца, с его вмешательством в спокойный ход мыслей пассажиров, заставило замереть все их размышления и перевести все взгляды пассажиров в сторону чуть ли не вылетевших с петель дверей.

Ну, а такое появление, с открытием дверей ногой и яростным криком: «Что, падлы, не ждали?!», – всегда выглядит неожиданно страшным, и заставляет вздрогнуть чувствительные сердца сидящих на пока что (что не есть должные основания для вошедшего, который в любой момент может оспорить эту данность кулаком в лоб) своих местах пассажиров.

И понятно, что этого яростного типа здесь никто совершенно не ждал и не желал бы увидеть, и тогда зачем об этом спрашивать. Но видимо остановившийся в проходе дверей, ураганного типа неизвестный, в этом своём громком обращении к пассажирам этого вагона, что-то другое, с глубоким подтекстом предполагал, раз эта его остановка в дверях, это не только, держась за дверь руками, возможность устоять на своих, как оказывается расшатанных вагонной качкой ногах, а не как многие подумали, его не знанием во всё меры, но и его желание быть к окружающим объективным.

– Говорят, большое видится на расстоянии. И я это большое, определённо вижу. – Громко заявил этот пугающий своим видом субъект и, к напряжению лиц пассажиров вагона, принявшись пугающе вглядываться в лица пассажиров. При этом этот тип решил не ограничиваться одним своим и так нервирующим всех здесь сидящих в вагоне взглядом, а он к нему присовокупил свою руку (возможно она ему потребовалась для привязки к объекту наблюдения, что при его раздвоении зрения, было разумным шагом). И выставив вперёд свою руку, с выдвинутым вперёд указательным пальцем на конце, принялся водить своей рукой по лицам пассажиров, приводя их на одно то самое мгновение, в обморочное состояние.

– Вот ты, мурло! – яростно заявил этот тип, уткнувшись пальцем в одно безуспешно притворяющееся спящим лицо пассажира из категории сонных тетерь. А такое слышать, да ещё когда тебе тыкают пальцем в лицо, невыносимо для любого слуха, а что уж говорить об этой сонной тетери, к которой никогда так фамильярно не обращались, да и, вообще, она привыкла к самоуважению, преумноженному льстивым обращением подчинённых: «Достопочтенный Пал Палыч». А ведь при этом нельзя сказать, что Пал Палыч не был знаком и, вообще, был не в курсе того, кто или что, это за мурло такое. Ведь его в основном такие, не обогащённые умом лица, и окружали на его государственной службе, и Пал Палычу на дню не раз приходилось использовать эту, так нравящуюся его подчинённым, фамильярность по отношению к ним.

– И с этим мурлом мне приходится работать. – В конце рабочего дня, Пал Палыч, как правило, подводил итоги и переходил на обобщения, от усталости перестав различать лица всякого мурла.

И, конечно, этот Пал Палыч, когда к нему таким образом обратились, то он в ответ делает не понимающий вид, и смотрит по сторонам в попытке отыскать то мурло, за которое его по ошибке этого типа посчитали.

Но судя по непроницательным лицам соседей, никто из них, вот так просто и возможно даже под пытками, на себя не собирается брать эту вину за мурло Пал Палыча, да и всего вероятней, и этот, до чего же нервный, даже на ногах не может крепко стоять тип, не согласится на оплаченную Пал Палычем замену. И Пал Палычу ничего не остаётся делать, как смириться со своей неподкупной гордыней и под красноречивыми взглядами соседей: «Мурло и есть мурло», – повернуться лицом к лицу к опасности в виде указательного пальца этого типа.

А ведь этимология этого слова, так часто привлекаемого к обозначению, почему-то больше лиц мужского пола, ещё недостаточно изучена и в желании разобраться, что к чему, вызывает множество яростных споров даже в кругах в своём состоянии близких к значению этого слова. Вот почему оно, как правило, и звучит в устах тех людей, чьё состояние близко к этой ипостаси – им непременно хочется выяснить правду, и для себя понять, что это такое. А иначе ошибка будет дорого стоить бармену, который вполне может перепутать одно мурло с другим, и ошибочно выставить счёт не тому мурло, которое и знать не знает, что такое счёт, если его сюда, как оказывается, то ещё мурло пригласило.

В общем, из всего этого можно сделать вывод, что этот ураганного поведения тип в дверях, не так-то прост, как видится, и он не только, как всем в вагоне думается, хочет лишь по испытывать им нервы и в особых случаях, кулаком проверить крепость невыносимого для него вида голов пассажиров, но и найти для себя ответы на мучающие его вопросы.

Ну а так как путь к истине всегда тёмный и тернистый, то, наверное, нет ничего в том удивительного, что он не сразу нашёл для себя ответы на поставленные им вопросы, и для поиска ответов, ему пришлось преодолеть ни один вагон. И судя по стоящей в его глазах усталости, здесь-то он и собирался закончить свой поисковый путь.

– Ну, я тебя слушаю. – Обратился к Пал Палычу этот тип, чем поставил Пал Палыча в невероятную для него ситуацию – он совершенно не представлял, что от него требует этот тип и поэтому не знал, что ответить. Но при этом, судя по нервному виду этого типа, его Пал Палыча не ответ, будет воспринят этим типом как личное оскорбление, а там до кулака в нос всего лишь два шага этого типа. И Пал Палыч глубоко вздохнув, задаёт наводящий вопрос.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, мне хотелось бы знать, какой вы вкладываете в него подтекст. – Но Пал Палычу не удаётся завершить свой вопрос, как его тут же перебивает вдруг разъярившийся тип, теперь с дулей на руке вместо указательного пальца. «Хочешь знать подтекст!», – вдруг заорал этот тип, которого все пассажиры тут же, – непонятно на каких основаниях (может быть потому, что все его заявления были многоуровневого характера и понимания), и насчёт того, что так увиделось, то это не аргумент, а всё тот же подтекст, – об именовали Подтекст.

– А это ты видел! – заорал Подтекст, сунув дулю в нос Пал Палычу. И хотя расстояние между ними не позволяло говорить о том, что дуля Подтекста оказалась прямо в его носу, всё же Пал Палычу этого хватило, чтобы обмякнуть на сидении и начать стекать на пол. Но не успевает Пал Палыч достичь собой глубины местного дна, пола, как до него доносится чем-то обрадованный голос Подтекста. – Оба, что я вижу.

И не будь Пал Палыч высокопоставленным чиновником, которого сюда в этот поезд занесло лишь недоразумение, о котором он кое-кому вскоре на службе припомнит, для которого умение интриговать и лицемерить есть важная составляющая способствующая его продвижению по карьерной лестнице, то он бы эти слова Подтекста ошибочно уразумел на свой счёт. Но так как Пал Палыч был тем, кем он был, то он сразу же почувствовал здесь какой-то подвох, который и заставил его открыть глаза, чтобы убедиться в верности его догадки. И точно, Подтекст, расплывшись в невероятно противной улыбке, так эмоционально выразил себя по отношению к замеченной им Ации.

– Ну, славу богу, – облегчённо вздохнул решивший расслабиться Пал Палыч, – что есть... – но на чём хотел акцентировать своё и внимание бога Пал Палыч, так и не удалось узнать, а всё по причине забывчивости Пал Палыча. Так он забыв о том, что сейчас находился не в том устойчивом на кресле положении, в котором ранее был, несколько преждевременно расслабился и в результате чего, не удержался на сиденье и, как решили его соседи по местам, впал в свой собственный маразм, а не как Пал Палыч ощутил своим задом, на пол.

И если это происшествие с падением Пал Палыча, в какой другой момент, бурно бы повеселило пассажиров вагона, всегда готовых радостью вознаградить за смелость и за такие акро-

батические способности, что и говорить, смелых пассажиров, решивших таким образом разнообразить скучное пребывание в вагоне, то сейчас на него мало кто обратил внимание, так как всё внимание пассажиров было приковано к разворачивающимся событиям вокруг Подтекста и Ации. Где заводилой, неоспоримо никем, был Подтекст, который как только заметил Ацию и выразительно об этом всех здесь в вагоне оповестил, решил сразу же навести на себя лоск, для того чтобы не ударить в грязь лицом (а то что он это на профессиональном уровне умел делать, то в этом совершенно никто здесь не сомневался) перед такой шикарной дамой.

Впрочем, для этого много времени не понадобилось, да и особенных средств не на надо, и Подтекст, смочив руки плевком, быстро делает укладку на голове, где его волосы, как и его мысли, находились в растрёпанном состоянии. Ну а как только Подтекст таким образом привёл себя в образцовый порядок («Хоть прям женись», – усмехнулся Подтекст), то он выдвинулся по направлению Ации, которая всё также увлечённо всматривалась в зеркало, и как казалось со стороны, то она даже не подозревает о том, какая опасность в виде этого жениха на неё надвигается.

Но это, то, что Ация была не в курсе того, что происходило сейчас в вагоне, действительно только казалось, когда как на самом деле, то она умела видеть не только себя в своей жизни, но и себя в жизни окружающих её людей. А сейчас её, прежде всего волновало то, почему тот тип у окна посмел не обращать на неё внимание, всё продолжая пялиться в окно.

– И что там есть такого более интересного, чем во мне? – нахмутив свои брови, строго спросила этого типа Антипа, Ация. Но разве он, находясь на таком расстоянии от неё, может услышать то, о чём его спрашивает Ация. Скорее нет, чем да. Так что если Ация хочет того, чтобы её услышали, то ей придётся что-то более существенное, да и поскорее придумать, пока её новоиспечённый жених не подошёл. И Ация, бросив взгляд в сторону окна, а затем на своё зеркальце, придумала. Так она подлавливает в своё зеркальце солнечный блик и в виде солнечного зайчика перенаправляет его в сторону глаз Антипа.

Ну а сам Антип, несмотря на свою такую внимательную отвлечённость в сторону окна, как оказывается, не на 100% был поглощён пейзажем за окном, а держал на постоянном контроле всё, что происходило в вагоне. И когда его глаза осветились солнечным светом совсем не с той стороны, которая время от времени его тревожила, он не так уж и сильно удивился этому, а лишь радостно усмехнулся про себя. – Значит, говоришь, что у тебя есть насчёт меня один пунктик. – Антип вспомнил свой давнишний разговор с Ацией, с которой он, как можно было уже догадаться, не почему-то, а потому, что по-другому в данных обстоятельствах и быть не могло, был близко знаком.

– Есть. – Ничего не собирается скрывать от него Ация.

– Какая ты пунктуальная. – Улыбаясь в ответ, говорит ей Антип, готовясь подойти к ней поближе и уточнить на ушко, что она подразумевает под этим своим заявлением. Но Ация своим преждевременным ответом, которого Антип ранее от неё не слышал: «Значит, скоро будет остановка», – останавливает его и выводит из его воспоминания в действительность.

– Я понял. – Антип едва заметным кивком дал знать Ации, что он её понял. И хорошо, что Антип всё это так вовремя понял, а то новоиспечённый жених Подтекст, очень требовательный к своим невестам жених и он не терпит любых препятствий на своём пути.

И только Ация закрыла своё зеркальце, как вдруг перед ней нарисовалась переполненная радости и сопутствующими ей напитками, физиономия Подтекста, который к потрясению головы напротив Ации сидящего пассажира, для устойчивости своего стояния, опёрся рукой на его голову – на что только не пойдёшь для того чтобы во всей своей красе выглядеть перед невестой. И этот его поступок по отношению к голове, даже не сильно и сопротивляющегося пассажира, показывал, не как можно было подумать, пренебрежение Подтекстом личных свобод окружающих людей или того больше, его хамское отношение жизни, а он подчёркивал насколько Подтекст большой хозяйственник – ничего не пропустит мимо себя.

Правда Ация не смогла сразу оценить самого Подтекста, и его готовности ради неё пойти на многое, и поэтому вместо призывной улыбки, несказанно удивилась при виде его. Что ж, Подтекст, судя по всему, был не гордым, о чём он мог бы немедленно утвердить в таком мнении насчёт себя всех вокруг сидящих пассажиров, но посчитав, что это и так видно, отпустил голову пассажира-подставки и всем своим весом бухнулся на него. И видимо пассажир-подставка был к тому же скользким типом, раз он как-то незаметно для Подтекста выскользнул из под него и растворился в глубинах вагона.

Но Подтекста, несмотря на потерю мягкости сидения, это всё не волнует, когда у него есть масса заманчивых предложений к своей будущей невесте, Ации. Правда он их сейчас, от неожиданного наплыва чувств, внятно выразить не может и поэтому, пока что ограничивается немигающим плотоядным взглядом, которым он одаривает Ацию с ног до головы. Где в самых интересных её и видимо для него тоже местах, смеет выразительно, – облизывая губы, – подчёркивать своё удовлетворение им увиденным, и всего вероятней, уже опробованным в его голове полной всяких нескромностей.

И вполне вероятно, что такое положение вещей вполне устраивало Подтекста, но вот насчёт Ации, то этого не скажешь, судя по её удивлённому виду. Чего она и попыталась изменить, обратившись с вопросом к Подтексту:

– И что же вы такое увидели, что не можете сомкнуть своих глаз?

– Возможности. – С таким неприкрытым, до чего же грязным намёком это сказал облизнувшийся Подтекст, что даже злорадствующие тётки и мадам, до этого занимающие критическую позицию по отношению к Ации, вознегодовали на этого Подтекста за то, что он так выпускает свои слова и полные вожеления взгляды.

– Я не позволю! – вдруг к полной неожиданности всех окружающих и в том числе Подтекста, в этот разговор встрял весь красный Антон.

– Чего? – удивился изумлённый Подтекст, хлопая глазами в сторону Антона.

– Так себя непозволительно вести по отношению к девушке. – Сбиваясь на свой повышенный сердечный ритм, проговорил Антон, полный страха и счастья оттого, что на него смотрит, не только этот злодей Подтекст, но и эта красавица Ация. Ну, а что можно ожидать от выбравшего для себя путь злодея человека, кроме как только подлости и провокаций. И Подтекст не преминул пустить вход все эти инструменты своих злодеяний, подло приметив за Антоном то, что у него ещё молоко на губах не обсохло, чтобы встревать в разговор взрослых дяденек и тётенек.

Что и говорить, а это был подлый удар со стороны Подтекста, на который вот так сразу, даже после того как Антон невольно проверил на своих губах несоответствие заявленного с действительным, и не ответить. При этом Антон, пока, что только сопляк, а не дурак, и он конечно же уловил скрытый подтекст в заявлении Подтекста, который в очередной раз показал, что его недооценивать не стоит. Но и промолчать Антон не может, когда на него так заинтересованно смотрит Ация.

– Это к делу не относится. – Набравшись духу, заявил Антон. – Я сказал, что не позволю, значит, не позволю. – Но Подтекст уже пришёл в себя от неожиданности вступления этого прыща, и теперь его лицо вновь обрело суровость для окружающих и в особенности для несогласных с ним, типа Антона.

– А если я не соглашусь? – спросил Антона Подтекст, взяв свои руки в замок и звучно щёлкнув пальцами.

И если по растерянному Антону видно было, что он к этому вопросу как-то совершенно не был готов, и он в ответ только захлопал ртом, пытаясь наловить ответов, то того же не скажешь по Подтексту, который не только был готов на ответ, но и знал, что дальше будет. А дальше будет то, что всегда бывает с теми, кто смеет встать на пути Подтекста.

И не успевает кто либо вокруг сидящих пассажиров, и главное сам Антон сообразить, как так быстро его голова оказалась накрыта массивной правой рукой Подтекста, как последовавший удар оттянутого Подтекстом пальца этой руки, вместе с черепом Антона, от жуткого отзвука «пиявки», содрогнул сердца пассажиров всего вагона.

Дальше наступает практически мёртвая пауза, где только стук колёс вагона об стыки рельсов нарушает эту тишину. И только когда Антон обмяк в теле и бессознательно повалился головой на Ацию, то только тогда пассажиры начали приходить в себя. И первым, кто пришёл в себя, был Подтекст, который, в общем-то, никуда не уходил и не собирался этого делать. И он, посмотрев на дело рук своих, усмехнулся и своим последовавшим заявлением, прямо-таки всех добил. – А парень то не промах и с головой. Знает, как воспользоваться ситуацией. – Засмеялся Подтекст, и это оказалось последней каплей терпения для мадам Бандаж. Которая и так не отличалась терпеливым нравом, а тут на её глазах происходит такое. Ну а то, что она первоначально имела свои критические взгляды на Ацию, то всё это в прошлом. К тому же перед лицом опасности, которую источал Подтекст, все обиды нужно забыть и единым фронтом встать против общего врага.

– Да сколько мы ещё можем терпеть всё это издевательство. Неужели среди нас не найдётся настоящих мужчин, которые наконец-то утихомят этого, всего-то одного хулигана?! – подскочив на ноги, прогремела на весь вагон мадам Бандаж, принявшись озираться по сторонам в поисках настоящих мужчин. Ну, а мужчин всегда украшала скромность, особенно в таких востребованных случаях, так что мадам Бандаж не сразу удалось отыскать этих представителей исчезающего рода человечества. Так что к ней даже пришлось прийти на помощь, и с очень неожиданной для неё стороны – со стороны Подтекста.

Так Подтекст, явно видя, в каком оказалась затруднении эта, по его взглядам противная тётка, – возможно, что этот не привлекательный факт и сказался на её поиске, а так будь на её месте привлекательная особа, то и от желающих показать себя настоящим мужчиной, не было бы отбоя, – решает оказать ей помощь и, поднявшись на ноги, грозно орёт. – Ну что. Кто-нибудь желает стать покойником?

И надо признать, что до чего же Подтекст ловок, умеет он манипулировать человеческим сознанием – кто спрашивается, в твёрдой памяти и здравом уме, захочет утвердительно ответить на заданный им вопрос. И, конечно, среди пассажиров никто не спешит, таким образом себя выделять. И Подтекст определённо догадываясь о том, что так и будет, ещё раз обводит взглядом вагон и, не обнаружив среди пассажиров нарывающих на неприятности пассажиров, уже было собрался вернуться к своему требующему его внимательности делу, как вдруг там натывается на устремлённый на него, полный недоброжелательства к нему взгляд пришедшего в себя Антона.

Ну, а разориентированный в пространстве Антон, вполне вероятно, ещё не соответствовал всем тем параметрам, – твёрдой памяти и здравости ума, – которые не позволяли основной здоровой массе пассажиров откликнуться на жуткий вызов Подтекста, и он решил попробовать. А вот что попробовать, то это так и осталось не совсем ясным, но всем тем, кто заметил этот бросок Антоном своего телефона, показалось, что он хотел сбить с лица Подтекста эту, смотреть уже тошно, улыбку. А вот это-то ему вполне удалось сделать, но и только. При этом, на удивление многих, Подтекст проявил неожиданное от него проворство, с которым он достаточно умело уклонился от встречи с брошенным ему в лицо телефоном.

Чего правда не скажешь о Сэме, который к своей полной неожиданности (а мог бы предусмотреть, ведь сам же видел где сидел), оказался под ударом этого телефона, который в один миг, с треском выбивает из его прижатых к уху рук, уже его телефон. Но прерванный таким образом разговор, не самая большая неприятность, которая случилась с Сэмом. А вот то, что его голова, рефлекторно откинувшись назад на стенку, сотряслась и вынесла из неё все его

доброжелательные мысли, оставив там только чёрную злость, то от этого даже самому Сэму стало страшно.

Что, впрочем, некоторыми, а в частности Антипом, видится в ином, продуктивном для себя свете. И, вообще, он на всё происходящее смотрел со своей, отличной от всех других точки зрения, которая окончательно была сформирована после истеричного заявления мадам Бандаж, которой так не терпелось отыскать настоящих мужчин. И тогда-то Антип и увидел в истинном свете Сэма и Хайнца, которые сделав рожу кирпичом, что у них лучше всего получается, не откликнулись на этот призыв, сославшись на непонимание местных языков

– А эти типы, стопудово принадлежат не дружественной нам спецструктуре. – Сделал для себя вывод из их поведения Антип. – Они предпочли долг службы, долгу чести. – И, наверное, можно было те же претензии выдвинуть и против Антипа, с его таким недобросовестным поведением. И он, пожалуй, и сам-то ничем не лучше их, – отсиживался в кустах. Но у него были неоспоримые причины для такого своего поведения, о которых вскоре всё будет рассказано.

Но Антип на одном таком понимании ведущих за ним наблюдение людей в штатском, не ограничивается, он также понимает, что те, кто решил вести его по следу, непременно будут последовательны, и своими людьми также заблокируют и второй выход из вагона. Куда бы не мешало заглянуть, чтобы посчитать свои шансы на успех и шансы противника на его оплошность.

– И там двое. – Посчитал Антип, посмотрев назад с того трудного угла, на который он развернул свою голову в бок, чтобы отсюда можно было одновременно смотреть назад и позволять сзади находящимся наблюдателям, только догадываться насчёт его оборотных действий. – И что будем делать? – задался вопросом Антип и немедленно получил ответ солнечным зайчиком в лицо. – Я всё понял. – Улыбнулся Ации Антип, приготовившись ловить момент и действовать по обстановке.

И этот подходящий для своей ловли момент, как не трудно догадаться, наступил в тот самый момент, когда Антон со всей своей яростью обрушился на Подтекста, но попал в Сэма. Что приводит к некоторой растерянности в рядах сотрудников из группы Сэма, который как вскоре выяснилось, был старшим группы. Ну, а временная потеря управления, часто приводит к несогласованности и ошибочным действиям рядовых членов группы. И вторая, находящая у другого выхода из вагона группа сотрудников, неверно оценив ситуацию, – они увидели в ней угрозу целостности группы, – бросились на выручку Сэма. Чем и воспользовался Антип, хлестким ударом скосив с ног остановившегося для присмотра за ним, сзади шедшего сотрудника.

И хотя всё это произошло в одно мгновение, всё-таки проследовавший быстрым шагом вперёд мимо месторасположения Антипа первый сотрудник, услышал отзвук удара и последующее за ним грузное падение, что и заставило его остановиться. Только вот ненадолго, а стоило ему попытаться выяснить для себя, что же послужило причиной всех этих звуков, как его лицо в своём повороте натолкнулось на летящий прямо на него кулак Антипа, после чего оно без ненужных промедлений на оханье, вместе с собой утянуло на пол и всё его тело.

Антип же тем временем стряхивает свой кулак и переводит свой взгляд на изумленные, с опаской на него поглядывающие лица Сэма и Хайнца, которые явно не рассчитывали, что всё так повернётся. Где теперь их прежнее явное численное преимущество не столь явно, а после того, что они сейчас видели, то и их кунг-фу уже не столь грозно в их руках выглядит, и даже за результат столкновения с этим, как оказывается непредсказуемым типом, уже не столь предсказуем. И ведь не сошлешься на то, что ударился головой и не находишься в форме.

Правда можно сослаться на своё главенствующее положение в группе и выдвинуть вперёд Хайнца, а самому остаться на подстраховке, что и попытался сделать Сэм, вытолкав Хайнца вперёд – мол иди первым, у тебя удар послабже. Ну а Хайнц, совершенно не видит никакой связи между этим, скорее спорным обстоятельством и тем, что ему идти вперёд, но Сэм главный и он должен подчиниться. И он, нехорошо посмотрев вначале на Сэма, затем перевёл свой

грозный взгляд на Антипа, быстро оценил окружающую обстановку, – всё внимание окружающих было приковано к нему и всех интересовало, что же он сейчас предпримет, – и воодушевлённый поддержкой зрительским вниманием, выдвинулся вперёд.

И не просто так выдвинулся, а демонстрируя на лице такую ехидную улыбку, которую в кино всегда бросали в лицо злодеям любимые Хайнцем киногерои, по большей части шпионы. И одна только эта улыбка, как не раз было доказательно продемонстрировано в кино, уже деморализует противника, который тут же начинает сомневаться в своих собственных силах и хвататься за нож. Что конечно говорит о его слабости и неуверенности в своих собственных силах. А ведь он ещё не знаком с кунг-фу Хайнца. Да уж, не позавидуешь Антипу, на пути которого встал такой грозный противник, каким был Хайнц. И только его, Антипа, не знание всех этих преимуществ, которыми был против него наделён Хайнц, – а улыбка на его лице только ввела Антипа в заблуждение насчёт умственных способностей Хайнца, – не повергла его к немедленному желанию рвануть отсюда.

Правда и сам Хайнц, будучи поглощён самоуверенностью, – а как не быть, если он чётко следовал показанным в кино инструкциям, – находился вне ведения мысленастроения Антипа, который по его расчётам уже дрогнул и ему осталось только лишь продемонстрировать какой-нибудь эффектный приём из кунг-фу, с обязательным криком, побуждающим противника к панике.

И вот с этими мыслями Хайнц, сократил расстояние до Антипа до критичного, с которого будет самый раз продемонстрировать ... – Что же лучше на него обрушить? Удар тигра или дракона? – неожиданно перед Хайнцем встала дилемма выбора, чего он совершенно от себя не ожидал, тем более в такой неподходящий момент. А всё, наверное, потому, что всё это зрительское присутствие сбивало его с мысли, и Хайнцу подсознательно хотелось поэффектнее себя перед всеми показать, тем более, кто знает, может среди пассажиров есть кинопродюсеры и быть замеченным, на будущее не повредит.

– А может когти орла? – спросил себя Хайнц, как вдруг обнаружил перед собой физиономию того самого возмутителя спокойствия, прозванного Подтекстом, который по своему разумению сообразив, в какой он находится растерянности насчёт выбора удара, вот и решил ему по-своему помочь. И пожалуй Хайнцу, уже ранее видевшему, на что способен этот непредсказуемый тип, не нужно было бы вот так искренне удивляться тому, как этот Подтекст своеобразно подошёл к оказанию ему помощи. А быть готовым к тому, что тот выкинет какой-нибудь сюрприз, на которые он был такой мастер, то это не помешало бы.

Но Хайнц всем этим пренебрёг, а может быть, просто не успел, так как этот Подтекст, к изумлению всех находящихся в вагоне пассажиров, в глазах которых он уже заслужил для себя соответственную никчёмную репутацию, вдруг показал себя с неизвестной для всех, мастерской стороны. Так он не стал привередничать в выборе приёмов, а проявив себя с неприхотливой стороны, где эффективность удара стоит на первом месте, провёл очень резкую и короткую серию ударов, которой хватило Хайнцу, чтобы понять, что сегодня не слишком удачный для него день и до чего же жестка сидушка сиденья, об которую он затылком треснулся, прежде чем оказаться дальше на полу.

Но и это ещё не всё, а стоило только событиям вокруг Хайнца так неожиданно для всех завертеться, как стоящий за его спиной Сэм, мгновенно сориентировался и рванул прочь из вагона к дверям. И, наверное, в какой другой раз, ему бы дали убежать, но вот эта его поспешность в принятии таких нетоварищеских решений, видимо сильно разозлила Подтекста, да и Антип не собирался стоять в стороне, и они бросились за ним вдогонку.

Ну а эта погоня, как можно было предположить, могла закончиться, либо в самом конце состава поезда, где Сэм, уткнувшись в двери ведущие к машинистам, чуть ли не плача, будет безуспешно пытаться до них достучаться, чувствуя на своей мокрой спине взгляд презрения нагнавших его Подтекста и Антипа, либо же он может попытаться на ходу спрыгнуть с вагона

и свернуть свою шею об удачно попавшийся на его пути столб. Но до этого всего дело не дошло, а всё потому, что в поездах любого следования, всегда найдётся место бескультурью, с которым некоторые пассажиры льют крепкие напитки мимо своего рта, заливая ими пол, который на удивление, почему-то становится липким.

И вот когда ты находишься в состоянии спешки, где совершенно нет времени смотреть себе под ноги, то вероятность того, что ты наступишь на это препятствие, не просто существует, а оно невероятно близится к неременному осуществлению того, что ты обязательно в него, не только вступишь, но и как ожидается догоняющими тебя людьми, среди которых может быть и тот, кто это всё предусмотрел, споткнёшься и всю свою рожу об стенку размажешь. Что, как можно было уже догадаться, и случилось с Сэмом, для которого всё это так неожиданно произошло, что он даже не понял, как оказался висящим вниз головой на улице, лицом к лицу к колёсам поезда. Где ему сразу же вспомнилась мама, о которой он столько времени не вспоминал, а вот сейчас вспомнил и изо всех голосовых сил позвал: Мама!

И видимо она его услышала, раз его начали подтягивать за ноги вверх. Правда, как вскоре оказалось, что это была и не мама Сэма, которая, если честно сказать, когда-то давно ему сказала, что она его и его безработное состояние души, и семью не потянет, и поэтому маловероятно было то, чтобы она отступилась от своих слов и сейчас оказалась на месте тех, кто его наполовину подтянул из выводящих на улицу дверей в тамбур. А вытянули его, чего бы не очень сейчас хотел Сэм (правда окажись на их месте Хайнц, то кто знает, не был бы это для него куда хуже), Антип и Подтекст и, судя по их суровым лицам, то они не просто так его ещё не отпустили, а им определённо, что-то от него было надо. О чём Антип незамедлительно, а сложившаяся обстановка, где ветер заглушал звуки голоса, а проносившиеся в буквальной близости от головы Сэма столбы интриговали его мысли, мало способствовала обстоятельному разговору, и спросил его:

– Кто?

И надо отдать должное благоразумию Сэма, он не стал выкручиваться и уходит от ответа, ссылаясь на своё непонимание вопроса, вызванное его головокружением от нахождения вверх ногами, что может привести к нервозности в отношениях и дрожи в руках держащих его за ноги людей, и он сразу даёт ответ: Ты его знаешь.

Что всё-таки не слишком устраивает держащего его за одну ногу Антипа, который начинает ослаблять свою хватку. А это уже не может устраивать Сэма, затылком чувствующего гравий насыпи, об который если он треснется головой, и то в результате стечения удачных стечений обстоятельств, миновав столб, то ему мало не покажется. Правда при этом, такое перевёрнутое его положение, начало сказываться на нём и, ударившая ему в голову кровь, повлияла на его дерзость ответа.

– Не беспокойся, он за тобой вскоре придёт. Он всегда за всеми приходит. – Рывкнул в ответ на молчаливый взгляд Антипа Сэм, приподнявшись головой вверх. А вот этого ему, пожалуй, не нужно было делать, так как Антип с Подтекстом не удержались оттого, чтобы не выразить своё отношение к сказанному им, и одновременно отпустили свои руки. Ну а Сэм на этот раз, даже не успел вспомнить свою маму, – хотя ему вполне хватило времени для того чтобы послать Антипа и Подтекста ко всем их чёртовым родственникам, – и он пролетев в створ ворот из столбов, вначале смягчился встречей с подросткового возраста деревьями, а потом собрав собою вставшие на его пути деревца, уткнулся в край дренажной канавы.

Что касается Антипа и Подтекста, то они удовлетворённо переглянулись между собой, после чего Подтекст спросил Антипа. – Это он про кого говорил?

– О Скриптуме. – Дал ответ Антип.

Глава 5

Технические регламенты, выборы и промежуточные результаты.

– Господа, – вдруг нарушил затянувшуюся тишину мистер Сенатор, – может быть, уже начнём придерживаться правил. – На что сразу же последовал язвительный ответ со стороны товарища Гвоздя. – Не тех ли, которые ты сам хочешь установить?

– Да хотя бы каких-то. – Пропустив мимо ушей язвительность Гвоздя, сказал мистер Сенатор. – Да тех же, каких придерживались не избранные, а признанные классики.

– И вправду, давайте не будем отклоняться от регламента проведения сегодняшнего заседания. Где первым пунктом, как раз и стоит технический регламент. – В разгорающийся спор вовремя вмешался Президент и остановил спорщиков. Правда товарищ Гвоздь не сразу приоткрылся, а только после того как стукнул кулаком по столу и заявил, что он ни за что не согласится использовать преклонительный наклон букв для выражения своих мыслей. И если его всё-таки вынудят занять чью-либо позицию, то он скорее будет с непримиримыми, и значит, будет писать с обратным, против основного мейнстрима, наклоном букв.

– Пока не выскажется, не успокоится. – С улыбкой в душе пробормотал про себя Президент, покачал головой, затем забрал у сэра Паркера ведомость учёта состава членов клуба и, дав возможность всем успокоиться, принялся разбирать другие бумаги из его секретной папки, лежащей перед ним на столе.

Пункт №1. Выборы.

А ведь Президент клуба, несмотря на то, что все эти творческие личности, из которых и состояли все эти члены клуба, вели себя иногда возмутительно, а ещё чаще, ни в какие ворота не лезущим образом, уже очень долгое время, от одних до других выборов, обладал непререкаемым авторитетом среди членов клуба – каждый член клуба, хоть и внешне выказывал пренебрежение к своему членству, заявляя, что он не держится за эту, всего лишь эфемерную привилегию, всё же дорожил этой избранностью, что и приводило их к порядку, к которому постоянно их призывал Президент.

Что же касается самих выборов, то они уже достаточно давно проходили с неизменным результатом – выбором прежнего Президента президентом. Ну а такое постоянство в выборе на должность президента всё одного и того же кандидата, первое, о чём говорит, так это о единстве взглядов на личность президента среди членов клуба, которые, если честно сказать, не любили кардинальных изменений. Что, наверное, отчасти и так, а отчасти и нет. Где второй «нет» ответ, был завязан на том, что каждый из членов клуба, чтобы они не говорили, был переполнен самоуверенностью и даже тщеславием, что в своём соединении вряд ли даст на чём-то одном успокоиться своему носителю. Так что внутри каждого члена клуба, тлела надежда на занятие именно собою места президента. А вот почему они до сих пор не сместили прежнего президента и не оказались на его месте, то это вопрос другой, требующий для себя обстоятельного и что главное, тайного рассмотрения.

Так первым препятствием на пути к президентству, любого навскидку члена клуба, как бы это не удивительно звучало, была его неуверенность в своих силах, или вернее сказать, никто из них не был уверен в том, что его кандидатуру на выборах председателя поддержит большинство голосов. И эта их неуверенность, жидзилась на очень весомых обстоятельствах – каждый по своим целеустремлениям на президентское место знал, что и другие члены клуба жаждут занять его. А такое положение вещей, где совершенно нет уверенности в том, что тебя поддержат, а есть неременная уверенность в обратном, с параллельным втаптыванием в грязь,

конечно, не позволяло всем тайным кандидатам на этот пост, стать явными. И возможно, что благодаря этому обстоятельству, и сохранялся действующий баланс сил в клубе.

Правда попытки, но только закулисные и весьма неловкие, выдвинуть свою кандидатуру на пост президента, всё же предпринимались. И, как правило, они все начинались одинаково, с заверений о глубоком уважении к личности одного из членов клуба, например к сэру Иксу, имеющему определённый вес в клубе, так и за его пределами. Настоящее имя или вернее псевдоним этого члена клуба, по соображениям его безопасности, которая во время предвыборной гонки никогда ни кому не помешает, временно будет замолчан. К тому же в правилах клуба прописано, что член клуба, выставляющий свою кандидатуру на выдвижение в президенты, должен придерживаться всё тех же правил псевдоанонимности под которыми проводятся заседания клуба. Тут имеется в виду то, что каждый кандидат на время предвыборной гонки брал для себя другой псевдоним и как выборное лицо, плюс ко всему, дополнительно надевал на своё лицо маску, какими в своё время пользовались на маскарадах жители Венеции.

Что могло показаться странным, но в этом был свой затаённый смысл. А всё дело в том, что члены клуба, как натуры более чем скрупулёзно, со своей долей суеверия, – оно, как правило, и руководит их действиями по этому направлению, – относящиеся к своему имени, даже если их имя было скрыто под псевдонимом, так на всякий случай, чтобы потом их имя не ассоциировалось с поражением, брали для себя новое. Но и это даже не самое главное, а главное то, что прежние заслуги любого из кандидатов на президентский пост, совершенно не принимались в расчёт и не имели ни для кого из членов клуба, потенциальных выборщиков, ровно никакого значения – только настоящее что-то значило.

Что же насчёт же масок, то сэр Икс выбрал для себя устрашающего вида, саму за себя и за своего носителя говорящую маску «Баута», которая обладала рядом преимуществ. Так её нижняя часть была устроена таким образом, что человек мог есть и пить, не обнажая лица. Баута обладала ещё одним преимуществом: благодаря специфической форме, голос человека менялся, позволяя оставаться неузнаваемым. А что ещё нужно кандидату, чтобы быть избранным. И понятно, что всё это имело значение только в этом специфическом клубе, где отсылка к личному авторитету считалось неприемлемым, а избрание происходило на основании библейского правила: «И по делам узнаете вы их».

Что же касается маски сэра Игрека (о нём вскоре будет рассказано), соперника сэра Икса, то он выбрал для себя наиболее нейтральную из всех маску «Вольто», также известную под названием «Гражданин». В чём сэр Икс сразу узрел хитрость сэра Игрека, решившего таким образом показать свою близость к рядовому избирателю. – Ты мурло, а не гражданин. – Кусал от злости губы сэр Икс, злясь на сэра Игрека за то, что ему первому в голову пришла эта идея надеть эту маску. – Но ничего. Я тебе в страшных снах буду приходить в таком виде. – Успокоил себя сэр Икс, поправляя на голове свою страшную маску.

И ещё сделаем одно весьма необходимое уточнение для должного понимания некоторых, возможно показавшихся нестыковок, позволяющее всем членам клуба спокойно прохаживаться по внутренним пределам замка, но не более того. Так с одной стороны заявляется о строгих правилах анонимности нахождения на заседании клуба его членов и в тоже время рассказывается как они всюду, не боясь быть узнаваемым или познанными, бродят по залам замка и заводят между собой предполагающие знакомства разговоры. А всё на самом деле просто и имеет такие же объяснения. Так общий состав членов клуба делился на две основные группы. На тех членов клуба, чью узнаваемость ничем не скроешь, её не скрывали, и на тех, кто был бы счастлив достичь для себя такого положения, но пока не достиг и находился на пути к известности и славе, и поэтому из суеверных соображений не торопился открываться и носил на лице маску, а на спрятанных за своей спиной руках, кожаные перчатки. Для чего? Наверное, это не нужно объяснять.

Но давайте вернёмся к сэру Иксу и мистеру Сенатору, чьи слова возымели своё должное действие на сэра Икса, который был известен всем, как натура более чем впечатлительная и грешащая повышенным к себе субъективизмом. Ну, а похвальба или точнее сказать, признание заслуг и одание должного, никогда лишним не бывает. И сэр Икс, как и всякий здравомыслящий, да и к тому же не обладающий ложной скромностью человек, который запросто может отличить простую лесть от не замалчивания справедливых слов в свой адрес, конечно же признателен мистеру Сенатору, за его умение подмечать за человеком его истинные характеристики и достоинства. Ну, а мистер Сенатор приободрённый сэром Иксом, идёт дальше и издалека говорит ему, что при его таких достоинствах, грех засиживаться на одном месте.

И с этим сэр Икс полностью согласен с мистером Сенатором, которого сэр Икс тут же успокаивает, заявив, что он регулярно посещает фитнес зал.

– Понимаю. – Посмотрев по сторонам, сделав таинственное лицо, ответил мистер Сенатор. – Ну и как ваши успехи? – перейдя на конспирологический язык, спросил сэра Икс мистер Сенатор.

– Ну, в моём возрасте, уже не так всё легко даётся. – Сказал в ответ сэр Икс. Что мистером Сенатором было понято, как его отсылка к своему не молодому возрасту, который может стать помехой в конкуренции с молодыми. С чем мистер Сенатор не может согласиться и кивает, на вон там, с другой стороны коридора замка прохаживающего сэра Игрека, который не на много сэра Икса моложе, а туда же, со своей не представительной рожей лезет.

– И он тоже? – прямо ахнул, в один момент отшатнувшийся от мистера Сенатора к стенке, побледневший сэр Икс.

– И я вот также как и вы, среагировал, услышав эту новость. – Мистер Сенатор тут как тут и уже обдаёт ухо сэра Икса своим дыханием. Но видимо эта новость так потрясла сэра Икса, что он не может поверить своим глазам, которые он начал протирать, сняв очки. После чего сэр Икс надевает свои очки на нос, и хочет было посмотреть на этого, совершенно непонятно, у кого смог заручиться поддержкой и доверием, сэра Игрека, как вдруг понимает, что ничего не видит и при этом не понимает, по какой причине это с ним происходит. Что приводит сэра Икса в умственный ступор и оцепенение, из которого он, если бы не снявший с его носа очки мистер Сенатор, то, наверное бы, без психологической помощи вызванных санитаров, так бы и не вышел.

А кто бы на месте сэра Икса умственно не взволновался, когда он увидел то, что он зарекался никогда не видеть – люди окончательно сошли с ума, раз возлагают свои надежды на такого безнадёжного и только врать умеет человека, каким был сэр Игрек. Отчего видимо у него и произошёл этот психологический срыв, вызвавший временную слепоту из-за нежелания видеть всё это безобразие своими глазами. Ну а то, что мистер Сенатор не бросился с паникёрским настроением и криками вызывать санитаров сэру Игреку, который явно сошёл с ума, если рассчитывает, что его кандидатура на выборы будет предпочтительней его, то за это ему отдельное «спасибо», а за протёртые очки, ещё одно.

«Может сделать мистера Сенатора начальником своего предвыборного штаба?», – задумался сэр Икс, внимательно посмотрев на мистера Сенатора, который за сегодня уже два раза выказал ему свою преданность. После чего, с некоторой опаской за себя бросил взгляд в сторону ненавистного сэра Игрека, который теперь уже не прохаживался, а нервировал сэра Икса своим весёлым, с подтекстом разговором со своими потенциальными избирателями.

– Да какой дурак может ему довериться? – задался про себя вопросом сэр Икс, пытаюсь рассмотреть того, кто стоит рядом с сэром Игреком и кому он так льстиво улыбается. И сам себе ответил. – Наверняка тот, у кого он денег занял. – Немедленно сделал всё объясняющий вывод, было успокоившийся сэр Икс, пока ему на ум не приходит другая, сбивающая его с толка мысль. – А ведь дураков среди избирателей всегда было больше. И значит, сэру Игреку можно не переживать за исход выборов. – Сэр Икс аж потемнел лицом, от таких маячивших пер-

спектив перед своевременно сориентировавшимся в избирательных раскладах сэром Игреком, а не перед ним, не готовым преклонить свою гордыню перед избирателями и подать свою руку всякому дураку, за коих он всех кроме себя считает. И кто спрашивается после этого дурак. Ответ очевиден.

И на этом, пожалуй, сэру Иксу можно было отчаяться, чего он и хотел сделать, направившись напрямик к Президенту, чтобы шепнуть ему на ухо, что тут за его спиной делается, но тогда какая может быть интрига в предстоящих перевыборах Президента, и сэру Иксу по наущению случая, немедленно приходит в голову новая мысль, которая всё и расставляет по своим местам и даёт ему свой шанс на победу в президентской гонке. – Да кто ж ему даст в долг? – удивляется самому себе и своей наивности сэр Икс, с этим выборами совершенно забыв о наличии всем известного на сэра Игрека компромата – он всем свои долги прощает.

– Ну, а раз таких людей среди членов клуба по определению быть не может, то у меня появляется большой шанс на победу. – Подведя итог своим рассуждениям, сэр Икс улыбнулся и, повернувшись к ожидающему его ответа мистеру Сенатору, многозначительно ему кивнул. И с этого момента можно сказать предвыборная гонка началась, где каждый из кандидатов, что удивительно и не удивительно одновременно, шёл на свой выбор под одним и тем же лозунгом: «На его месте должен быть я!».

Так вокруг сэра Икса сплотились все те члены клуба, кто придерживался левых убеждений, – те, кто вместе с ним сидел по левую руку от нынешнего президента, – ну а за сэра Игрек соответственно встали горой все те, кто оказался уже с ним по правую сторону от президента. Но это всё касается только лишь наиболее радикально ищущих для себя поддержки со стороны сильных мира сего. Что же касается тех, кто не видел причин занимать ту или иную позицию, и даже редкую оппозицию в единственном числе, которую занимал товарищ Гвоздь, у которого на всё про всё, была своя непоколебимая никакими искушениями точка зрения, то они, как и при всяких политических раскладах бывает, до последнего сомневались и выжидали, что же кандидаты такого экстраординарного предложат, что перетянет их здравомыслие в сторону другого, его не столь многообещающего противника.

Что же насчёт товарища Гвоздя, то попытки его перетянуть на свою сторону неоднократно тоже пробовались (и наверное, если кому-то из кандидатов, удалось бы заручиться его поддержкой, то исход выборов был бы предсказуем), и всегда почему-то в баре, куда его под надуманным предлогом заманивали доверенные лица того или иного кандидата. Где они, через обильное принятие на грудь провоцирующих на изменчивость взглядов напитки, и приступали к перековке товарища Гвоздя. При этом доверенные лица кандидата, зная вспыльчивую натуру товарища Гвоздя, не спешили ему в лоб задавать прямой вопрос: «А ты нашего кандидата уважаешь?», – а после череды последовательных смен пустой посуды на полную и обратно, ударив кулаком по столу, с глазами на выкате, в чём, несомненно, преуспел сеньор Феррари, обрушивали на Гвоздя смесь вопросительного сомнения и своих слюней.

– Вот ты мне скажи! – Орёт на весь погребок сеньор Феррари. – Ты меня уважаешь или нет? – И судя по взгляду сеньора Феррари, где его глаза, под воздействием выпитого, подчинившись физическим законам глядели, не просто раскосо, а в так называемом раздвоении, то тут сразу и необразишь, на кого он сейчас смотрел. Так что товарищ Гвоздь имел полнейшее право отклониться от первоочередного ответа, сославшись на то, что пока тот тип, на которого сеньор Феррари сейчас смотрит, не ответит, то и он не проронит слова, пока не разберётся с тем наглецом, который посмел проигнорировать своего лучшего друга, сеньора Феррари. Что прибавляет сеньора Феррари на чувствительность, и он немедленно хватает мимо проходящую официантку за её юбку и усаживает себе на колени, чтобы сказать ей то, как он уважает товарища Гвоздя, за которого он любого здесь в этом погребеке умоет.

Ну а официанты, а в особенности официантки, народ такой, что они вечно не того от посетителей ожидают, что и на этот раз в полной мере проявилось на лице удивлённой

официантки, которая совершенно не рассчитывала на такие откровения со стороны сеньора Феррари, который сперва ей показался куда более деятельным мужчиной. И с этой оценкой, правда в отрицательном контексте, также был полностью согласен и бармен погребка Костя, в чьи планы давно уже входила близость с пойманной сеньором Феррари официанткой, а тут такое дело, что без вызова подмоги, своих друзей из охраны, не разберёшься.

Ну, а как только старший смены группы быстрого реагирования Витёк, прибыл в погребок на помощь своему другу бармену Косте, то он и выступил в качестве парламентаря, поинтересовавшись у сеньора Феррари, а не собирается ли он сегодня здесь подзадержаться, а то заведение испытывает нехватку трудоспособных рук, в деле мойки полов. На что погружённый в пределы лицевого внимания официантки, сеньор Феррари, будучи слишком занят, ничего не ответил, а вот товарищ Гвоздь, со своей стороны не испытывая особой занятости, в один удар кружкой по голове Витьку, свалив его с ног за всех ответил, в тот же миг став для сеньора Феррари единственным кандидатом в президенты. О чём он правда по утру совершенно уже не помнил, как и то, как его звали, чему отлично поспособствовали кованые ботинки доверенных лиц другого, только уже местного кандидата в главы погребка, бармена Кости.

Но всё это серые выборные технологии, о которых все знают, и даже знают то, кто использует в тёмную сеньора Феррари, пока они дают сбой, то никого не интересуют. И поэтому кандидаты в президенты, пока не найдут других действенных способов перетянуть чашу весов в свою сторону, вовсю сыплют бисером обещаний, на которые каждый кандидат не должен скупиться. Умение аргументировано, убеждающее и с цифрами в руке делать многообещания, есть тест на профпригодность кандидата даже не в президенты, а хотя бы в отдалённые региональные политики.

– А всё очень просто! – сделал умный вид и что-то прикинув на калькуляторе, даёт свой предвыборный ответ на вопрос: «И как же вы справитесь с нашими двумя вечными проблемами?», – один из кандидатов в советчики. – Отвечать за плохие дороги дураков нет. Ну а как только мы добьёмся одного из двух результата, неважно в какой очередности, то и проблема сама собой решится.

– С дураков начнёт. Даже не сомневайся. – Почесав затылок, промолчал избиратель, будучи про себя не дурак, так раскрывать себя и планы кандидата. А ведь это был первый шаг по выполнению предвыборных обещаний кандидата. Во дурак, что промолчал. Но тогда мы вернулись к исходному положению, с равным соотношением дураков и дорог. Какой-то прямо замкнутый круг получается. Что и говорить, а политика дело чрезвычайно не простое. И если уж взялся врать, то ври с умом. И тут можно констатировать факт того, что без этого фигурального оксюморона, без своего впадения когнитивный диссонанс, не перейти из кандидатов в выбранные лица.

Но всё это только слышимая часть предвыборных технологий, которая вряд ли может устроить всех этих зубров от литературы, которых на красноречивое слово не проведёшь, а вмешательства иностранной лексики, со своими не переводимыми речевыми оборотами, только смущает выборщиков, которые могут ещё подумать, что у кандидата не достаточный словарный запас, так что, чтобы добиться хотя бы небольшого отрыва в этой гонке за президентское место, то нужно предложить что-нибудь более существенное.

Что вполне и при этом почему-то одинаково, обоими кандидатами, сэром Иксом и сэром Игреком понимаемо, которые с тех самых пор, как окружным путём узнали о намерении своего противника баллотироваться в президенты, перестали себя по отношению друг к другу обычно вести, и при встрече переходили на только им понятный кандидатский язык недомолвок, намёков и прикрытых эвфемизмами оскорблений.

– Сэр! – встретившись на внутренней террасе оранжереи замка с сэром Игреком лицом к лицу, во время перерыва заседания клуба на ставшую уже церемониальной прогулку вдоль импровизированной аллеи среди цветников, подчёркнуто глубокомысленно поздоровался

с ним сэр Икс. На что сэр Игрек, быстро проанализировав ситуацию и, не заметив в этом приветствии сэра Икса никакого подвоха, а в его, по-прежнему высокомерном взгляде (во время этого, на ходу придуманного ими церемониала, своего рода дебатов или дуэли, они на время отказывались от ношения масок в таком виде) намёка на иронию, отвечает ему в той же манере. – Сэр!

– Как ваше здоровье, сэр Игрек? – ну а вот этот вопрос с подтекстом сэра Икса, заставляет напрячься сэра Игрека, которому становится очень интересно, откуда это сэр Икс черпает свою информацию о нём, и какая падлюка, ему рассказала, что он сегодня себя после вчерашнего и вправду чувствует себя не совсем здорово. «А может сэр Икс имеет в виду совсем другое? – Вдруг к сэру Игреку пришло озарение. – Мол, куда тебе со своим хилым, настоящим на крепких напитках здоровьем, против моего, сдобренного булочками миссис Икс. Сволочь, другого слова и не заслуживает». – Сэр Игрек аж взмок при воспоминании булочек миссис Икс, заодно почувствовав, что к нему прямо сейчас вернулся аппетит, а это значит, что он пошёл на поправку. Что наводит его ещё на одну мысль. – А вот если сэра Икса лишить такого преимущества, – булочек миссис Икс, – перенаправив их ко мне, то это будет ощутимый удар по его организму и имиджу. – Что приводит сэра Игрека в отличное настроение, и он в ответ сэру Иксу даже шутит. – Не дождётесь, сэр Икс.

Но сэр Икс в свою очередь рассчитывает, если не на вечную жизнь, то, как минимум, пережить сэра Игрека, так что такое бахвальство сэра Игрека вызывает у него на лице неприкрытую улыбку. А такой отход сэра Икса от правил невозмутимости своего имиджа и лица, заставляет нервно задуматься сэра Игрека. – Если сэр Икс позволил себе отойти от правил вежливости, то это не просто так. И что же к этому его подвигло? – сэр Игрек решил повнимательней приглядеться к сэру Иксу, чтобы попытаться разобраться в том, что же это так неумеренно развеселило этого, всегда чопорного, а сейчас прямо-таки прыскающего от смеха господина.

– И вроде всё по-прежнему, и ничего не изменилось. Но подспудно чувствуется, что тут что-то не так. – Разбирая сэра Икса по пуговицам его клубного костюма, затем по другим малозначительным деталям его гардероба и в итоге, по его ещё менее примечательным внешним характеристикам, за исключением выпирающего вперёд живота, судорожно соображал сэр Игрек, не понимая, что же случилось с сэром Иксом, который вроде был прежним и в то же время, не таким; как будто стал выше.

– И точно! – вдруг ахнул про себя сэр Игрек, вспомнив общеизвестный факт – нос сэра Икса никогда так высоко не задирался, как его нос, а сейчас он прямо-таки сравнялся с его носом в пренебрежении к этому миру и главное, по высоте. И хотя сэр Игрек знал о многочисленных фантастических возможностях носов, – они умеючи могут влезть в такие узкие пространства, что только диву даёшься, своим вздёрнутым вверх видом, без лишних слов, могут выразительно указать нахалу на его здесь не место, своим плевком понизить статус грубияна, поддеть весёлую даму за её кружевные юбки, своим намёкливым указанием приветливой барышне на дальние пределы комнат, привести её и носителя носа к счастью, – всё же на этот раз он был озадачен и потрясён такими возможностями носа сэра Икса, который ещё буквально недавно, упирался им ему в подбородок.

– Но как такое может быть? – нервно наморщил свой нос сэр Игрек, пытаясь разгадать загадку сэра Икса, который несомненно вырос в его глазах и что хуже, в глазах потенциальных избирателей. – Да он таким образом, и меня вскоре переплюнет, и уже мне своим недалёким носом придётся упираться в свой новый потолок – подбородок сэра Икса.

– Так вот, что имел в виду сэр Икс, интересуясь моим здоровьем. Он волновался моим психическим здоровьем, которое никогда не волнует и не замечается лишь самим больным. – Сэр Игрек от таких своих размышлений дрогнул в коленях и стал ещё ниже напротив стоящего сэра Икса, который молча наслаждался всем тем, что с сэром Игреком происходит – сэр Икс

несомненно был догадливым сэром, и он по бледности лица сэра Игрека, и всё под сопровождение движений его носа, сразу же угадал ход его мысли.

И, наверное, вскоре это противостояние между сэром Иксом и сэром Игреком, закончилось бы убедительным унижением павшего в колени к сэру Иксу сэра Игрека. К чему сэр Игрек уже приготовился, бросив свой взгляд на туфли сэра Икса, которые ему, как побеждённому теперь постоянно придётся лелеять в чистоте, в основном, конечно, с помощью щётки, но в особенных случаях, как сейчас, и поцеловать не будет лишним, как вдруг сэр Игрек замечает за туфлями сэра Икса удивительную особенность – их каблуки чрезвычайно выросли в своих размерах. А вот уже этого факта злоупотребления сэром Иксом своим положением, сэр Игрек не замечать не намерен.

– Да это мне впору поинтересоваться у сэра Икса его нравственным здоровьем. – Стиснув зубы от злости, сэр Игрек буквально сразу же продиагностировал сэра Икса, и вновь выпрямившись во весь рост и чуть-чуть на носочки, с высоты посмотрел на этого, до чего же коварного сэра Икса.

– Сэр Икс, позвольте спросить вас. – Обратился к сэру Иксу сэр Игрек.

– Сэр Игрек, прошу вас без этих формальностей. Вы же знаете, что я всегда готов прийти к вам на помощь и вывести вас из очередного затруднения. – И хотя с этим заявлением сэра Икса, сэр Игрек имел все на то основания не соглашаться, – сэр Икс, сколько себя помнит сэр Игрек и знает этого сэра Икса, никогда не выказывал щедрости по отношению к нему, ссылаясь на то, что он решил наследовать всё потомкам, а это уже другая неправда со стороны не имеющего наследников сэра Икса, – он не стал припоминать сэру Иксу, какая он жадная скотина, у которой снега зимой не выпросишь, а своим вопросом несказанно удивил сэра Икса.

– Я хотел узнать. – Сказал сэр Игрек. – А ваша голова на таких высотах не закружится?

– Что-что? – переспрашивает не просто удивлённый, а несказанно удивлённый сэр Икс.

– Что-то мне подсказывает, что вы можете впасть в трагическую ошибку насчёт себя, в результате потери своих прежних ориентиров. – Сделав небольшой шаг в сторону сэра Икса, довлея над ним сверху своих носочек, утвердительно воззрившись на этого, уже не такого, не возмутительного сэра, сэр Игрек. Но всё же сэр Икс крепкий противник, и он не собирается понимать все эти намёки и смыслы, какие вкладывает в свои странные заявления, этот, явно находящийся не в себе, сэр Игрек. Так что сэр Икс, с презрением, с помощью своего носа опровергает все домыслы этого сэра Игрека, непонятно на каких таких основаниях решившего, что он сэр Икс слаб головой. – А если мне голову до сих пор не вскружили все мои успехи, то с какой это стати я забравшийся на самые вершины Парнаса, должен волноваться за такую мелочь. – Подумал сэр Икс, и в знак того, что ему всё то, что сказал сэр Игрек до одного места, демонстративно поставил одну из ног на носок ботинка позади своей напарницы.

Что при значительном весе сэра Икса, приходящимся на каждую из платформ туфель, было рискованным для него предприятием. И захоти сэр Игрек прямо сейчас форсировать свои отношения с невыносимым для себя сэром Иксом, то ему ничего не стоило бы, – неожиданно резко приблизиться к нему и дунуть в лицо, не такие уж и затраты, – уронить всю эту величавость сэра Икса к своим ногам. Но сэр Игрек не играет по таким подлым правилам, на которые несомненно пошёл бы сэр Икс, окажись он на его месте.

Чего не скажешь о сэре Иксе, который вместо того чтобы как-то отметить стремления сэра Игрека к конструктивному диалогу, а не к непредсказуемым для своих ног действиями в виде подножек, решает накалить ещё больше обстановку, обратившись к сэру Игреку.

– А вы не того? А то я слышал, что вы, сэр, того самого. – С секретным выражением лица, в простонародье называемым рожей кирпичом, обращается с вопросом к сэру Игреку сэр Икс, неопределенно кивая в дальнюю неопределённость. Но сэр Игрек понимает, что сэр Икс таким неприкрытым, до чего же хамским образом, хочет вывести его из равновесия, с которым он

набросится на сэра Икса, чтобы ему набить морду, и тем самым покажет своим потенциальным избирателям свою неуравновешенность.

– Нет уж. Не на того напал. – Разгадав замысел своего противника, сэр Игрек ухмыльнулся себе в жилетку и с самым ответственным за себя видом даёт ответ.

– А я в свою очередь, слышал сэр, что вы не того самого. – Сказал сэр Игрек и пока сэр Икс не пришёл в себя от расстройства чувств из-за возмущения на сэра Игрека, который таким демонстративным способом передёргивает, меняет местами слова входящие в состав сказанного им предложения и даже смеет добавлять отсебятину, что не только меняет все смыслы сказанного, но и является неудачной шуткой, от которой ему не смешно, вслед добавляет. – Не дотягиваете.

– Как всё это понимать? – спросил небеса и самого себя, заранее покрасневший от стыда за сэра Игрека сэр Икс, вздрогнув, после того как услышал эту словесную приправу, которую сэр Игрек в глубинах своего развращённого безнаказанностью мозга специально для него и взрастил. Но всё это длится лишь мгновение, и сэр Икс поняв, что сэр Игрек специально его нервирует, придумывая на ходу более предпочтительные для себя шансы на успех, который ему не видать, как своих длинных ушей. А вот это наводит сэра Икса на неожиданную мысль.

– Сэр, не спешите радоваться и прыгать от счастья. Мне хорошо известно, откуда растут уши по поводу ваших только видимых успехов. – Не сводя своего взгляда с ушей сэра Игрека, прямо-таки пригвоздил его к месту сэр Икс. И хотя у сэра Игрека в мгновение вспыхнули его уши, он сдержался от порыва их остудить руками, к тому же все его мысли теперь заняты расшифровкой этого заявления сэра Икса, который определённо намекал на то, что в курсе того, как неважно обстоят его дела с колеблющимся выборщиком, а вернее, с единственной (Дебютанша не в счёт) членом и одновременно не членом клуба, Соней.

Что (такая информативность сэра Икса), говорит о том, что кто-то (гад ползущий и падла) в его команде, определённо сливает всю информацию штабу конкурентов, а это уж подло со стороны сэра Икса, готового на всё, – на самые не честные способы, на подкуп и в том числе на чёрные технологии, – лишь бы добиться своего, президентства. Правда и в штабе сэра Икса нашлись свои кроты, но в этом сэр Игрек ничего предосудительного не видит – они просто выказали себя понимающими людьми, когда как сидящие кроты в его штабе, повели себя самым предательским и значит непростительным для него способом.

Но и это ещё не всё, так каждый из кандидатов подозревал, что не только со стороны противника ведутся такого рода диверсии, но как вскоре ими выяснилось, то во всей этой предвыборной гонке участвует и третья сторона, которая считает нужным обо всём происходящем докладывать не им, а Президенту – а как ещё объяснить тот факт, что Президент никогда ничему не удивляется и всегда в курсе того, как движется предвыборная гонка. Конечно, можно заподозрить в этом и самого Президента, он ведь тоже не собирается без борьбы отказываться от своего места, но у Президента имеются в наличии куда более существенные рычаги для продвижения своих интересов и поэтому кандидаты пока не спешат насчёт него грешить обвинениями.

– А может это такая предвыборная технология. – Задумался сэр Игрек. – Сэр Икс распуская слухи, что Президент в курсе того, каким образом я здесь воду мучу, тем самым отвлекает меня от реальной опасности. – И эта мысль сэру Игреку показалась убедительной, и он уже собрался было пригвоздить сэра Икса своим открывшимся знанием, как отчётливо послышавшийся стук каблуков об пол дорожки оранжереи, в один момент перенаправляет его и сэра Икса, пока только мысли, в сторону этой появившейся звуковой помехи.

– Это точно он. Мистер Ий. – По новому переглянувшись, оба эти сэра на этот раз были полностью единодушны во мнении насчёт возникшей помехи их разговору, которая постепенно приближалась к ним.

А ведь мистер Ий действительно, и не только сейчас, был той ещё помехой для этих кандидатов в президенты. А всё потому, что он, такого надо честно признать здесь никто не ожидал, тоже себя выдвинул на пост президента в качестве независимого самовыдвиженца. А это как минимум сильно отвлекает внимание от основных кандидатов, и тревожит всё тех же кандидатов, которые как только появился из ниоткуда (а вот этот вопрос, довольно интересный, – мистер Ий появился среди избирателей в прогулочных коридорах замка сразу в маске позволяющей видеоизменять голос, и никто из членов клуба путём сопоставлений и анализа своих коллег, так и не приблизился к пониманию того, кто же стоял за мистером, а может и мисс Ий – но это уже версия матёрых конспирологов) этот самовыдвиженец, подспудно чувствовали, что мистер Ий имеет все шансы задвинуть их в аутсайдеры гонки. К тому же мистер Ий обладал неоспоримым с основными кандидатами преимуществом, – красноречием.

– Господа, граждане и другого рода высочества. Я, да и вы, не привыкли исповедовать в своих поступках ложную скромность, которая ведёт только в одну сторону – к забвению. И поэтому, я сразу же откину все не нужные недомолвки и напрямую выскажу всё то, что я думаю о вас и о себе. Можете скрывать, а можете и спорить, но каждым из нас движет стремление к обладанию бессмертия. И если в физическом плане, то для современной науки это недоступная роскошь, то в духовном плане, по моему мнению, это вполне достижимо. – Мистер Ий делает небольшую передышку для себя и своих слушателей, чьи выражения лиц выражают полное согласие с заявленным мистером Ий.

– Но что такое бессмертие, как не характеристика вечности, которая в свою очередь измеряется категорией человеческого мышления под названием бесконечность. – Мистер Ий сделал небольшую паузу, чтобы слушатели остыли от таких невероятных цифр и категорий, из которых ни один человек, решивший для себя представить бесконечность, не возвращался не тронувшись умом. – Да, понимаю, все эти категории вечности сложно вот так понять и запросто вместить в свой ограниченный умом разум. Но я дам вам возможность по настоящему приблизиться к пониманию категории бесконечности. – Мистер Ий обводит взглядом своих слушателей, среди которых разве что только сэров Икс и Игрека нет. А всё потому, что они считали для себя неприличным находиться в одном месте и обществе с мистером Ий, который одним своим независимым участием в предвыборной гонке, подвергал сомнению множество принципов избирательного процесса и главное для них, предъявляемых к кандидату качеств, который должен быть плодом общественного решения, а не самоволия. А этот мистер Ий, по их мнению, одним уже своим присутствием дискредитировал их.

– От этого мистера Ия, чего угодно ожидать можно. Нет уж. Никогда этому мистеру Ию не стать в один ряд с настоящими кандидатами. – Нервно делился своим соображениями, что удивительно, с сэром Игреком сэр Икс. Но сэр Игрек с этой точкой зрения сэра Икса, что не мешает ему не соглашаться со всеми другими, полностью выражает единство взглядов на этого, кто же и какая сволочь за ним стоит, мистера Ия.

– Ага, размышлялся этот мистер Ий, увидеть нас вместе. Он через своё предложение участвовать в дебатах, тем самым добивается от нас признания его самовыдвижения. Никогда не бывать такому, чтобы появился анонс такого выступления: «Сэры Икс Игрек и й». – Злорадно рассмеялся сэр Игрек, допустив такую откровенно уничижительную для мистера Ия ошибку в правописании его имени.

Между тем мистер Ий продолжает рассказывать основные тезисы своей предвыборной программы, которая каждому его избирателю, через понимание бессмертия, даст шанс приблизиться к нему. – Сложное, всегда лучше всего понимается из самых простых вещей. – Заговорил мистер Ий. – И вот теперь обратите своё внимание на моё имя и задайтесь вопросом. А что, в конечном счёте, значит моё имя, кроме самой загадочной буквы русского алфавита? – Мистер Ий только для приличия выдержал небольшую паузу, – он собирался сам дать ответ на этот вопрос, – и заговорил. – Да, вы всё правильно, если не сразу поняли, то догадались.

Буква «Ий», есть буквенное обозначение бесконечности. И я не побоюсь своего утверждения, скажу, что и бессмертия, которое ждёт каждого верующего в него человека по окончании своей этой жизни – она, эта буква, не просто не зря, а символично, в основном как раз ставится в окончании имён существительных. Она не просто цельная, самопроизводящая звук буква, но и благодаря своей двойственности, может сама воспроизводить и рождать буквы. – Вновь небольшая пауза, после которой мистер Ий продолжает. – А теперь давайте обратимся к самой букве «Й», чье правописание с буквой ли «И» или без неё, никак не влияет на характер её произношения. Она всегда будет звучать «Ий», и при этом она всегда в себя будет включать букву «И», которую можно писать, а можно и так оставить, что не отменяет смысла её понимания. И так до бесконечности.

– И что он этим хотел сказать? – спросил мистера Сенатора сэра Икс, которому всё это и рассказал мистер Сенатор.

– Трудно сказать. – Почесав затылок, задумчиво сказал мистер Сенатор. – Он сказал, что основа всякой бесконечности и вечности, всегда лежит не во внешних пределах, а внутри самого себя. И только через этого понимание, человек сможет достичь того, к чему он всегда подспудно стремился – к вечной жизни.

– Да уж. Умеет этот мистер Ий внести сумятицу в головы людей. – В уме подытожил своё мнение о мистере Ий сэра Икс, посмотрел на мистера Сенатора и уже вслух сказал ему. – Я пока не разобрался, кто за ним может стоять и чьей креатурой он может быть, – а то, что он независимый самовыдвиженец, то это хорошо продуманный пиар шаг, – но это, несомненно, тёмные, в чёрных шляпах силы, которые всегда используют в своих делах такие заковыристые неоднозначности.

С чем, пожалуй, запросто смог бы не только согласиться, но и от себя добавить, что этот мистер Ий неоднозначная и очень таинственная личность, сэра Игрек. И подтверждением чему в очередной раз послужило это появление перед ними в оранжерее мистера Ия, чей один уже внешний вид вызывал массу вопросов.

Так явно не по размеру надетый на него, поверх чего и не поймёшь, плащ, никого из этих сэров не мог обмануть в том, что этот мистер там у себя под плащом определённо что-то скрывает. И это не эксгибиционистского характера скрытность, которая только самим носителям таких плащей и характеров, и интересна. – А там всего вероятней... – но на этом мысли обоих сэров не шла дальше, уткнувшись в версию эксгибиционизма мистера Ия, которая выглядела наиболее правдоподобной, если только...

Сэр Икс и сэра Игрек аж внутренне ахнули, одновременно придя к одной и той же мысли, при виде такого виляющего задом прохода мимо них мистера Ия, с кем они не считали нужным здороваться. – Да это же переодетая баба! – Каждый из сэров пришёл к такому единственно разумному объяснению того, что этот мистер Ий так до сих пор никем из членов клуба не был вычислен, и не понят в том, кем же он на самом деле является. А такое их открытие, в свою очередь привело их мысли, вначале, но только попутно, под плащ мистера ли Ий, а затем к единственному члену клуба, кто мог бы так называться только фигурально – к Соне, подумал, что так подумал, что за простофиля, сэра Игрек сэра Икс и к Дебютанше, подумал, что так подумал, что за придурок, сэра Икс сэра Игрек.

Пункт №2. Соня – золотая ручка.

Что же насчёт этой Сони, то заручиться её поддержкой при таком-то общем настороженном отношении со стороны членов клуба ко всем кто был на них не похож, было несколько противоречивым, пока ещё в должной степени непроанализированным решением. Но всё же это давало свои моральные преимущества сопернику, который мог бы использовать этот факт в своих пропагандистских целях, – мол даже наш стратегический партнёр по жизни, у которого, конечно, всё не так, как у настоящего писателя, и не только в физическом плане, всё же и то

только благодаря нам и нашей эффективной программе, смог избавиться от своих предубеждений и внял голосу разума, сделав свой исторически правильный выбор.

Между тем, в этом месте, при упоминании Сони, не мог не возникнуть логичный вопрос, – а почему эта Соня имеет такие для себя привилегии, какие себе не могут позволить даже наиболее влиятельные члены клуба? – Здесь имеется в виду, как уже и без объяснений понятно, использование по отношению к ней самого обычного имени, а не как все здесь обходятся друг с другом, используя часто не имеющих под собой должных оснований, псевдонимов. Правда самые догадливые уже давно поняли, что в случае с Соней всё не так просто, и тут разумеется, не обошлось без клише, штампов и стереотипов.

А ведь предпосылки к тому, чтобы так назвали введённую в состав клуба по чьей-то протекции (а без этого и понятно чьей протекции, ей бы никогда здесь не находиться) будущую Соню, а тогда просто обладательницу тоненьких, до чего же прекрасных ручек, совершенно не таких, как у всех лапищ, которыми до её появления здесь гордились члены клуба, и на которых даже попадались чернильные пятна, что говорило о технической отсталости некоторых ретроградных лиц, не знающих, что такое ноутбук, именно по этой причине, сразу и возникли.

При этом члены клуба, хоть в голове у всех у них уже и вертелось имя, всё же не сразу пришли к решению, как же им именовать своего... свою новую коллегу (наверное, искали подходящий именной синоним, ведь так хочется быть оригинальным, а непредсказуемым). Правда большого пространства для манёвра их воображения не было, и все их мысли и фантазии, были ограничены лишь внешними пределами этих ручек, которые поражали своей девственной белизной и отсутствием на них колец и главное, обручального кольца. Что одновременно обрадовало, и нет, заставив мало верующих членов клуба, засомневаться в привлекательности носительницы таких ручек (это даже стало темой отдельной дискуссии, посвящённой роли веры и верований в их жизни), у которой не нашлось самого захудалого жениха, готового ради этой страхолюдины потратиться на кольцо (эти мысли тоже не надо объяснять, в чьих холостых головах они появились).

– А может он жадное ничтожество? – во время вынужденного перерыва, крайне необходимого для того, чтобы члены клуба смогли собраться со своей растерянностью, мыслями и успокоиться, чью необходимость вовремя учуял Президент, отпустив их, утверждающе, с нервными нотками в голосе, спросил сеньор Феррари, в тайне от всех уже решивший, что эта сеньора непременно красавица (правда такой вывод из его слов было сложно сделать), а того скупого негодая, оценившего сеньориту на грош своей души, он непременно отыщет и заставит купить ей тысячу колец (тут несомненно чувствуется влияние на творчество сеньора Феррари Карло Коллоди).

– Не может быть, а несомненно. И наверняка он из этих, современных крохоборов, все в заплатках, капиталистов. – Поддержал сеньора Феррари товарищ Гвоздь, готового порвать любого в эти заплатки, кто встанет на защиту этих людей с заплатанной душой.

– Товарищ Гвоздь. Ну, вы совершенно не даёте возможности для манёвра. Жизнь ведь всё-таки не так однозначна и в ней всегда есть место другой точке зрения. – Как всегда, в своей плаксивой манере высказался мистер Пеликан, представитель нового течения эвфемизма.

– Согласен. Есть моя правильная точка зрения, и другая, неправильная, ваша мистер Пеликан. – Заявил товарищ Гвоздь и, решив, что его точку зрения в очередной раз никто не посмеет оспорить, выдвинулся в гостиный зал замка, где проводились заседания клуба. И, пожалуй, товарищ Гвоздь был прав, раз его никто не пытался оспорить. Правда, до тех пор, пока он находился здесь, в общей курилке, где стоящий дым столбом, в своей туманной атмосфере способствовал анонимности лиц членов клуба. Ну а только стоило его спине в дверях скрыться, как немедленно находится множество желающих оспорить его, не такие уж и бесспорные тезисы.

– Сеньор Феррари. – Обратился к этому сеньору мистер Пеликан, через него как бы обращаясь к товарищу Гвоздю. – Разве вы не допускаете малейшей возможности того, что Соня (из этого факта можно сделать вывод, что члены клуба уже заранее сошлись в едином мнении насчёт того, как об именовании новенькую – а ведь именно она имела первоочередное право на выбор для себя имени, но она почему-то не спешила давать намёки и выказывать свои предпочтения, оставаясь за столом пока что с пустыми руками) может оказаться дамой просто не в вашем исключительном вкусе. – Что и говорить, а умеет мистер Пеликан найти обтекаемые, подходящие для самых различных голов и умонастроений слова.

И сеньор Феррари был вынужден глубоко задуматься над его словами и даже прислушаться к своему собственному сердцу, которое, как он часто утверждал, его никогда не обманывает. Так проходит одно мгновение, и лицо сеньора Феррари преобразуется в недовольную гримасу, которая без его последующих слов: «Не могу поверить, что так может быть», – приводит к ясности его понимания, находящуюся в этом курительном помещении группу людей, состоящую по большей части из тех, кто не намерен разделять своё главенствующее мнение, с кем-нибудь то ни было, даже если она прекрасна, как нимфа.

– Такова жизнь, сеньор Феррари, и она зачастую приносит нам сюрпризы именно там, где ты совершенно их не ждёшь. – Подытожил разговор мистер Пеликан, таким инсказательным способом подвигнув сеньора Феррари больше не обольщаться насчёт Сони, которая, в отличие от всех остальных членов клуба, строго придерживается основного клубного правила – анонимности. И наверняка лишь потому, что она даже в самых не привередливых глазах есть первостатейная ведьма, с обязательной бородавкой на своём уродливом носу. Ну а то, что её прекраснейшие руки есть полная противоположность всему тому бреду на её лице, которым наградила её природа, то на то она и ведьма, что сбивать с прямого пути добрых молодцев к себе в избушку на курьих ножках.

– Ну, ты и сказочник. – Позволил себе сразу не поверить сеньор Феррари. На что мистер Пеликан, не раз слышавший в свой адрес такие, как его кредиторам казалось, нелестные слова и выражения, а на самом деле, для него служащих признанием его заслуг в деле умственного влияния на своего потенциального читателя, улыбнулся и дал свой обстоятельный ответ.

– Ну, насчёт избушки на курьих ножках, то я, скорее всего погорячился. И, по всей видимости её ухоженных, ежедневно смазываемых дорожными кремами рук, можно со всей очевидностью предположить, что она живёт ... Нет, царствует в своих хоробах, находящихся практически на берегу какого-нибудь, обязательно фешенебельного района Майями. И вполне вероятно, что её красота достойна того, чтобы проезжавшие на своих скейтах рядом с её кабриолетом добры молодцы, завидев её, падали замертво сбитые другими добрыми молодцами, проезжавшими в тот же момент мимо неё на своих тяжелых для их умственного развития джипах.

А такое признательное отношение к тебе со стороны всего окружающего, где нет места даже ничтожному отрицанию для твоей души с её запредельными желаниями, которые выросли до таких своих неисполнимых размеров по всё той же причине – по одному щелчку её пальцев исполняется всё, чего она только захочет – разве не сделает её ведьмой в твоих или в глазах того претендента на её руку, кого она выразительно, с ехидной улыбкой пошлёт по его нищему добру по здорову, не к кошке бессмертному, а на три буквы. – Мистер Пеликан видимо знал, о чём сейчас говорил, раз его уверенность передалась всем его, в основном холостым слушателям.

Но сеньор Феррари, как и всякий член клуба, со временем стал искусным хиромантом, и он теперь без труда прочитает, что прячут за собой те или иные руки, и поэтому он не собирается быть столь наивным по отношению к мистеру Пеликану, к чьим рукам несомненно есть вопросы со стороны детективного сообщества. – Пока лично не увижу, не поверю. – Дове-

рив эту тайну только своим тонким усикам, сеньор Феррари и все присутствующие при этом обсуждении члены клуба, направились на свои места.

Но вот все заняли свои места за столом, чтобы продолжить заседание клуба, где все члены клуба, за исключением товарища Гвоздя, которого в данный момент волновали более приземлённые вещи – его ноги – теперь волнительно гадали, на каком же имени остановится выбор Сони или Президента, который имеет право на свою рекомендацию. Но Президент, как и Соня не торопились высказывать свои предложения, отчего все даже предположили, что они ждут, чтобы кто-то из членов клуба предложил имя. А может и потому, что ждут, когда этот товарищ Гвоздь, у которого определённо имеется про запас другой острый инструмент, и все знают, где он у него припрятан, наконец-то успокоится и перестанет вертеться.

Но товарищ Гвоздь не только не перестаёт крутиться, но и что-то там бубнит своему соседу, сэру Монблану.

– И как теперь мне быть? Прямо хоть ноги из ботинок не вытаскивай теперь. – Товарищ Гвоздь наряду со своим бубнением, испытывая нервозность, к волнению других членов клуба, начинает беспорядочно нажимать в карандаше на кнопку вызова, как его называл Гвоздь, нового материала. – А я ведь дал себе зарок, что мистеру Сенатору в моём присутствии, отныне легко не вздохнуть.

И с этим мистер Сенатор, несмотря на своё нежелание ни с чем не соглашаться с товарищем Гвоздём, не мог не согласиться, и он постоянно, до обморочного состояния чувствуя на себе влияние носков товарища Гвоздя, которые тот вытаскивал из своих ботинок, не мог продышаться. Ну а мировой порядок так устроен, что если в одном месте убудет, то в другом в тот же момент прибудет. Так что тут ничего неожиданного не происходило, и когда ноги товарища Гвоздя отдохали от своего прежнего стеснённого состояния в ботинках, то мистер Сенатор, в чью сторону, максимально близко вытягивал свои ноги товарищ Гвоздь, теперь уже не мог через этот фильтр спокойно дышать, постепенно сходя с ума.

Между тем товарищ Гвоздь, посчитав, что на этот раз все эти приличия не имеют большого значения, когда на кону стоит его слово и честь, вытягивает свои ноги в обычную сторону мистера Сенатора, и в один вынос ноги из сковывающих её сознание ботинок, заглушает голос разума в голове мистера Сенатора, яростно возжелавшего поскорее заболеть и тем самым удивить товарища Гвоздя своей нечувствительностью к различным невыносимым для человеческого бытия и портящим его сосуществование с другими людьми запахам.

Ну а раз с этой стороны пропала опасность для вмешательств в ход заседания, то Президент обращается к Соне, но пока ещё не к совсем Соне, а всего лишь к новой коллеге, в намерении узнать, как бы она хотела, чтобы её называли. На что Соня, как всеми членами клуба было понято, притворно засомневалась, в ожидании с их стороны своих предложений.

– Да что тут особенно думать. Вылитая Соня и есть. – Почему-то ожидаемо влез со своим утверждением товарищ Гвоздь, с некоторым удивлением разведя своими руками. Ну, а ответное хихиканье отныне Сони, не только закрепило за ней это имя, но отзвук её завораживающего, наполненного радостью голоса, хоть и в таком бессловесном выражении, немедленно, в обожании её, уронил нестойкие против такой улыбочивости сердца некоторых членов клуба. Среди которых нашлись и такие, кто (наверняка безудержные романтики, то есть романисты) на этом не остановился и в своём преклонении перед ней, чуть ли не сполз со своих стульев вниз.

Хотя, возможно, они это сделали преждевременно, ведь вопрос внешнего выражения личности Сони, так и не был решён. И кто знает, кроме наверняка Президента, кто скрывается за этими покрывалами темноты – мечта любого романиста, принцесса и красавица на горошинке, или же ведьма во всех своих качествах и отражениях, что даже ни одно зеркало не выдерживает её вида и взгляда, тут же трескаясь под ним.

Ну а то, что она обладает таким прекрасным голосом, то это ничего не значит, кроме разве что только наводит мысль о том, что она вполне может быть жестокой к любым формам мореплавателей сладкоголосой Сиреной. А это значит, что она тебя обязательно, во что угодно уверит, заговорит и заставит подписать всё, что ей только нужно, а потом пиши как звали, оставшись без квартиры, без машины и только с пустым счётом из банка.

– Знаю я этих сирен. Им только палец для обручального кольца протяни, так они тебя без последних штанов оставят. – Рассудительно зло рассуждал, подтягивая свои штаны на огромном ремне, мистер Пеликан, являющийся одним из тех, кто отстаивал версию ведьминого происхождения Сони, которая даже если, в конечном счёте, и окажется красавицей, то это ещё не значит, что она не ведьма.

– Да, любая особа женского пола, с претензией на наличие у неё большего ума, нежели у нас, уже по одному этому определению, самая что ни на есть ведьма. – Уже со своим знанием всех этих ведьм, поддержал мистера Пеликана господин Кросс, который конечно мог бы много чего порассказать в качестве иллюстрации на эту тему, но он не будет этого делать, не желая провоцировать на охоту на ведьм людей, потерявших после его откровений всякую надежду обрести в своей жизни маленькую глупость.

Но не все были так категоричны по отношению к Соне. И на стороне её безусловной красоты, как телесной, так и душевной, стояла своя, не менее многочисленная группа, состоящая из всё больше молодого, а не степенного возраста людей. Где самым видным представителем этой группы был несомненно месье Картье. И в этом не было ничего удивительного, зная его близость к фривольному творчеству и утверждению: «Некрасивых женщин не бывает, бывает недостаток жизни в твоей душе».

– А я позволю себе усомниться в ваших словах господин Кросс. – Выступив вперёд из группы своих приверженцев, заявил месье Картье. – Мне, кажется, что вы просто испытываете страх перед нашей новой коллегой, и оттого нагнетаете.

– Да как вы смели! – удержав себя в руках мистера Пеликана, чуть не перешёл грань допустимости в своём ответе мистер Кросс.

– Утверждать правду? – немигающее смотрит в ответ месье Картье, чьи не выносимые для репутации господина Кросса слова, вынуждают того вскипеть и потребовать от того объяснений.

– Извольте объяснить. – Грозно заявляет господин Кросс. – Как это всё понимать?

– А я может быть, понимаю вас слишком с хорошо известной для вас стороны. И вы, имея свои виды на Соню, таким образом решили избавиться от своих, определённо имеющих по сравнению с вами больших шансов, конкурентов. А? Что скажите? – И что может сказать в ответ на такие уму непостижимые утверждения-вызовы месье Картье господин Кросс, кроме как только задохнуться от негодования и попытаться не лопнуть от возмущения. И при этом господин Кросс, по своему, да и по многим другим разумениям находящимся в этом кругу людей, вряд ли сможет найти аргументированного ответа на то, что всё это не так. И значит, господину Кроссу нужно хорошо постараться, чтобы не прослыть тем самым человеком, какого в своих глазах пока видит только месье Картье, а если он должно не ответит, то вскоре и все остальные.

– Я отлично понял вас, месье. – Низкомерно посмотрев с высоты своего высокомерия на месье Картье, с расстановкой слов сказал господин Кросс. – Вы, несомненно, преследуете ту же цель, которую вы на словах приписываете мне. Что ж, раз всё это, я утверждать могу лишь на основании только ваших слов, как и в случае ваших насчёт меня утверждений, то для того чтобы избежать ложных наветов и обвинений, я в качестве демонстрации доброй воли, готов предложить вам пари. – Господин Кросс замолкает и изучающее смотрит на ответную реакцию месье Картье.

Месье же Картье, как и всякий парижанин, при одном только, хоть и далёком упоминании своего родного города, впадает в близкое к экстазу состояние духа и, конечно же, не может не выразить своего согласия на предлагаемое пари, чьих условий он даже пока не услышал. И знай о таких его намерениях господин Кросс, то он бы всё так бы обставил в своих условиях пари, что украшающая Париж Эйфелева башня, вскоре бы находилась под закреплённым патентом, авторским контролем господина Кросса.

Но видимо господин Кросс в этот момент и сам волновался, раз он предложил поставить всего-то свои авторские имена в качестве залога. И тот, кто из них окажется не удел в глазах Сони, то тому не будет больше места за общим столом в качестве члена клуба.

– Я всё-таки на ваш счёт был прав. – Усмехнулся месье Картье, протягивая для рукопожатия свою руку господину Кроссу.

– А это не важно, когда, в конечном счёте, правым окажусь я. – Сказал господин Кросс, взяв руку месье Картье. После чего их скреплённое рукопожатием пари сопровождается замечательной репликой товарища Гвоздя: «А мне плевать на ваши спорные соглашения. И если я захочу проявить интерес к нашей, а может быть уже и моей Сони, то я и спрашивать никого об этом не буду. А вы, падлы, только посмейте что-то сказать мне против». Что вызывает у месье Картье и господина Кросса нехорошие предчувствия, а из-за нежелания связываться с товарищем Гвоздём, который ясно намекнул, что любого изничтожит, кто встанет на его пути, появляется огромное желание отказаться от предусмотренных пари планов.

Но не успевают они всё это превратить в шутку, а ведь всё так к этому близко было, так как их рукопожатие, несмотря на объединённую нежеланием выполнять условия пари крепость, в один момент разбивается мистером Пеликаном, которому всё это кажется плохой затеей. Ну а дальше у них уже другой дороги нет, и теперь их жизнь подчинена условиям пари, и всё это под невыносимо страшными взглядами товарища Гвоздя, который превратил всё это для себя в забаву, и время от времени своим замечаниями вгонял в ступор, вдруг оказавшихся в одной лодке, месье Картье и господина Кросса. Из-за чего даже, в один из моментов своего отчаяния, месье Картье привело к одной чрезвычайно взволновавшей его мысли – а ведь господин Кросс был прав, и эта Соня безусловно ведьма.

Пункт №3. Защитники и полузащитники.

Но давайте вернёмся к заявлению мистера Сенатора по поводу тех правил, на которых настаивали классики – оно определённо заслуживало пристального для себя внимания. Ведь даже несмотря на то, что каждый из членов клуба считал себя как минимум гением, а в обиходе уникалом или самородком, тем не менее каждый из них допускал мысль о том, что кто-то из великих, всё же оказал на него и его творчество влияние, и они не только черпали свои силы, но и опирались в своих воззрениях на мир на авторитет стоящего за его спиной классика.

И было не так-то трудно, да и тех отсылок членов клуба к авторитету классика, было достаточно для того, чтобы догадаться о том, кто из классиков и за чьей спиной стоял. Так если бросить первый поверхностный взгляд на уже известных нам господ, сэра Паркера и сэра Монблана, чья авторитетность подчёркивалась пузатостью их перьевых ручек, то без лишних с их сторон слов, можно было без особого труда догадаться о том, что они свои силы черпали в огромной кладези мудрости такого же, как и они, или всё же они, как и он миллионщика, и к тому же графа, графа Толстого.

И как часто бывает в жизни уже не самого классика, а его последователей, то они, эти его последователи, зачастую используют его мудрости не по тому адресному назначению, по какому она изначально мыслилась классиком. Так и в случае с сэром Паркером, и сэром Монбланом, после того как между ними была заключена договорённость насчёт интриги по отношению к миссис Монблан, то через сэра Паркера всё это использование чужих мудрствований в своих личных целях и проявилось. А всё потому, что уж больно он быстро начал

вживаться в роль готового на всё и даже на любовные связи интригана, и всё это для того чтобы поколебать уверенность в себе у своего конкурента сэра Монблана.

Так во время одного из солнечных уик-эндов, проводимых на лужайке у дома четы Монбланов, где присутствовал и сэр Паркер, который в последнее время был частым гостем у Монбланов, этот сэр Паркер, несмотря на то, что сэр Монблан сделал шаг навстречу к их примирению, берёт и ведёт себя прямо-таки как неблагодарная скотина (и сэр Монблан даже знает какая). И он вместо того чтобы смиренно слушать, что ему о погоде дамы говорят и кушать барбекю, всю налегает на спиртное и за обе щёки трескает всё то, что его глаз приметит.

А стоит только сэру Монблану отвернуться, как этот негодяй, сэр Паркер, уже тут как тут, рядом с миссис Монблан и смущает её слух разговорами.

– Большая часть мужчин требует от своих жен достоинств, которых сами они не стоят. – Кивая в сторону спины сэра Монблана, тихо проговорил сэр Паркер, взяв на вооружение эту отсылку к классику, который наверное бы, в гробу перевернулся, услышав, как его используют в своих неблагоприятных целях такие похотливые до чужих афоризмов и высказываний господина.

Ну, а что может сказать в ответ на эту истинную правду, охочая до собственных признаний миссис Монблан. Да, единственно, что только согласиться, грустно покраснев за своего недостойного супруга, который кроме себя никого уже давно не видит. Ну, а изрядно хлебнувшему из бутылки сэру Паркеру только этого, – свободные и внимающие ему уши, – и надо, и он, сократив расстояние между собой и миссис Монблан до тех крайних пределов, которые ограничены условностями и приличиями, на которых настаивает супружеский долг, но не счастье, добавляет жару в итак уже расшатанные мысленастроения и устои миссис Монблан.

– Человек, отделяющий себя от других людей, лишает себя счастья, потому что, чем больше он отделяет себя, тем хуже его жизнь. – Так тихо говорит сэр Паркер, что его только слышит миссис Монблан, и как уж без него, уже в кровь расчесавшего об стенку гроба всю свою спину классика, который терпеть не может, когда его используют, а его раз за разом используют и используют. Но разве сэра Паркера это волнует, да к тому же он сейчас сильно занят, успокаивая бокалом вина вперемежку со своими страшными мыслями миссис Монблан, только сейчас понявшую всё несчастье своего, не на кого опереться в трудную минуту, одинокого положения.

И, наверное, не находишь сейчас миссис Монблан под сеньми своего дома, а сэр Паркер в несколько перебравшем состоянии, которое его, выведя на пять минут в туалет, в этот раз не привело обратно к миссис Монблан, – в тени кладовки было гораздо прохладней находиться и ближе к отдыху, – то не вышло бы так, что сэру Монблану пришлось бы признать правоту афоризма ещё одного классика, Чехова, и раз ружьё висит, то оно должно непременно дуплетом выстрелить, прямо в голову сэра Паркера.

Хотя, возможно, сэр Монблан был не столь глух и недалёковиден, как того бы хотел сэр Паркер, раз он быстро обнаружил этого, решившего без объявления игры поиграть в прятки, сэра Паркера. И эта-та, да и во всём другом самоуверенность сэра Паркера и подвела его в этом случае, приведя спать вначале в кладовку, а затем под шумное прысканье смеха гостей сэра Монблана, в крепкие объятия мысли ещё одного классика, а вернее, героя его самого монументального произведения «Гамлет», увековеченного в памятный гранит.

Когда же сэр Паркер ощутил себя не только побитым, но как вроде бы живым, первое что он сделал, когда открыл свои глаза, то совсем не удивился увиденному, а спросил этого сурового вида мужика, который не сводил с него своего пристального взгляда:

– И чего вылупился, Гусь?

Ну, а что ему может ответить всего лишь памятник, а не как в тот первый момент думал сэр Паркер, тот попрошайка, которого он постоянно встречает на своём пути на автобусную остановку, который точно таким же взглядом на него постоянно молча смотрит. Но это дело десятое, касаемое только сэра Паркера, ещё потом долго пытавшегося слезть с этого памят-

ника, куда его, так им и осталось невыясненным, так занесло. – Не иначе, что-то меня вдохновило и в результате, так вознесло. – Нашёл для себя наиболее разумное объяснение этому факту взлёта своего тела, сэра Паркер, так и не решившись задать уточняющиеся вопросы сэру Монблану.

Сам же сэр Монблан, в этот вечер тоже дал повод классику не спать и заставил подумать над его, сэра Монблана, поведением, где он, глядя на миссис Монблан, процитировал Толстого. – Жениться надо всегда так же, как мы умираем, то есть только тогда, когда невозможно иначе.

И ведь не боятся же эти господа, к месту и не к месту подкреплять свои действия цитатами и афоризмами классиков, которые, если логически рассудить, то всё это говорили, если что, то уж точно не для них. И не получится ли так, что в какой-нибудь экстренный для этих господ момент, стоящий за его спиной классик, возьмёт и не просто передумает оказывать помощь своему, не знающему никаких границ неблагодарности последователю, а окажет ему, так сказать медвежью услугу, подсунув к его слову неблаговидную, совершенно не к месту цитату из своего творчества.

Но видимо не боятся, да и даже не представляют себе возможности такого оборота дел, продолжая, как они говорят, пользоваться общемировым культурным наследием. Правда время от времени, у многих членов клуба, как и в случае со всяким наследством, где без кровопролитных или как минимум полных нервов споров не обойдёшься, возникает искушение оспорить все эти вклады. Где только тем из классиков и везёт, до кого за давностью времени, не может дотянуться рука критика, которые всегда являются отражением чьего-то мнения, и почему бы и нет, вполне готовы к тесному сотрудничеству с теми из творцов, кто полновесно отражает его взгляды на мир через окно люксового автомобиля.

Так что вполне возможно, что стоящие за спинами членов классики, сильно не возникают потому, что находятся не в том положении, чтобы оспаривать решения своих последователей, которые, всё же надо отдать им должное, подчас, хоть иногда это и коряво получается, возвращают утраченный интерес к позабытым классикам литературы.

Но этим господам, сэру Монблану и сэру Паркеру, легко быть гуманистами, они уже находятся на вершине Парнаса. Ну а что спрашивается делать тем, кто находится в самом начале своего пути к этим вершинам, со своими препятствиями в виде закрытых редакционных дверей, заманчивых предложений со стороны конъюнктурных соображений и куда без разного рода искушений, подороже продаться. Да и к тому же нельзя не учитывать того факта, что мир погряз в политике, которая проникла во все сферы человеческого внимания и понимания. Чего уж точно игнорировать никак нельзя, а иначе загрызут и не поперхнутся. И тут, если не хочешь оказаться на острие пера недремлющего ока критика или кулака политического оппонента, то здесь выход один – необходимо объединяться.

Ну, а любое объединение всегда подразумевает свои общие точки соприкосновения для всех этих объединяющихся людей, где их общие взгляды на ту или иную проблематику, и даже их аполитичность, являются всё тем же объединяющим фактором. И если даже, всего этого пока что не удалось выяснить, то общий язык изложения своих мыслей на бумагу, чем не объединяющий фактор. Ну а раз пока ничего другого объединяющего не найдено или не объяснено, то на данном момент можно и на основании этого факта присутствия, создавать альянсы. С чем и пришли к своим союзам, два возникших основных блоковых объединения клуба, состоящих из тех классических писателей, на кого опирались в своём видении мира полные пока что только перспектив, а не заветной славы, члены клуба.

Так в восточном писательском блоке оказались всё те же лица, среди которых наиболее выделялись, гроза всякого конформизма и бюрократии Маяковский, обладатель глубинных знаний и взглядов на вас Достоевский, не так прост, как кажется, Чехов и... Гоголь, чья личность и стала на этом этапе противостояния образным камнем преткновения между этим

так называемым восточным писательским блоком, на который возлагала свои надежды одна часть членов клуба, и другим, представляющим западное направление писательским блоком. В состав которого входили не менее известные личности, среди которых особо выделялся Марк Твен, снисходил Диккенс и держались больше в тени Оруэлл, Кинг и Чейз.

И, казалось бы, что им всем между собой делить, когда на каждого сюжетов, тем, и для своих откровений сердец предостаточно, и как подчёркивал Чейз: «Весь мир в кармане и практически перед твоими ногами». К тому же каждый из них уже давно нашёл себя и свою писательскую нишу, в которой он считался непререкаемым авторитетом. Всё так, но не надо забывать главное, а именно то, что от их имени действовали и их авторитетами прикрывались те их последователи, у кого всего этого не было, кроме как только желания и готовности, не взирая на авторитеты и часто ниспровергая их (хитры что и говорить, мол клин клином вышибают), самому занять место среди них.

Ну а раз так часто бывает, и случается сплошь кругом и рядом, что для особо одарённых знаниями Макиавелли есть главное правило жизни – для достижения своей цели все средства хороши, то они и следуют им. К тому же человек не существует в вакууме, и его жизнь и умозрения на неё, постоянно подвергаются корректировки внешним информационным фоном, который сегодня в крайность политизирован. Что в свою очередь налагает на человека безответственность или ответственность его отношения к этим реалиям жизни.

Так что то, что потенциальные претенденты на своё место в признанных рядах классиков, принялись ниспровергать самих же классиков, было делом времени. Правда не всех под одну гребёнку, а лишь тех, кто своим мировоззрением не укладывался в современные культурные тренды, часто раздражал своей непримиримой позицией к некоторым изъянам общества, которые нынче даже вполне принимаемы и не только терпимы, и при этом всё это ими подаётся с такой неопровержимой долей таланта, что даже становится невыносимо всё это читать и слышать.

И первым шагом по этому направлению, – ниспровержению не актуальных для новой нормальности выразителей культурного кода народа писателей, – началась компания по переосмыслению прежних истин, которые в своё устаревшее и во всех смыслах отсталое время, смели отстаивать и провозглашать те идеологи своего времени.

– Красота спасёт мир. – После таких заявлений Достоевского, несказанно удивлён такой технической несостоятельности его писательского гения ли, представитель наиболее полно реализующего себя в жизни, модного писательского течения, Анри Ротинг, который в знак своего необычайного волнения, тут же просунул мизинец своей руки себе в тоннель мочки уха. И хотя Ротинг сколько себя помнил и знает, то всё это время, через всевозможные проколы и татуировки на своём теле, он всегда стремился к ощущению красоты, всё же что-то в этом утверждении своего теперь точно оппонента, его настораживает.

Что заставляет Ротинга обратиться за ответом к зеркалу, с которого на него смотрит весь такой модный, хоть прямо сейчас иди на ток шоу, современный писатель, который в нынешнее время и сам должен быть интересным для своих читателей. Не то, что все эти, старой формации писатели, привыкшие нагнетать на себя таинственность и ореол романтики, умело прячась за свои новеллы и повести, что иногда и впрямь впадаешь насчёт них в чувственное заблуждение. Правда надо отдать должное тому, как этот сукин сын, ну до чего же правдоподобно и достоверно описал всё то, что случилось с этим козлом и той стервой, отчего даже закрадывается сомнение в вероятностной сути его ознакомления с этой историей, а его ссылки на художественный замысел и воображение, всего лишь есть прикрытие его имевших место в реальности делишек.

Правда при этом Ротинг, вглядываясь в себя в зеркало, при виде себя, где всё на при нём и на полагающемся месте, не просто чувствует уверенности в том, что эта та красота, которая

спасёт мир, а наоборот, начинает убеждаться в обратном. Что и приводит его к радикализации взгляда на эту озвученную ранее версию красоты.

– Нет, я понимаю, что каждый имеет право и достоин своей точки зрения на особенности этого мира. Но вот любые обобщения, я не приемлю. – С возмущением, посредством своего отображения в зеркале, обратился Ротинг ко всем уже, по его мнению, засидевшимся на своих пьедесталах, бывшим безоговорочным авторитетам мысли. – Слишком уж не толерантен к людям с некрасивой внешностью, этот, наверняка, ещё во много чём предосудительном и даже возможно противозаконном замешанный писатель. – Сделав для себя окончательный вывод насчёт личности писателя Достоевского, Ротинг решил не останавливаться на этом и пойти дальше. Так он решил начать освобождение закрепощённых мудростью предков умов молодого поколения, которое имеет все основания для того, чтобы без оглядки на чужие ошибки и сделанные из них выводы, учиться на собственных шишках.

– И это право никто у меня не отнимет! – погрозив кому-то там, в небесах, Ротинг в качестве демонстрации своей готовности идти до конца и в отстаивании этой своей жизненной позиции, взял и лизнул железную ручку входной двери дома. Что хоть и странно, но, в общем-то, терпимо, правда не во все времена, и в особенности на морозе, что и привело Ротинга к своим прилипчивым последствиям. Но Ротингу хоть и больно, но он сам того хотел, правда не срывать язык на голос отчаяния и вследствие этого срыва, полученную им картавость. Но что уж поделать, раз без своих жертв, и это самое малое, ни за что не отстоять своё право на особый взгляд и видение мира.

В общем Ротинг, на первом же своём опыте, на чём он требовательно и настаивал, убедившись в том, что собственный опыт, а тем более ошибочный, это всегда чрезмерно больно, тем не менее выказал себя человеком последовательным, энергичным и убеждённым в отстаивании этого своего права, продолжая на своём уровне продвигать в жизнь эту свою теорию первооткрывателя. И надо сказать, что Ротинг из-за своей непоколебимой и зачастую вызывающей полный любопытства интерес позицией, завоевал определённое уважение среди тех членов клуба, кому мешали все эти авторитеты мысли на их пути к своей авторитетности.

Правда существовать, а тем более двигаться вперёд к вершине Парнаса, без вообще ориентиров, не представляется разумным и, пожалуй, не имеет какого-либо смысла, и поэтому Ротинг, и временно (пока их путь не приведёт к вершине Парнаса) примкнувшие к нему пока ещё мало влиятельные и даже частично ничтожные члены клуба, решили проявить благоразумие и в качестве эталонов отображения в слове художественной мысли, оставили на своих местах тех представителей мысли, на ком они выросли, и кто оказал на них самое существенное влияние.

При этом Ротингу и подстрекаемой им группе последователей, которые причисляли себя к наиболее просвещённой, западной школе исследователей человеческого нутра, для реализации их концепции взглядов на мир, с пересмотром его основоположений и низвержением бывших авторитетов, необходимы были те авторитеты, кого бы можно было пересмотреть и усомниться в правомочности их вкладов в мировую культуру. И понятно, что их взгляды ожидаемо направились в одну сторону, в восточный писательский блок. Но Ротинг и группа его последователей не сразу ринулись опровергать и подвергать сомнению значение и правомочность тех классиков от литературы, которые стояли за спинами их оппонентов, а они для начала решили присмотреться.

А всё потому, что Ротинг и его согоспода, по прошлому опыту своих предков зная, – и хотя эта вещь в их глазах бездоказательная и оспоримая, но в данном случае ими было решено на этот счёт сделать своё исключение, без которых стоящих правил не бывает, – как этот противник невероятно везуч и опасен, решают более обстоятельно подготовиться. Тем более уже частичный опыт был приобретён лордом Лабаном, который аргументировано, – по нашему огромному, с привлечением стольких специалистов, вкладу в развитие остросюжетной и детек-

тивной литературы, да и ВВП не забывайте учитывать, – посмел утверждать, что он не считает литературой то, что не может прочитать. И, пожалуй, на этот раз лорд Лабан поспешил закуривать свою сигару, так как в один момент был пригвожден сапогом со стальными набойками своими ногами к полу.

– Понимаю. Не хватало мотивации изучить чуждый вашему империалистическому сознанию язык. – Не сдвигаемо и скорей всего, без на то того позволения лорда, нерушимо расположившись на ногах лорда Лабана, оперевшись в него пронзительным взглядом, сказал гражданин Самоед, получивший это своё имя, благодаря своей нервной привычке грызть колпачок своей самой простой, без названия ручки. На что лорд Лабан, ничего не может ответить, и не только от переполнявшего его возмущения и оказывающего давления на его речевые функции устоявшихся на его ногах ног гражданина Самоеда, но и оттого, что его зубы стиснули вставленную в рот сигару.

В свою очередь Самоед, при виде всех этих затруднений лорда Лабана, вновь проявляет себя с понимающей стороны, и не слова ни говоря, берёт и к полнейшему умопомрачению лорда Лабана, прикусывает его сигару со своей стороны. После чего Самоед смотрит на лорда Лабана, находящегося в такой удивительной связке с ним, и с улыбкой подмигивает ему. Чего нервы лорда Лабана не выдерживают, и он, открыв рот, выпускает изо рта эту свою связующую нить с Самоедом. Но Самоед не для того зацепился за эту сигару, чтобы использовать её по своему единоличному назначению. И Самоед тут же выплёвывает сигару и требовательно обращается к лорду Лабану.

– Так вот. Слушайте присказку и делайте соответствующие вашему сознанию выводы. Да будь я и негром преклонных годов и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал товарищ Ленин. – Самоед сделал паузу и уточнил у лорда Лабана. – Ну так что, ты всё понял?

– Угу. – Пробубнил в ответ лорд Лабан, и через мгновение ока, сам того не понял, как оказался в сидячем на полу положении. И хотя с этим вопросом вскоре всё разрешилось – Самоед, сойдя с его ног, тем самым отпустил его в свободное плавание, которое и привело его к такому положению – то вот насчёт изучения этого чуждого сознанию лорда Лабана языка, то с этим было справиться куда сложнее.

И здесь проблема не только в никакой памяти лорда Лабана, который даже при знакомстве с дамами в клубе, вынужден был по три раза с ними знакомиться, чтобы в итоге всё равно забыть, кого как звали. И, в конечном счёте, ему только и оставалось, как надеяться на интуицию, на которую только и надежда, потому что лорд Лабан никогда не ограничивается этой потерей памяти, а шёл дальше, до своего без памятливого состояния, где забывает и себя в том числе, как звали. А проблема в том, что лорд Лабан суеверно боится того, что он, приступив к изучению этого чуждого его сознанию языка, по мере понимания его, начнёт втягиваться и тем самым растеряет все свои предубеждённости насчёт него и его носителей. А вот этого лорд Лабан, как ни в одном поколении носитель традиций и ценностей своих предков, которые из своего принципа предубеждения ко всем кто не они, и для поддержания статуса своего высокомерия, стерпеть не мог. Впрочем, как и того, что ему грозили сапоги Самоеда в случае его неповиновения.

Да уж, в сложную ситуацию попал лорд Лабан, где даже вот так сразу, без предварительного опытного нахождения под сапогами гражданина Самоеда, и не определившись с наиболее разумным выбором. И как думаете, какому же нетерпению отдал предпочтение лорд Лабан? Хм. И даже спрашивать как-то неуместно. И само собой разумеется, лорд Лабан не смог отказать от принципов и ценностей своих предков, принявшись изучать этот ненавистный ему язык, как на том настаивали его предки – с высокомерным предубеждением.

Так вот, Ротинг и его приверженцы, учитывая все возможные опасности, решили не идти на рожон, а учитывая специфику своего образа мышления, посчитали, что если им удастся

через комплекс мер убеждения склонить на свою сторону хоть одного человека из противоположного лагеря, то это будет несомненно факт победы.

– И против кого будем играть? – спросил Ротинга лорд Лабан, который уже начал на себе ощущать воздействие нового языка. Так его зубные коронки подогнанные под его чистое кембриджское произношение, после того как он частично перешёл на ломанный язык своего противника, начали тереться совершенно не в предназначенных для этого местах и в результате деформироваться.

– Да я на одних только зубных коронках разорюсь. – Причитал лорд Лабан, обладатель что ни на есть самого жмотистого характера, которым гордились все кембриджские предки лорда Лабана. – Всё, с меня хватит. – На этом и на посещении своего стоматолога, хотел было закончить изучение русского языка лорд Лабан, как вдруг вспоминает кулаки гражданина Самоеда, которому покажутся малоубедительными эти его основания от отказа от знаний языка. После чего Самоед уже со своей стороны, вначале отправит его в нокаут, а вслед за этим к стоматологу. Хотя всё же чуть раньше к хирургу, исправлять свой прикус языка раскрошенными в хлам зубами. И лорд Лабан, сглотив слюну, решает, что знания добытые без труда, и не знания, в общем-то, а это возвращает его обратно к учебнику.

Что, впрочем, совершенно его не отвлекало от ненависти к гражданину Самоеду, которого он был не прочь, не просто прибить, а с предварительным его уведомлением на его родном языке, для чего лорд Лабан уже тщательно готовится, изучая различного рода местного культурного значения выражения и фразеологизмы.

– Я думаю, что для этой роли лучше всего подойдёт тот, кто отдалился и потерял свою связь с корнями. – Туманно сказал Ротинг.

– При всём уважении ... – Иносказательно, что значило, ты определённо настаиваешь на том, чтобы называться тупицей, спросил Ротинга лорд Лабан, несколько недовольный тем, что по отношению к нему используют недомолвки. Ведь язык оговорок и недомолвок, есть прерогатива представителей высшего общества, которое таким иносказательным языком, одновременно соблюдая приличия, указывает этой, его презрительности, на его должное место, у себя в дерьме.

Но видимо лорд Лабан, из-за последних событий, находясь в нервном состоянии, забыл с кем он разговаривает, раз позволил себе такую бестактность по отношению, не просто к простому Ротингу, а к имевшему честь иметь ближайших родственников в тех же майоратах, сэру Ротингу. Но и это не всё, а главное то, что сэру Ротингу был наипервейший кредитор ведущего разорительную, всю в весельях, жизнь лорда Лабана, А уж это такая крепкая связь, что её практически ничем не разорвать, и она изо дня в день вместе с набегающими процентами только крепнет, и которая даже после смерти одного из членом этой цепи не исчезает, а передаётся по наследству.

– Это смелое предположение. – Со своей стороны выразил надежду на благоразумие и в веру в него, а не в сумасшествие лорда Лабана сэру Ротингу, умеючи используя всё тот же язык лордов, сэров и такого же рода высокоизворотливых господ из высшего общества, которые всегда во всём так благоразумны и рассудительны в особенности на должное.

Что благоразумно понимается лордом Лабаном, который сегодня собирался настаивать на числе 33 при игре в рулетку. А для этого крайне необходимы денежные вспоможения, а их по глубокому рассуждению лорда Лабана, без сужения их сэром Ротингом, ему больше нигде не получить. Так что лорд Лабан в один момент прекращает все эти интеллектуальные игры в словесность и спрашивает Ротинга. – И кого же видите в этой роли?

– А вы разве так и не догадались? – вопросом на вопрос отвечает Ротинг, явно ещё не до конца простивший лорда Лабана.

– Нет. – Лорд Лабан через свою недалёкость умело находит прощение в глазах Ротинга.

– Господин Гоголь, как мне кажется, уже достаточно время проживает в Европе, чтобы начать понимать, что значит просвещённое общество. Как вы думаете, лорд Лабан? – спросил его Ротинг.

– Любой близкий нам по духу человек, впитывая наш дух свободы, просто обязан забыть обо всех тех пустяках, о которых его с детства дома учили, и он со временем несомненно должен образумиться и влиться в ряды просвещённых деятелей искусства. – Заявил в ответ лорд Лабан. Ответ же лорда Лабана полностью удовлетворяет Ротинга и, они заручившись поддержкой близких к своему мировоззрению писателей мирового значения, принялись за разработку плана по перетягиванию в свой стан этого ещё колеблющегося господина Гоголя.

– Нет сильнее оружия, чем лесть. – Настаивал на своём Теккерей. – Только она, на свой крючок тщеславия, способна подцепить человека. А уж с него-то, ещё никто из переполненных амбициями и самомнением людей, к которым, и врать даже не собираюсь, все мы писатели относимся, не срывался. В качестве доказательства всего этого, можете ознакомиться с моей «Ярмаркой тщеславия».

– Это хорошо. – Согласился Ротинг. – Что ещё?

– В произведениях Гоголя, явно прослеживается его недовольство существующей государственной системой распределения благ. – Высказал свою точку зрения Оруэлл. – И причина всему на его взгляд, несменяемость власти. – А вот с этим утверждением Оруэлла, Ротинг вынужден был не согласиться. – Господин Оруэлл, давайте не будем выдавать желаемое за действительное. Все мы отлично знаем ваше неприятие любых форм тоталитаризма, и за это уважаем вас, как человека умеющего вскрывать пороки системы, но мне кажется, вы слишком увлеклись и сами стали системно мыслить, видя во всём происки системы.

На что господин Оруэлл пригвоздил взглядом ненависти Ротинга, отсчитал ровно минуту, – именно столько должен длиться такого рода взгляд, без последствий для его бросающего, и последствий для принимающего его, – и пробубнив про себя: «Скотина», – повернулся к Ротингу спиной, замышляя нехорошее против этого Ротинга.

– Все вы знаете, что я в своей жизни непременно придерживаюсь главного правила: Никогда не полагайся на видимость, всегда принимай в расчет только факты. – Взял слово всеми сословиями уважаемый, а не только спецслужбами рассматриваемый, Диккенс. – А факты, да в тех же «Мёртвых душах», нам говорят о том, что в господине Гоголе присутствует коммерческая жилка, и он знаком с различными обходными схемами по пополнению своего бюджета наличными. И его взгляд на жизнь через фокус копейки: «Больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой», – очень чётко пересекается с моим взглядом на жизнь. А я всегда говорил, что лучшие поручители – это, вне всякого сомнения, деньги и товары. Прямо-таки чувствую родной дух.

– Надо подумать, как это можно будет использовать. – Задумчиво сказал Ротинг.

– Я не вижу здесь даже намёка на загадку. – Почесав свой нос, сказал Конан Дойль. – Поверхностного взгляда на труды этого господина, достаточно для понимания того, что его, как и многих его соотечественников, да того же Достоевского волнует, а может и вовсе тяготит, проблема игромании. Ведь не зря же они такое место в своём творчестве уделяют игре.

– Это интересная мысль, Конан. – Обратился к мастеру построения логических цепочек, софисту по творчеству, Дойлю, Ротинг. – И к чему вы всё это ведёте?

– Я бы не хотел использовать в своём ответе всем известную фразу, специально заезженную моими нежелателями, в основном представляющими из себя непрофессионалов сыскного дела, которые подняв меня на смех, таким образом решили дискредитировать меня и мою дедуктивную систему, но вы своей недалёковидностью не оставляете мне другого выхода и я вынужден сказать. Это элементарно доктор Ротинг. Все пути ведут в казино. – Сказал

Конан Дойль, откинувшись на своё кресло качалку, без которой его представить себе не возможно, затем вновь почесал свой орлиный нос, и как показалось, до этого момента не знавшему за собой таких докторских регалий Ротингу, не просто так пристально на него посмотрел.

– Конан, ничего просто так не делает. И во всех его словах и действиях, всегда присутствует своя логическая цепочка. – Принялся размышлять Ротинг, анализируя всё сказанное Конан Дойлем, и то, как он себя вёл. – Для чего спрашивается, он назвал меня доктором, когда я им не являюсь. Хотя мне это было приятно слышать. Можно предположить, что к слову. Но почему-то мне кажется, что тут дело в чём-то другом. – Ротинг вслед за Конан Дойлем проявил последовательность и в раздумье почесал свой нос. И вот это его действие внезапно озарило его догадкой. – Так вот что он имел в виду. – Ахнул догадкой Ротинг. – Называя меня доктором, он тем самым намекал на то, что нужно принять во внимание предложение Теккерера, насчёт использования лести. А почёсывая свой нос, он тем самым указал направление применения этого инструмента влияния на умы. – Ротинг так глубоко задумался, что его мысли распавшись на свои атомы, звуки, пока ничего не выражали, а в своём броуновском движении пытались подыскать для подходящие условности. Когда же Ротингу показалось, что в нём сформировалось убеждённости в том, что он хотел мыслить, и уверенность в этом, то он мысленно подытожил результат своих размышлений:

– Мы найдём с ним общую точку соприкосновения. Его, практически не отличишь от европейского, нос, которому мог бы позавидовать и сам Сирано. А это уже о чём-то и не малом, а говорит. Что может послужить темой для множества дискуссий и обсуждений. После чего можно будет постепенно перейти к теме значения в жизни человека азарта, который все по себе знают, что лучше всего познаётся на себе. Ну а все пути для этих знаний ведут в одно место – казино. Ну а там легче лёгкого завоевать доверие, тем более, когда оно основано на крепких принципах кредита. – Ротинг оставил в покое с чувством выполненного долга задремавшего Конана, и перевёл свой взгляд на Кинга.

– А вот к тебе у меня есть обстоятельный разговор. – Подзывая к себе пальцем руки Кинга, проговорил Ротинг.

– Предупреждаю, – зловеще улыбнулся Стивен Кинг, – сочинитель ужасов всегда приносит плохие вести.

– Я думаю, что это не так страшно, если они поступят с выбранного нами пункта назначения. – Не менее зловеще улыбнулся в ответ Ротинг.

– Вы так думаете? – спросил Кинг.

– Пусть думает... – недоговорив, осёкся Ротинг, затем посмотрел на Кинга и каким-то мертвым голосом сказал. – Пусть наш подопечный так страшно думает, до нервного срыва думает и в приступах иступления выражает себя. А вы в этом ему, я думаю, сможете сильно помочь.

– Я всегда готов прийти на помощь, если у человека бессонница. – Многозначительно сказал Кинг.

– Бессонница? – задумчиво сказал Ротинг. – Что ж, это тоже своего рода вариант. Правда, я хотел вам предложить вариант с мёртвой зоной. Мне, кажется, это более подходит для нашего дела.

– Ну, а в случае с бессонницей наши возможности воздействия на подопечного, неизмеримо расширяются. – Выразил в ответ своё не полное согласие Кинг. Ротинг же зная, что с этим Кингом нужно придерживаться особых правил, где главное, не сильно увлекаться в спорах с ним, посчитал, что компромисс будет самым лучшим решением.

– Что ж, давайте объединим оба эти подхода к решению нашей общей задачи с подопечным и, взяв из «Мёртвой зоны» концепцию переосмысления прежних человеческих установок на мир, а из «Бессонницы» инструмент по воздействию, тем самым придём к общему знаменателю. – Сказал Ротинг, протягивая руку Кингу.

– До следующих пределов понимания. – Сквозь туманную дымку до Ротинга донёлся голос Кинга.

Пункт №4 Отчёта.

– Существование и продолжительность жизни классических произведений, обусловлено их необходимостью для человечества в данном периоде его существования, пока оно, человечество, не сумеет себя полноценно самоидентифицировать и не достигнет нравственного совершенства. – Сказал Президент в ответ на выдвинутые ему претензии новоиспечённых членов клубы, которым была непонятны эти все отсылки к прошлому.

– И ещё они характеризуются тем, что погрязли в ветхости своего классицизма, с высоты которого они всегда будут отстаивать своё место в искусстве, подвергая критике и сомнению всё то, что на них совершенно непохоже. Но не в их силах, не в их случае, изменить настоящее и остановить течение мысли, которое во все времена разное, и привносит свои изменения в выражения самой себя. И я, как выразитель своего времени, требую быть объективным! – повысив голос до яростного, сказал товарищ Гвоздь.

– Что именно вы предлагаете? – спросил его успокоительным голосом Президент.

– Что касается, не столь свободного как хотелось, не произвольного, находящего под неусыпным контролем рифмы и подчинённого строгим системным правилам стихотворного размера поэтического искусства, то в здесь всё до меня давно изложено товарищем Маяковским. – Товарищ Гвоздь достаёт лист бумаги из глубин своей темноты, кладёт его перед собой и начинает зачитывать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.